

Де Коленкур
Арман

НАПОЛЕОН
ГЛАЗАМИ ГЕНЕРАЛА
И ДИПЛОМАТА

Наполеон Бонапарт — гениальный полководец,
выдающийся политик, человек своей эпохи.

Жизнь великих мужчин (АСТ)

Арман де Коленкур
**Наполеон глазами
генерала и дипломата**

«АСТ»

УДК 929(44)
ББК 63.3(4Фра)-8

де Коленкур А.

Наполеон глазами генерала и дипломата / А. де Коленкур — «АСТ», — (Жизнь великих мужчин (АСТ))

Наполеон Бонапарт – гениальный полководец, выдающийся политик, человек своей эпохи. Каким был его путь? Как проявился его талант полководца в ходе войны 1812 года? Какие существенные ошибки привели Наполеона к поражению в войне? Французский генерал и дипломат Арман де Коленкур сопровождал Наполеона в течение всей военной кампании. В его мемуарах день за днем описывается продвижение армии, победы и поражения, сомнения и тревоги Наполеона, сражение при Бородине, взятие Москвы и бегство Наполеона в Париж. Интересные факты и наблюдения, занесенные в записную книжку дипломата, предстанут перед читателями этой книги. Издание предназначено для широкого круга читателей.

УДК 929(44)
ББК 63.3(4Фра)-8

© де Коленкур А.
© АСТ

Содержание

ГЛАВА I	6
ГЛАВА II	43
ГЛАВА III	58
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Арман де Коленкур

Наполеон глазами генерала и дипломата

© ООО «Издательство АСТ», 2016

ГЛАВА I

Посольство в Санкт-Петербурге

Предварительные замечания. – Вопрос о назначении Коленкура послом в Санкт-Петербург. – Коленкур отказывается. – Настояния Наполеона. – Коленкур назначен послом. – Эрфурт. – Разговор Наполеона с Коленкуром: германские и испанские дела, Польша, Австрия. – Эрфуртский конгресс. – Его цель. Взаимоотношения между двумя императорами. – Зондирование почвы по вопросу о браке Наполеона с русской великой княжной. – Возвращение Коленкура в Санкт-Петербург. – Просьба об отставке. – Отставка и возвращение во Францию. – Разговор с императором: Россия, Александр, угроза войны, Польша, Ольденбургское дело. – Коленкур в немилости у императора.

События, происходившие в Европе между 1807 и 1812 гг., имели огромное влияние на события, последовавшие за ними, ибо они отдали в руки России ключ к решению европейских судеб; я считал поэтому полезным сохранить касающиеся различных фактов заметки, которые я делал в то время.

Когда я начал вести свои записи, я не преследовал другой цели, кроме желания отдать себе отчет в своей жизни, в своих впечатлениях и своих поступках. Но потом эти заметки показали мне материалами, дающими необходимое дополнение к официальной части моей посольской корреспонденции и, может быть, даже к истории этой великой эпохи, ибо все, что относится к России, имеет для этой истории существенное значение, так как Россия в мировых делах занимала тогда первое место после Франции.

Моя цель будет достигнута, если эти заметки помогут также понять характер и политические взгляды императора Наполеона.

Мне думается, что его слова, его суждения, его размышления и даже его ошибки должны быть для его сына¹ лучшим руководством, а для публики единственным достойным этого великого человека объяснением тех событий, который она обсуждает и критикует, не зная их, но почти всегда несправедливо и недоброжелательно по отношению к великим заслугам тех, кому изменило счастье.

Конечно, читатели часто заметят, что энергичные выражения императора ускользнули из моей памяти, но те, которые знали его ближе, найдут, надеюсь, в моих записках знакомые им мысли императора и убедятся в неизменной добросовестности этих записок.

Перо человека, ведущего дневник, несомненно, не в состоянии справиться с такой темой, но намерение сохранить вместе с воспоминаниями о великих делах драгоценные материалы для истории должно снискать автору снисхождение читателя. Я до такой степени боялся быть льстецом, и мои взгляды в такой мере побуждали меня порицать политический курс и политические мероприятия той эпохи, что многие мои суждения, казавшиеся мне тогда беспристрастными, часто теперь кажутся мне скорее суровой критикой, чем рассказом дружественного повествователя. Тем не менее я с полной откровенностью передаю свои впечатления в том виде, какими они были тогда, предпочитая лучше подвергнуться нападкам, чем быть заподозренным в том, что я изменил записи, сделанные в эпоху, когда совершались эти события.

Я писал свои заметки всюду: в кабинете, на бивуаке, в любой день, в любой момент; они рождались во всякие мгновения. Я ничего не прикрашивал, ничего не замаскировывал, ибо хотя император проявлял порою человеческие слабости, тем не менее в нем чаще видели

---

¹ Сын Наполеона и Марии-Луизы – Франсуа Шарль Жозеф (1811–1832); Наполеон дал ему при рождении титул «Римский король»; после падения Наполеона он должен был жить при австрийском дворе под австрийским титулом герцога Рейхштадтского. Коленкур собирался посвятить ему свои мемуары.

полубога. Я не раз говорил себе, что этот дневник, который я писал на глазах у императора, мог бы попасть в его руки, но это соображение не останавливало моего пера. Это – ответ тем, кто утверждал, будто в царствование Наполеона нельзя было ни думать, ни говорить, ни писать и что правдивость вызывала его непримиримую вражду. Нет спора, правдивость лишала человека благосклонности императора, но, обладая возвышенным и твердым характером, он допускал всякую добросовестную критику, и так как мои записки представляют лишь правдивое повторение того, что я говорил ему на словах, то я был уверен, что он не посмотрит на них как на прегрешение, если только при опубликовании я не придам им характера упрёка его политике и его славе.

В этом дневнике имеются и некоторые подробности, относящиеся ко времени, предшествовавшему моему пребыванию в Санкт-Петербурге; все они были записаны в то время, когда происходили соответствующие события. Если не все они представляют действительный интерес, то во всяком случае они все отличаются точностью. Многие из них показались мне необходимыми для того, чтобы объяснить различные обстоятельства моей карьеры государственного деятеля.

В жизни людей, обремененных общественными делами, как и в ходе самих событий, все связано друг с другом, все сцепляется звено со звеном и сливается с историей. Подробности необходимы, потому что они часто объясняют те обстоятельства, из которых рождались события. В силу простой необходимости мне приходится поэтому говорить и о самом себе. Так как Эрфуртский конгресс происходил в то время, когда я был послом в России, то я счел, что рассказ о нем составляет необходимую часть рассказа о моем посольстве. Записи, которые я с щепетильной точностью вел после приезда императора в Дрезден в 1812 г. и вплоть до его возвращения в Париж после похода в Россию, точно так же показались мне необходимым дополнением к первой части моих записок.

Если когда-нибудь читатель увидит эти страницы и найдет меня строгим, то я надеюсь, что при оценке моих записок он учтет те события, под влиянием которых я их набрасывал.

Многое пришлось, впрочем, вычеркнуть, так как если я и стремился быть правдивым и точным, то я прежде всего старался никому не повредить.

Все, что говорил император, я записывал словно под его диктовку, и легко видеть, что этот дневник является только наброском. В тех случаях, когда император кого-либо порицал, я привожу только те его слова, которые безусловно необходимы для исторической правды и для того, чтобы оттенить ценность его похвал.

Начиная с Тильзита², император хотел назначить меня послом в Россию. Лишь после моего второго отказа в Кенигсберге в Петербург был послан генерал Савари³, который тотчас же отправился туда на время, пока не будет назначен посол⁴. Я хотел в то время найти какой-нибудь повод, чтобы выйти в отставку и жениться⁵. Император, думая, что меня легче будет уговорить после моего возвращения в Париж, когда я повидаю моих друзей, которых он считал причиной моего отказа, несколько раз вновь говорил со мной об этом посольстве, по моему решению оставалось неизменным. Я даже не скрывал от генерала Дюрока⁶, которому импе-

---

² Тильзитские переговоры происходили в конце июня и начале июля 1807 г.

³ Савари, герцог Ровиго (1774–1834) – генерал. В 1802 г. глава тайной полиции. После Тильзитского мира уполномоченный при российском дворе. В 1810–1814 гг. министр полиции. Неутомимый исполнитель приказаний Наполеона, которому был всецело предан.

⁴ Наполеон объявил Савари о его назначении письмом от 13 июля. Савари тотчас же отправился в Петербург, куда прибыл 23 июля.

⁵ Коленкур хотел жениться на г-же де Канизи, разошедшейся с мужем: в тексте он ее все время называет г-жа де К... Наполеон был против браков с разведенными.

⁶ Дюрок, герцог Фриульский (1772–1813) – гофмаршал Франции. С 1804 г. обер-гофмаршал. Был необычайно предан Наполеону, которого сопровождал во всех походах. Один из немногих, к кому был искренно привязан и Наполеон. С 1807 г. – герцог Фриульский. Убит под Бауценом в 1813 г.

ратор поручил уговорить меня, мое желание покинуть службу и отдохнуть. Дюрок в конце концов сказал мне, что его величество требует, чтобы я принял это посольство хотя бы на шесть месяцев; он говорил, что это – единственное средство осуществить мой брачный проект; мое отсутствие уладит все; император даст свое согласие, и, пока я буду в Петербурге, все устроится к лучшему. Что же касается моих проектов отставки, то они казались ему недопустимыми, пока продолжается война. Император, говорил он, воспользуется этим как предложением для того, чтобы расстроить то, что мне хотелось бы наладить. При всей искренней любезности Дюрока мне удалось добиться от него только обещания пользоваться всяким благоприятным случаем для того, чтобы поговорить с императором о моих брачных проектах, хотя мой отказ от поездки в Петербург отнюдь не способствовал их осуществлению.

Император, видимо, в конце концов отказался от моей кандидатуры для этого посольства, так как несколько месяцев спустя он назначил туда графа де ла Форе⁷. Граф закончил уже свои сборы и собирался выехать в Петербург в октябре, то есть в то время, когда ожидался в Париже российский посол Толстой⁸, как вдруг прибытие в Фонтенбло офицера для поручений Евгения де Монтескью с депешами от генерала Савари, при котором он находился в течение двух месяцев, внезапно изменило все расчеты императора и побудило его вернуться к своему первоначальному плану.

Монтескью приехал в девять часов утра. Император беседовал с ним полчаса, а затем отправился на охоту.

Отделившись от свиты, которая следовала за ним, император возобновил со мной свои разговоры о России.

– Савари, – сказал он мне, – хочет остаться в Петербурге, но он мне там не подходит. Он нужен мне здесь!.. Он доказывает, что там нужен военный человек, который может посещать парады, человек, который своим возрастом, своими манерами, своими вкусами, своей откровенностью мог бы понравиться императору Александру и дипломатические приемы которого не подорвали бы доверия Александра. Монтескью сказал мне то же самое; мне нужен там человек хорошего происхождения, который своими манерами, своей представительностью и предупредительным обхождением с дамами и с обществом понравился бы двору. Монтескью говорил мне об этом откровенно. Дипломатическая важность де ла Форе испугала бы императора и не понравилась бы двору. Александр сохранил благосклонное отношение к вам. Вы сможете сопровождать его повсюду. Вы будете, когда это окажется нужным, генералом или адъютантом и, когда это будет необходимо, посланцем. Там вершатся дела всего мира. Ключ к всеобщему миру находится в Петербурге. Надо ехать.

Не давая мне вставить ни слова, он начал подробно говорить об императоре Александре, о России, о донесениях генерала Савари⁹ и, не дожидаясь ответа, – так как он, по-видимому, не сомневался, что этот ответ едва ли будет более положительным, чем предыдущие, – дал шпоры лошади и замедлил аллюр только тогда, когда, оказавшись среди своей свиты, был уже уверен, то я не смогу ему отвечать. В конце охоты император снова заговорил о России, о том, что он называл моим смешным отвращением к делам, об услугах, которые можно оказать Франции, находясь при русском дворе, о необходимости иметь там человека прямого, далекого от всякой интриги и друга мира.

---

⁷ Ла Форе был назначен посланцем в Петербург в августе 1807 г., но не выехал к месту назначения; с 1808 по 1813 г. был французским посланцем в Мадриде; в 1814 г. в течение месяца был министром иностранных дел.

⁸ Толстой Петр Александрович (1761–1844) – граф, сподвижник Суворова в польской кампании. В 1807–1808 гг. посол в Париже. Разгадал замысел Наполеона и предостерегал русское правительство. Отозван после эрфуртского свидания.

⁹ Монтескью доставил Наполеону доклад Савари от 9 октября.

– От этого зависит, – прибавил он, – сохранение европейского мира. Вас удерживает в Париже прекрасная мадам де К...¹⁰. Но ваши дела, если вы хотите жениться, устроятся гораздо лучше на расстоянии, чем вблизи.

Я привел несколько соображений – лучших, какие только могли прийти мне в голову, чтобы направить его выбор на других. Но он, по-видимому, меня не слушал. По возвращении во дворец император сказал, чтобы я пришел к нему в кабинет через секретарский вход немедленно после обеда. Продолжавшийся в течение часа разговор сводился к стараниям доказать мне, что я должен отдать себя на служение своей стране и своему государю, что я не могу отказаться от миссии, которая будет полезна для них и почетна для меня. Император сказал, что я проведу в Петербурге только один год, а за это время будет подготовлено все для моего брака, так что по возвращении я смогу осуществить свои желания.

Я удивлялся терпению и даже, я сказал бы, доброте императора, потому что мои упорные отказы и мои неделикатные «нет», заменявшие серьезные доводы, способны были привести его в бешенство.

На другой день¹¹ он вызвал меня с раннего утра и снова отчитывал, но я все-таки не дал своего согласия. Он отпустил меня раздраженный, и я думал уже, что выиграл свое дело, но через час Дюрок пришел ко мне и сказал, что император требует, чтобы я принял назначение. Я не сдался и думал, что император выберет теперь кого-нибудь другого, тем паче что накануне он рассердился на меня. Вечером у императрицы, где собирался двор, он подчеркнуто не сказал мне ни слова, но моя надежда была недолговечной.

На следующий день, во время большого «леве»¹², хотя он не сказал мне ни слова во время малых церемоний, император объявил, что избрал меня на должность посла в Петербург. Так как через четыре дня он должен был отправиться в Венецию и Италию¹³, то эта форма сообщения о моем назначении дала мне понять, к чему могли бы привести новые возражения. Я подчинился.

Часом позже император вызвал меня; его первыми словами было обращение ко мне: «Господин посол».

– Вы упрямец, – сказал он шутливо и потянул меня за ухо.

Повторив снова то, что он говорил во время предыдущих бесед, он приказал мне составить точные и ясные инструкции по моему ведомству в связи с его поездкой, а также инструкции, необходимые для того, чтобы работа моего ведомства¹⁴ не пострадала во время моего отсутствия. Он взял с меня слово, что я отправлюсь в Петербург через шесть дней после его отъезда, а пока приказал мне оставаться в Фонтенбло, чтобы мы могли обстоятельно переговорить о делах.

Тем временем приехал Толстой¹⁵. Его встретили с большой предупредительностью и обласкали, но при первом же разговоре император понял, что это человек, на которого нельзя подействовать любезностями; он сказал мне, что у Толстого есть предвзятые мнения и даже много предрассудков, хотя в то же время он обладает прямоотой и известной откровенностью. Он жаловался мне также, что Толстой недостаточно умен для того, чтобы понимать и обсуждать некоторые вопросы, что он недоверчив и что при таком настроении его деловая ценность невелика. Недоверчивость, которую Толстой действительно проявлял слишком заметно, говорила, что его нелегко в чем-либо убедить. Он понимал слишком буквально все

---

¹⁰ См. ссылку 5.

¹¹ 2 ноября 1807 г.

¹² 3 ноября 1807 г.

¹³ Наполеон выехал только 16 ноября.

¹⁴ Коленкур состоял обер-штальмейстером двора Наполеона.

¹⁵ Толстой вручил свои верительные грамоты Наполеону 6 ноября в Фонтенбло и был принят 7 ноября в частной аудиенции, при которой вручил Наполеону личное письмо Александра I.

то, что было сказано и обещано в Тильзите. Мало привыкший к делам, он чувствовал себя неловко на своем посту, чувствовал смущение на той великой сцене, на которой его заставили дебютировать. Да и события, разыгравшиеся потом, а также события, происходившие тогда в Испании, могли заставить призадуматься петербургское правительство и его посла.

В Тильзите император Наполеон очень далеко пошел навстречу императору Александру. В своих словах и обещаниях он пошел гораздо дальше, чем хотел идти в политике, и был раздосадован, когда встретил педантичного человека, который принял за чистую монету все то, что ему твердили и, как говорил император Наполеон, был вырублен из одного куска.

– Этот Толстой, – добавил император, – пропитан всеми идеями Сен-Жерменского предместья и всеми дотильзитскими предубеждениями старого петербургского двора. У Франции он видит только честолюбие и в глубине души оплакивает перемену политической линии России, в особенности перемену по отношению к Англии. Быть может, он очень светский человек, но его глупость заставляет меня пожалеть о Моркове¹⁶. С тем можно было разговаривать; он разбирался в делах. А этот дичится всего.

Император не ошибался насчет предубеждений Толстого.

После отъезда императора в Италию я выехал в Россию¹⁷. Я не успел сделать никаких приготовлений. Будучи вынужден обратиться к дельцам, я весьма дорого оплатил их услуги. По моем возвращении оказалось, что г. Д..., которому я доверил свои интересы, обокрал меня самым недостойным образом. Мне пришлось вторично оплатить счет за серебро в размере 100 тысяч франков и много других счетов, по которым он не расплатился, хотя и получил соответствующие суммы. Этот господин стоил мне 200 тысяч франков.

После года пребывания в Петербурге я сопровождал императора Александра в Эрфурт, надеясь и даже будучи уверен, что я более не возвращусь в Россию. Во время пребывания в Эрфурте император Наполеон довольно часто разговаривал со мною о делах, но обрывал разговор всякий раз, как я пытался заговорить о моем возвращении в Париж. Когда я один раз был более настойчив, чем обычно, он сказал мне:

– Мы устроим это по окончании конгресса.

Когда приблизился этот момент, Дюроку снова было поручено убедить меня в необходимости вернуться в Петербург. Я напрасно ссылался на то, что мне было обещано продержать меня там только год.

Император не лишал меня надежды до самого последнего дня. А под конец в одно прекрасное утро он сказал мне, что я должен выбрать между министерством иностранных дел и моим посольством: я там полезен, надо там оставаться; при том положении, в котором находится Европа, сохранение отношений с Россией является гарантией мира, а сохранение этих отношений зависит от меня, потому что я нравлюсь императору Александру; Александр сказал ему об этом; он видит, что я внушил доверие императору Александру, и я могу покинуть свой пост лишь для того, чтобы принять на себя министерство; это единственное средство сохранить существующие хорошие отношения; Австрия проявляет враждебные намерения; только позиция петербургского правительства может поддержать мир на то время, пока он (император Наполеон) будет занят в Испании. Для этого нужно, чтобы никто не мог усомниться ни в намерениях императора, ни в сохранении союза между Францией и Россией, то есть необходимо, чтобы Европа верила в существование самого полного согласия между ними; наконец, он желает, чтобы я возвратился в Петербург еще и потому, что я буду там особенно полезен теперь, когда в Париж должен приехать Румянцев¹⁸ для переговоров по

---

¹⁶ Морков Аркадий Иванович (1747–1827) – граф, известный дипломат екатерининского царствования; при Александре I с 1802 по 1803 г. был российским послом в Париже, «непочтительно» относился к Наполеону и был отозван по его настояниям.

¹⁷ Коленкур прибыл в Петербург 17 декабря 1807 г.

¹⁸ Румянцев Николай Петрович (1754–1826) – граф, старший сын известного екатерининского фельдмаршала П. А.

английским делам; если можно будет установить соглашение с английским кабинетом, то ему важно иметь при императоре Александре человека, которого Александр знает и который находится уже в курсе дела.

С самого начала эрфуртского свидания император жаловался, что император Александр не разделяет его замыслов против Австрии. Он непрестанно говорил мне, что этот монарх переменялся, что у него, по-видимому, есть какая-то задняя мысль, так как единственное средство помешать Австрии воевать и снова себя скомпрометировать – это поставить ее теперь же перед угрозой и показать решимость совместно выступить против нее; для достижения этого результата необходимо в первую очередь всеми способами оживить союз; нынешняя позиция Австрии подкрепляет надежды Англии на новую коалицию и удерживает ее от заключения мира; чем больше будут ждать, тем дольше будет продолжаться то стесненное положение, которое порождается войною с Англией; надо показать зубы Австрии, которая является последней надеждой Англии.

Разговор как на эту тему, так и об общих европейских делах возобновлялся несколько раз. Император, несколько не обижаясь на мои возражения, как бы они ни противоречили тем идеалам, которые он хотел осуществить и которые он старался мне внушить, вызывал меня на откровенный разговор. Я часто указывал ему, что его настойчивые стремления побудить Россию занять агрессивную позицию против Австрии могут заставить Россию опасаться, что он решил отомстить Австрии еще до того, как его войска будут посланы в Испанию; это опасение и даже одно только сомнение на этот счет повредит его делам, тем более что император Александр, как мне кажется, решил сделать все, чтобы помешать этому; на мой взгляд, Александр больше всего заботится о сохранении мира с Австрией.

Я добавил еще, что, как известно по опыту, его величество всегда бывает готов бросить перчатку и не в меньшей мере будет готов поднять ее; его тайных намерений и его честолюбия боятся больше, чем какой-нибудь выходки со стороны Австрии; да и Россия думает, что она служит делу сохранения мира, проводя политику крайней сдержанности; на самом деле эта политика может повредить миру, вместо того чтобы поддержать его, если Австрия окажется достаточно безрассудной и пожелает вести войну в одиночку; принимая во внимание теперешнее положение вещей в Пруссии, Россия имеет достаточно оснований страшиться нашего влияния и даже бояться Австрии.

Я сказал еще, что наша настойчивость как раз способна увеличить это недоверие, и если император хочет оставить свои войска в Германии и в крепостях на Одере, то я его убедительно прошу не слишком останавливаться на этом вопросе, так как беспокойство Австрии может сообщиться и России, как бы она ни была заинтересована в союзе, цель которого – принудить Англию к миру. Эта цель полностью поглощает ее внимание как способ достижения прочного мира для всех; принудить Англию к миру – это и была так называемая великая идея Тильзита; эта благородная цель является основой союза, и вся политика императора Александра откровенно направлена на то, чтобы как можно скорее добиться ее осуществления, и именно для этого приносятся все те жертвы, на которые он заставил пойти свой народ; новую войну с Австрией нельзя изобразить как способ ускорить достижение этой цели, и один только призрак этой войны способен охладить пыл и повредить союзу; я прошу поэтому императора взвесить эти соображения, если он дорожит союзом, а также подумать о том, что нельзя надеяться заставить Россию желать того, чего она должна бояться; она считает, что ее соглашение с нами против Австрии, угрозы по адресу Австрии, а в особенности русская интервенция, дали бы его величеству возможность начать ту войну и разгромить Австрию, – результат, которого Россия боится больше всего.

Эти соображения, повторяемые при различных беседах, побудили меня заговорить и об испанских делах, в частности о том впечатлении, которое они произвели. Император ответил мне:

– Несомненно, там было стечение досадных, даже неприятных обстоятельств, но какое дело до этого русским? Испанские дела держат меня вдали от них: вот чего им надо; и они в восторге от этого. К тому же все интриги испанского царствующего дома не зависели от моей воли; я вмешался в их дела только тогда, когда король и его сын примчались в Байонну¹⁹, чтобы изобличать друг друга. Я не принуждал Карла IV приезжать туда; он отрекся вполне добровольно. Что касается Фердинанда, то я не мог положиться на него, зная, как лицемерны и он сам и его советник, это было ясно, как только я их увидел вблизи. Ошибся ли я? Время ответит на этот вопрос. Действовать иначе значило бы упразднить Пиренеи. Франция и история справедливо упрекали бы меня за это. Да и на что в конце концов обижаются в Европе? Разве Франция, Англия и Голландия не разделили Испанию при живом короле Дон Карлосе в 1698 г.²⁰ Разве этот первый опыт современной дипломатии был встречен такой же горькой критикой? Разве отвращение к таким делам, которое должно было бы со всей своей силой заклеить этот первый пример, помешало другим разделам? Разве Польша не подверглась такой же жестокой участи? Позволили ли полякам, как байоннской хунте, дать стране конституцию и выбирать государя? Когда Людовик XIV принудил одного из наследников Карла V передать наследие этого государя династии Бурбонов, то чего только не говорили тогда. В самом деле, это наделало гораздо больше шума! Но после десятилетней войны одно сражение решило вопрос²¹. Теперешнее дело не будет продолжаться так долго. В политике все строится и все основывается на интересе народов, на потребности в общественном мире, на необходимом равновесии государств. Конечно, всякий объясняет эти великие слова на свой лад, и все же, кто сможет сказать, что я не действовал в интересах Франции и даже в интересах Испании? Может быть, скажут, что в политике только дураки не умеют приводить хороших доводов? Но на сей раз как дураки, так и добросовестные умники должны будут признать, что я сделал то, что должен был сделать при том положении, в которое интриги мадридского двора поставили эту несчастную страну.

Я говорил также с императором об осуществлявшейся им политической системе, о его позиции в Германии, о его образе действий по отношению к Пруссии, об оккупации всех крепостей на Одере и, наконец, о том направлении, в котором развивалась после Тильзита французская система в Германии. Я откровенно сказал ему, что каждый считает себя находящимся под угрозой, что страх заставляет молчать маленькие государства, а Австрия по существу прибегает к оружию лишь под влиянием того страха, который она испытывает так же, как и все; диверсия, которую представляют собой в настоящий момент события в Испании, бесспорно кажется Австрии единственным и последним моментом, остающимся ей для защиты своей независимости; война, которой она нам угрожает, при том состоянии, в котором Австрия находится, и при ее одиночестве после стольких поражений может быть только лишь войной отчаяния.

– Какой же проект мне приписывают? – спросил император.

– Быть единственным властелином, – ответил я.

– Но Франция достаточно велика! Чего я могу желать? Разве с меня недостаточно дел в Испании и войны против Англии?

– Этого бесспорно больше чем достаточно для того, чтобы занять кого угодно, кроме вашего величества. Но присутствие войск вашего величества в Германии, решение сохра-

---

¹⁹ См. ссылку 270 об испанских делах.

²⁰ Раздел был произведен Гаагским договором от 11 октября 1698 г.

²¹ Наполеон имеет в виду сражение при Денене 24 июля 1712 г. в войне за испанское наследство.

нить свои позиции на Одере – все это заставляет верить, признаюсь вашему величеству, я, со своей стороны, в этом убежден, – что у вашего величества есть другие проекты и честолюбие вашего величества не удовлетворено.

Император стал шутить насчет того, что ему приписывают честолюбие. Он пытался связать это мнение с войной в Испании, которую он старался оправдать. Он говорил о глупостях испанского короля, о бесчестном образе действий принца астурийского, о предшествовавшей войне с Австрией и о той войне, которой эта держава угрожает ему теперь, как о войнах, в которых он занимал чисто оборонительную позицию и которых он хотя бы просто в своих собственных интересах стремился избежать. Он сказал, что был увлечен на тот путь, по которому пошли события в Испании, вопреки своему желанию. Он жаловался на то, что он называл глупостью великого герцога Бергского²², которую, по его словам, можно было сравнить только лишь с глупостью испанского короля, принца астурийского и их советников. Он соглашался, что война с Испанией неприятное дело, но, говорил он, «не от меня зависело помешать этому».

– Очень простое дело, которое со временем уладилось бы, превратилось в дело, которое осложняет все вопросы и досаждаст мне гораздо больше, чем это думают. Я не мог включить в свои расчеты всего того, что сделали слабость, глупость, трусость и недобросовестность членов испанского царствующего дома.

Он говорил об отправке войск, которые покидали Германию для того, чтобы идти в Испанию, как о факте, который должен внести успокоение.

– Все очень довольны, – ответил я, – когда видят, как уменьшается численность войск; но их остается там еще слишком много для того, чтобы делать выводы, будто ваше величество изменили систему. К тому же люди не умеют правильно оценивать поступки, которые диктуются необходимостью.

Это соображение рассмешило его. Он несколько раз возвращался к вопросу об испанских делах, о враждебных намерениях Австрии, о заносчивости, которую та держава, по его словам, проявляет как раз в данный момент, так как она считает, что восстание в Испании поставило его в затруднительное положение.

– Один момент я думал, – сказал он, – что австрийский император приедет сюда. В его собственных интересах это было бы лучшее, что он мог бы сделать. Мы бы объяснились...

Я заметил императору, что австрийский император, как говорят, не был приглашен на эрфуртское свидание, о котором он узнал только из газет.

– Какое это имеет значение, если есть решимость и если знают, чего хотят? Но именно этого в Вене не знают. Венский кабинет хочет только возбуждать беспокойство; в результате вооружаются, угрожают друг другу, расходуют деньги, раздражаются, и приходится прибегать к пушкам. Спора нет, я вполне доволен, что австрийский император остался дома, так как мне пришлось бы вразумлять здесь двух противников вместо одного. Но он не приехал, потому что он готовится к войне; он не знал бы, как ему объяснить свои вооружения. Для государя всегда затруднительно лгать прямо в лицо. Он предоставил эту задачу Винценту²³, которому, впрочем, не придется жаловаться на мои нескромные вопросы, так как я знаю, какой линии мне надо держаться. Уверены ли вы, – спросил меня император, – что приезд Винцента не согласован с Румянцевым и что нет какого-то соглашения, уверены ли вы, наконец, что в связи с этим приездом не возникнут некоторые предложения, некоторые проекты, касающиеся Пруссии?

---

²² Один из титулов маршала Иохима Мюрата (1771–1815), который 2 мая 1808 г. был назначен французским наместником в Испании. Мюрат, король Неаполитанский, непреременный начальник кавалерийского авангарда в наполеоновских походах.

²³ Барон Винцент прибыл в Эрфурт 28 сентября с письмом от австрийского императора к Наполеону и Александру.

Эта мысль, по-видимому, сильно беспокоила императора. Я уверял, что его сомнения не имеют оснований, что русские были действительно изумлены, когда увидели здесь Винцента, что петербургский и венский кабинеты в данный момент переживали скорее период обострения отношений, чем период взаимного доверия; что же касается Пруссии, то Россия, конечно, весьма заинтересована в ее судьбе; ее собственное положение требует этого.

– Александр, – продолжал император, – заинтересован прежде всего в заключении мира с Англией. Если бы австрийский император приехал сюда, то его присутствие было бы полезно, поскольку оно придало бы больший вес тому демаршу, который мы предпримем по отношению к лондонскому кабинету; но при его проектах ему должно быть неудобно принимать на себя обязательства против тех, кто в близком будущем будет, конечно, его субсидировать...

Я сказал императору, что впечатление, произведенное в Европе похищением Фердинанда, может вызвать как в Вене, так и в Петербурге опасение, как бы император не разыграл плохой фокус с теми государями, которые приедут в Эрфурт.

– Ба! Вы думаете? – сказал император. – Австрийскому императору помешал приехать другой мотив. Он послал Винцента, чтобы разведать намерения Александра и выяснить, твердо ли он придерживается союза или же его можно отколоть от него. Надо присматривать за его демаршами. Так как австрийцы еще не готовы и так как их коалиция еще не налажена, то они хотят выиграть время. И я тоже, – оживленно продолжал он, – хочу выиграть время. Мы, следовательно, хотим одного и того же; это будет продолжаться, пока окажется возможным.

Постоянный припев императора заключался в том, что если Александр является его другом, то Россия должна откровенно идти вместе с ним и совместно выступать против Австрии, не думая о Германии, а тем паче об Испании.

Во время последних бесед со мною император распространялся о своих умеренных и миролюбивых планах по отношению к Германии; он проявил даже большое желание успокоить Австрию и найти подходящий способ для этого. Отвечая на мои рассуждения, которые он шутя назвал критикой своих идей, он сказал:

– Но в чем же заключаются ваши идеи? Какие средства применили бы вы для успокоения этих добрых людей, которых вы считаете такими перепуганными?

Часто император напускал на себя добродушный вид, который мог бы заставить меня поверить, что он решил переменить систему и чувствует необходимость усвоить более умеренную линию. Так как на сей раз он добивался, чтобы я высказал свое мнение, и так как я никогда не заставлял себя просить, чтобы откровенно высказать то, что я считал справедливым и отвечающим интересам как императора, так и моей страны, то я сказал ему, что эти средства заключаются в финансовом соглашении с Пруссией, точно определяющем размер тех жертв, ценою которых она восстановит свою независимость и свою территорию, получив при этом гарантию, что от нее не потребуют больше того, к чему ее принудили в Тильзите.

– Удалите ваши войска из Германии, государь, – прибавил я, – удержите только одну крепость в качестве гарантии уплаты контрибуции, и мир будет сохранен.

Я указал ему, что Европу надо скорее успокоить, чем запугать; все, что он сделает, чтобы рассеять опасения по поводу его будущих проектов, упрочит его дело, умиротворив умы и устранив всякое беспокойство за будущее; такой политический оборот даст ему больше, чем армия в 100 тысяч человек и десять крепостей на Одере, а следовательно, оставит в его распоряжении все силы, чтобы справиться с Испанией и с честью ликвидировать испанский вопрос прежде, чем восстание примет там организованный характер. Я обращал его внимание на то, что испанские дела производят дурное впечатление; длительное сопротивление со стороны испанцев – опасный пример при том состоянии, в котором нахо-

дится Европа; мое предложение покажется ему, быть может, требующим большой жертвы, но результаты, которые будут достигнуты таким путем, заслуживают того, чтобы он сделал это всецело по собственной инициативе и еще до тех пор, как обстоятельства, быть может, примут такой оборот, что его вынудит к этому необходимость.

Император частично признавал справедливость моих замечаний, которые он называл, однако, «системой слабости». Он возразил, что таким путем он потеряет плоды всех жертв, уже принесенных для того, чтобы ослабить Англию, и что надо закрыть все порты для торговли этой державы, чтобы заставить ее признать торговую независимость других держав. Я ответил, что можно удалить войска и эвакуировать несколько крепостей, не удаляя таможенников; концентрация его военных сил даст ему еще большую мощь; в слабости его никогда не заподозрят, и так как никому не хочется, чтобы он вторгся в Германию с двумя- или тремястами тысяч человек, то никто и не пожелает подвергнуться такой опасности ради минутной выгоды, связанной с сопротивлением таможенному режиму, а его интересы требуют сохранения этого режима на побережье.

Император слушал меня по большей части благосклонно, но иногда с нетерпением. Он не раз говорил мне, правда, в шутиливом тоне, что я ничего в делах не понимаю.

– Именно поэтому, государь, я и прошу о назначении мне преемника.

Император не очень был доволен этим ответом и сказал мне с раздражением, повернувшись ко мне спиной:

– Господин посол, надо отдавать себя прежде всего своей стране.

В тот же день вечером Дюрок пришел ко мне по поручению императора, чтобы объявить мне его волю. Он напомнил мне, что император хотел поручить мне министерство еще при установлении империи, и напомнил также то, что ему поручено было тогда сказать мне. Он добавил, что я не должен поэтому удивляться, если император имеет виды на меня теперь, так как мое вступление в министерство успокоит и удовлетворит Россию, позволив мне в то же время возвратиться домой; впрочем, император предоставляет мне самому сделать выбор: принять министерство иностранных дел или вернуться в Петербург. Я отказался от министерства. Я рассказал Дюроку о своих беседах с императором, в частности о сегодняшней беседе и о том, как она закончилась, причем спросил Дюрока, говорил ли ему об этом император. Он уверял меня, что нет; император только жаловался, что я слишком упорно держусь моих взглядов, добавив, что если верить мне, то Европа скоро будет относиться к нему как к мальчишке.

Накануне отъезда, когда должны были быть окончательно завершены все дела, император вызвал меня снова. Разговор начался, как и в предыдущие разы²⁴. Император пустил в ход все обаяние своего гения и всю ту любезность, которой он так умел пользоваться, чтобы убедить меня в правоте его взглядов. Он сказал, что всецело доверяет мне, что я лучше кого бы то ни было могу сослужить ему хорошую службу и при случае я буду награжден за это. Чтобы уговорить меня ехать в Петербург, он сказал все, что только могло убедить честного гражданина. Мне не приходилось колебаться в выборе; я считал, что могу принести там пользу, а, с другой стороны, личные свойства императора Александра внушили мне привязанность к нему.

До сих пор я говорил только о моих беседах с императором, то есть о том, что так или иначе касалось меня непосредственно. Но так как я не чужд был тому, что делалось на Эрфуртском конгрессе, то мне следует рассказать и о том, что там происходило. Однако для того, чтобы читателю был понятен этот рассказ, надо начать его несколько издалека и прежде всего охарактеризовать политическое положение каждого государства в ту эпоху.

---

²⁴ Эрфуртская конвенция была подписана 12 октября; Наполеон и Александр покинули Эрфурт 14 октября; разговор, о котором пишет Коленкур, происходил, очевидно, 13 октября.

Поводом к эрфуртскому свиданию²⁵ – свиданию, которое составило эпоху, потому что послужило прологом к встречам монархов, правивших Европой после 1814 г., – была очевидная общая цель, а именно подлежащие согласованию меры, которые должны были принудить Англию к миру (это был вывод из того, что называли великой идеей Тильзита); эта цель требовала, чтобы государи непосредственно пришли к соглашению друг с другом и виделись ежегодно.

После Тильзита в Европе произошло столько событий и мировые интересы подвергались в некоторых отношениях такому риску, что каждый приехал на свидание, чувствуя необходимость скрывать свои затруднения, свои беспокойства и свои тайные проекты, относящиеся к будущему; но вместе с тем каждый чувствовал в неменьшей мере и стремление к всеобщему миру, который один только мог восстановить на лучшей основе Европу и привести все в порядок.

События в Испании, вместо того чтобы возродить эту страну и усилить преобладание императора Наполеона, как он рассчитывал, в действительности создали для него лишь многочисленные затруднения.

Австрия, усматривая в этой войне и в образе действий Наполеона по отношению к испанской династии посягательство на независимость всех древних династий, готовилась взяться за оружие, считая, что если Испания будет покорена, то погибнет и она сама. Ей казалось, что наступил последний момент для спасения, что она делает политическую диверсию, выгодную для нее и диктуемую задачами ее самосохранения. Эти взгляды, хотя бы они были только лишь проектом, не могли укрыться от проницательности императора Наполеона и в настоящий момент ставили его в затруднительное положение.

Общественное мнение в Европе и даже во Франции расценивало испанские дела как политическое посягательство против слабого, обманутого и неловкого союзника. Эти события были мало известны; о них толковали лишь неблагоприятные люди, присоединявшие к своим упрекам утверждение, что эта новая война еще больше отсрочит заключение мира с Англией, которого жаждали все, так как война с Англией служила предлогом для оправдания всех жертв. При таком положении вещей императору Наполеону важно было воздействовать на общественное мнение фактом своего полного согласия с Россией; это согласие должно было, с одной стороны, произвести впечатление на Австрию и внушить Англии менее враждебные мысли, а с другой – явиться в глазах публики как бы санкцией зарубежных событий; такая санкция была весьма полезна в тот момент, когда в нашем тылу росло всякого рода недовольство. Доказать Европе, что только одна Англия отказывается от мира и продолжает проводить систему истребления континентальных государств, это значило бы расположить общественное мнение в пользу императора. Чтобы добиться этой цели, надо было сделать шаг, который показал бы, кто именно все время отказывается от мира, а чтобы придать этому шагу черты большого события, нужно было свидание монархов.

Так как испанские дела приняли дурной оборот и война в Испании не окупалась за счет этой страны, то император, принужденный порыться в своих собственных сундуках, стремился поскорее покончить с нею. Вынужденный делать новые наборы и даже отправить в Испанию большую часть войск, находившихся в Германии, он мог поддержать свое влияние в Германии лишь продолжая оккупацию крепостей и части территории. Но Россия была в такой мере заинтересована в удалении французских войск от ее границ и, следовательно, в эвакуации территории дружественной Пруссии, что это обстоятельство превращало продолжение оккупации прусских крепостей в весьма деликатный вопрос²⁶. Только император

---

²⁵ Коленкур считает тильзитское и эрфуртское свидания началом международных конгрессов XIX века.

²⁶ По статье 4 Тильзитского договора Наполеон обязался возвратить Пруссии «области, города и территории», перечисленные в тексте договора, «во внимание к его величеству императору всероссийскому».

Наполеон мог в данный момент дать согласие на то, чего потребуют обстоятельства, и даже отказаться от своих проектов по отношению к Испании, если бы эти соображения и пример Англии вызвали колебания у России. Какое другое влияние, кроме влияния его гения, его славы и его великих политических взглядов, могло бы добиться результата, столь противоположного интересам России?... Кто мог бы сделать такую попытку, не боясь внушить беспокойство русскому правительству и даже отколоть его от союза как раз в тот момент, когда его содействие было так необходимо? Именно под влиянием этих важнейших соображений император поехал в Эрфурт.

Русский же император, отправляясь туда, преследовал свои цели. Они были различны, так как и затруднения были различного рода. Это путешествие являлось выполнением обязательства, принятого им на себя в Тильзите. Для государя с его характером данное им слово являлось долгом. Различные интересы, кроме того, призывали его на это свидание. Первый из них заключался в том, чтобы всеми средствами ускорить заключение мира с Англией, война с которой разорила его внутреннюю торговлю и губила его валюту. Он хотел также, чтобы его не торопили с эвакуацией провинций на Дунае, все еще занятых его войсками (Тильзитский договор позволял ему оккупировать их лишь до заключения мира с турками и до эвакуации Францией части прусской территории)²⁷. Во-вторых, – и это его интересовало не менее – национальное самолюбие России, а вместе с тем и его личное самолюбие требовало, чтобы в Москве не могли твердить, что Тильзитский мир и союз означают для России одни только жертвы. Он хотел также добиться эвакуации части крепостей и территории Пруссии, снижения контрибуции и предоставления льгот по уплате ее, а также заключения таких соглашений, при которых эта держава могла бы действительно освободиться и вновь обрести всю свою независимость; это был важный вопрос, имеющий значение для безопасности самой России.

Россия молчала об испанских делах которые император Александр обсуждал в своих беседах довольно благожелательно по отношению к своему союзнику, так как он знал все их подробности. Он к тому же отнюдь не был недоволен тем, что воинственный пыл императора был поглощен Пиренейским полуостровом. В политике интерес объясняет и даже узаконивает очень многое. А заинтересованность Англии в том, чтобы вырвать Испанию из-под нашего влияния и спасти Португалию, казалась ему мощным средством для достижения мира. С этой точки зрения события служили, таким образом, интересам России столь же, как и нашим. Только мир с Англией мог гарантировать всеобщий мир, и поэтому политика Александра отлично уживалась при данных обстоятельствах с тем, что, быть может, в глубине своей совести он оценивал менее благоприятно. Таковы были те планы, с которыми петербургское правительство явилось в Эрфурт.

Австрия была раздражена тем, что ее не посвятили в эти проекты эрфуртского свидания, тем паче, что ее нельзя было обмануть насчет мотивов такого молчания. Этот довольно подходящий предлог к недовольству был на руку ее секретным проектам. Император Наполеон, конечно, мало беспокоился о том, чтобы император Франц принял участие в эрфуртских переговорах. Он сознавал, что контакт с северным государем сможет восстановить отношения, которые надо было немедленно завязать вновь, а вмешательство интересов других великих держав может лишь ослабить эти отношения. О свидании молчали до последнего момента, и когда Австрия узнала о нем одновременно с публикой, она поторопилась послать в Эрфурт барона Винцента, чтобы позондировать почву насчет имеющихся намерений и войти, таким образом, в курс тех решений, которые будут приняты. Неуклюжая спесь австрийского правительства и страх перед возможной нескромностью со стороны русских заставили Винцента соблюдать по отношению к русским сдержанность; его побуждала к

²⁷ Статьи 22 и 24 договора.

этому и та сдержанность, которую соблюдала сама Россия из внимания к нам, но которая в такой же мере плохо служила европейским интересам, – а отстаивать их должны были бы и Россия и Франция, – в какой она делала честь лояльности императора Александра.

Как я уже говорил, намерения, которые Австрия проявляла в течение некоторого времени, должны были казаться и действительно казались императору Наполеону более чем подозрительными. Когда приехал австрийский уполномоченный, то император думал, что под этим скрывается соглашение, существующее между Австрией и Россией, но вскоре он успокоился, и этот непредвиденный приезд, который должен был бы внушить петербургскому правительству более твердый тон, имел, как мы увидим, совершенно обратный результат.

С самого начала между обоими императорами установились самые дружеские отношения, свободные от этикета. Они посещали друг друга во всякое время по преимуществу между тремя часами дня и обедом, который происходил обыкновенно у императора Наполеона. Часто они встречались по вечерам, когда не было спектакля, или же после спектакля. Эти встречи также происходили чаще у императора Наполеона. Они ездили верхом и устраивали смотры гарнизона и нескольких корпусов, отправлявшихся в Испанию.

Первые несколько дней ушли на то, чтобы взаимно позондировать друг друга, попытаться определить, выяснить предположения и проекты друг друга. Император Наполеон уже не находил своего союзника таким покладистым, как в Тильзите. Он жаловался на то, что Александр сделался недоверчивым. Проявленные Австрией враждебные намерения с самого начала конгресса изменили характер переговоров и отвратили Россию от ее целей: чем больше император Наполеон, спешивший послать в Испанию свои войска, находившиеся в Пруссии, домогался предварительно выяснить, до каких пределов он может рассчитывать на союз и на помощь России против Австрии, чем более он настаивал в соответствии с этим, чтобы император Александр принял по отношению к этой державе угрожающий тон и занял по отношению к ней даже угрожающую позицию, что было, по его словам, единственным средством помешать ей взяться за оружие, тем больше русское правительство, усматривавшее в демонстрациях, которых от него требовали, средство довести дело до крайности, проявляло свою неохоту. Отсюда оживленные споры, которые задерживали разрешение других вопросов. В течение некоторого времени все было подчинено этой проблеме. Дело дошло даже до упреков, указывавших, что неуместная щепетильность, оставляя безнаказанными угрозы со стороны Австрии, делает союз бесплодным и убеждает Англию, что она еще может найти союзников на континенте и может обойтись, следовательно, без переговоров о мире, который ей намеревались предложить.

Император Александр оставался непоколебимым. Ничто не могло заставить его изменить свое решение. В доводах и в настойчивости своего союзника он видел только лишнее доказательство враждебных намерений и проектов мести, в которых он его подозревал. Вопрос об интересах Пруссии и другие вопросы нелегко было затронуть в разгаре этих серьезных споров. Время проходило. Дело не двигалось вперед. Министры не могли помочь ничем, так как монархи сохранили за собой руководство делами даже в деталях.

Прошла неделя, а каждый из императоров все еще зондировал почву, стараясь выяснить, до каких пределов доходят претензии его противника, но не будучи в состоянии полностью постигнуть их. Они наблюдали друг за другом, надеясь, что завтрашний день принесет разрешение всех проблем. Император Наполеон прилагал все старания к тому, чтобы добиться обязательств, которые оказали бы воздействие на Австрию. За эту цену он, при всем своем желании сохранить в Германии существующее положение, удовольствовался бы, может быть, в принципе сохранением лишь одной крепости на Одере в качестве гарантии уплаты контрибуции. А излишек своих войск он тогда удалил бы из Германии.

Будучи лучшим дипломатом, чем его противник, он почти примирился с мыслью об этой жертве при виде той настойчивости, с которой император Александр добивался вначале эвакуации крепостей и части прусской территории. Но когда вопрос об Австрии, который в принципе имел лишь побочный характер, сделался главной проблемой в связи с тем значением, которое ему придавал каждый из императоров, то центр тяжести переговоров переместился. Россия отклонилась от своей первоначальной цели. Все было подчинено страху перед возможностью разрыва мира с Австрией. Император Наполеон сохранил крепости, которым он придавал большое значение. А Россия считала, что она послужила интересам Европы, хотя бы в ущерб своим собственным интересам, и выиграла все, приняв на себя всего лишь условное обязательство, которое, с ее точки зрения, не могло компрометировать ни Австрию, ни европейский мир, так как из него вытекало, между прочим, что французские армии обрушатся на Испанию, где император Наполеон будет занят надолго. Россия боялась, что, настаивая слишком упорно на эвакуации крепостей, она помешает отправке французских войск в Испанию и привлечет политическое внимание завоевателя к Германии как раз в тот момент, когда оно было уже слишком сильно приковано к Австрии; она считала, что если отсрочить грозу подольше, то гроза пройдет, и события в Испании, а также потребности испанской войны приведут через несколько месяцев к эвакуации Германии, а это, по мнению России, имело самое важное значение для будущего всеобщего мира.

Неловкое притворство Австрии, как я уже говорил, разрушало доверие к ней. Откровенное обращение к императору Александру, декларирование широких и благородных взглядов по вопросу о судьбе Пруссии и о положении Германии оказало бы полезное влияние на политику этой эпохи; но Австрия, занимая столь угрожающую и столь неуклюже враждебную позицию и уже решившись столь определенно на войну, не сумела воспользоваться моментом. Она, по-видимому, думала только о себе и считалась только с Испанией, которая при наличии острой и актуальной опасности для Пруссии лишь весьма отдаленно интересовала Россию. А Россия, вероятно, не без тайного удовлетворения, видела, что военные силы Франции призываются на юг Европы и находят применение там.

Эта неловкая линия австрийского правительства повредила всем делам. Винцент был тем не менее доволен, или по крайней мере должен был быть доволен, результатами своей миссии, так как он приобрел уверенность в том, что император Александр по своей собственной инициативе отказывался от всякого обязательства, которое могло бы привести к агрессии против Австрии, и даже энергично высказался за то, чтобы против этой державы не делалось никаких посягательств. Я не знаю, осталась ли неизвестной Винценту условная статья о сотрудничестве, а также согласие Франции на то, чтобы Россия добилась, если она сможет, уступки ей Молдавии и Валахии²⁸. В день моего отъезда кто-то уверял меня, что Винцент пронюхал об этом соглашении и был, по-видимому, очень им недоволен, как будто опасность для Австрии и для Европы при тогдашнем мировом положении могла таиться в этот момент в Турции, даже если бы России удалось добиться успеха. Император Александр, оказав длительное сопротивление по вопросу об Австрии и считая, что, приняв на себя лишь условные обязательства, он отстаивал величайшие политические интересы данного момента, обратил затем все свое внимание на то, что интересовало его больше всего.

И государи, и министры, и оба двора начали скучать и уставать от всех парадов, а в особенности от бесконечных споров. Споры между императорами часто принимали резкий характер. Наполеон пробовал быть ловким, уступчивым, обаятельным, порою настойчивым и, видя, что он не может ничего добиться от своего противника, все время остававшегося в очерченном им для себя круге, два раза пробовал рассердиться. Но это средство ничего не изменило в решениях Александра, а так как вспышки гнева со стороны Наполеона были

²⁸ Статьи 8 и 9 Эрфуртской конвенции.

скорее дипломатической хитростью, чем действительным порывом, то он быстро успокаивался и возвращался к более мирному тону.

В конце концов он удовлетворялся тем, чего ему удалось добиться; по существу это было гораздо больше того, на что, по его мнению, можно было принципиально рассчитывать. В глубине души он был очень доволен, что при созданном событиями в Испании положении вещей ему удалось придать эрфуртской встрече и союзу явную антианглийскую окраску при помощи соглашения о демарше, который собирались предпринять с целью предложить Англии мир. Было условлено: государи напишут английскому королю, Румянцев приедет в Париж, и будет предпринят большой политический демарш; это было то, чего император Наполеон желал и – я повторяю – должен был желать, так как это доказывало существование большого согласия между союзниками, отвлекало внимание от испанских событий и возлагало всю ответственность за продолжение войны на Англию, ибо теперь легко было предвидеть, что осложнение событий в Испании в результате восстания, которое во всех отношениях было выгодно Англии, сделает эти предложения безрезультатными²⁹.

Соглашение двух императоров заставляло и Австрию насторожиться и отсрочить свои проекты.

Швеция также должна была оказаться вынужденной примкнуть к континентальной системе, то есть к единственному оружию, которым располагали против Англии; это дополняло меры, условленные в Тильзите, и являлось результатом того положения, в которое поставили Европу эгоизм Англии и проекты Питта, сводившиеся к вой не не на жизнь, а на смерть. Конечно, с точки зрения прозорливой политики нелегко было отдать Швецию, а следовательно, и Финляндию, на произвол ее честолюбивого и могущественного соседа, но такова была логика фактов³⁰.

Континентальная система могла быть эффективной лишь в том случае, если бы она была повсеместной. Оставить для английских товаров рынок сбыта на севере значило бы парализовать все другие меры и превратить в иллюзию все уже принесенные жертвы. Уже слишком явственно ощущался ущерб, причиненный тем, что не удалось закрыть для этих товаров двери Турции, которая наводняла ими южную Германию и Польшу. Да и какая щепетильность должна была останавливать императора Наполеона? Здравомыслящая, мог ли он предполагать, что Швеция, в случае если ей предоставят по собственному выбору закрыть свои порты перед англичанами или ввязаться в войну с Россией и Францией, предпочтет эту последнюю столь реальную и столь близкую к ней опасность временным неудобствам, вытекающим из торговых затруднений, которые испытываются к тому же всем континентом и даже Австрией, несмотря на ее враждебные намерения? Даже допуская, что король в порыве раздражения доведет дело до крайности, должен ли был император проявить к Швеции, которая была тогда его явным врагом, больше внимания, чем проявила к ней когда-то Англия, ее союзница?

Прежде чем возвратиться к рассказу о том, что происходило в Эрфурте, я считаю необходимым отметить еще некоторые подробности, касающиеся договора о согласии, договора, весьма замечательного, поскольку он разоблачал те принципы, которые отныне Англия считала нужным установить в своих интересах и которые она заставила Европу положить в основу умиротворения 1814 г.

Этот договор о согласии, явившийся результатом предварительных шагов и предложений, сделанных 19 января, был подписан в Петербурге 11 апреля. Одна из статей договора обеспечивала за Россией Финляндию, Молдавию и Валахию. Другие статьи провозглашали

---

²⁹ Статьи 1 и 3 конвенции.

³⁰ Статья 5 в качестве неперемennого условия возможного мира с Англией предусматривала признание присоединения Финляндии к России.

независимость Голландии, объединенной в виде Нидерландского государства, независимость Швейцарии, восстановление сардинского короля в Пьемонте с расширением пьемонтской территории, эвакуацию Италии, передачу Неаполя Бурбонской династии, и, наконец, договор провозглашал так называемый европейский статут, гарантирующий независимость всех государств и создающий преграду для всех будущих попыток узурпации.

Когда я перечитываю теперь свои заметки, чтобы привести их в порядок, я никак не могу написать эту дату, не вспомнив о другой, последующей дате (11 апреля 1814 г. – договор в Фонтенбло³¹), которая положила конец великой эпохе и дала возможность осуществить этот план, до тех пор, несомненно, казавшийся лишь мечтой, родившейся в 1805 г.

Возвращаясь к Эрфурту. Так как положение вещей требовало, чтобы Швеция участвовала в общем деле всего континента, то было очевидно, что ввиду географического положения России на нее одну должна быть возложена задача принудить Швецию к этому. При том положении, в котором находился император, он не мог надеяться, что Россия возьмется за оружие, не потребовав всех преимуществ, которых она могла домогаться при создавшихся обстоятельствах. К тому же в интересах дела он не мог ей предложить меньше того, что предлагала ей Англия в своих собственных интересах. В этой части переговоров была некоторая особенность, заключающаяся в том, что Россия заставила себя просить и убеждать, прежде чем согласилась принять на себя обязательства против Швеции; то же самое она сделала и потом, когда надо было действовать и развертывать военные операции. Секрет этой умеренности заключался, разумеется, не столько в некоторых родственных отношениях, с которыми желательно было по внешности считаться, сколько в уверенности, что император Наполеон будет настаивать и толкать Россию достаточно энергично для того, чтобы эти родственные деликатности не нанесли никакого ущерба ее интересам.

В Эрфурте переговоры, хотя и не приблизились еще к концу, приняли, таким образом, оборот, который мог бы оказаться подходящим для императора Наполеона. Убедившись в конце концов, что ему не удастся изменить тех взглядов, к которым пришел император Александр, и что он не сможет добиться от него ничего сверх обещания действовать только в том случае, если Австрия нападет первой, он согласился удовольствоваться этим. Когда был сделан этот шаг, стало уже легче прийти к согласию по другим пунктам, так как император Александр думал, что он выиграл все, ибо Австрия никогда не будет, как он говорил, настолько безрассудной, чтобы напасть и вступить в борьбу в одиночестве. Австрийский вопрос, вызвавший столько споров, почти заставил забыть вопрос об эвакуации Пруссии и крепостей на Одере; сговориться по этому вопросу оказалось легко, и император гордился тем, что он ничего не уступил; опираясь на сильные позиции, которые он сохранял в Германии благодаря дальнейшей оккупации крепостей (свидетельствуя о полном согласии между высокими союзниками, это должно было произвести впечатление как на Австрию, так и на всю Европу), он мог теперь располагать своими войсками для Испании. Он льстил себя надеждой, что покорит ее в течение одной кампании, а потом оставит там разве лишь несколько гарнизонов и три небольших обсервационных корпуса. Полагаясь на обещания своего союзника, он отправлял постепенно французские войска на Пиренейский полуостров еще до того, как были урегулированы все вопросы, и некоторые из полков, двигавшихся в Испанию, проходили через Эрфурт.

При тогдашнем положении императора сохранение крепостей на Одере было делом решающего значения, потому что с помощью простых гарнизонов он сохранял свои позиции в Пруссии и свой политический и военный престиж в глазах Германии. Эта оккупация имела также большое преимущество (в тот момент он придавал ему наибольшее значение), заключавшееся в том, что он сохранял кадровое ядро армии на флангах Австрии. Затем были

---

³¹ Отречение Наполеона от императорской власти, подписанное в Фонтенбло.

урегулированы вопросы о Швеции и о Турции. И Россия в конце концов удовольствовалась в прусском вопросе кое-какими смягчениями и скидкой нескольких миллионов, что не имело, по существу, никакого значения, поскольку Пруссия не приобретала вновь ни политической, ни территориальной независимости. А к тому же эти денежные вопросы обсуждались только в последние минуты, когда конгресс до такой степени надоел, что каждый думал лишь о том, как бы убраться отсюда. Перед Россией была перспектива добиться уступки ей Молдавии и Валахии и даже перспектива завоевать Финляндию. Эти соображения играли, несомненно, большую роль, в особенности принимая во внимание положение императора Александра по отношению к его нации; вместе с теми соображениями, которые заставили его принести все интересы в жертву тому, что он считал спасением Австрии, эти мотивы заставили его упустить из виду последствия, к которым неминуемо должна была привести оккупация французскими войсками укрепленных пунктов в самом сердце Германии.

Император Наполеон мог послать часть своих войск в Испанию и отправиться туда сам, не уступив, по существу, ничего из того, что было им оккупировано, и из того, что ему причиталось. Таким образом, и одна и другая стороны были в достаточной мере довольны. Австрия, которая угрожала императору Наполеону, когда он был в Испании, сама оказывалась под угрозой со стороны России, если бы она взяла на себя инициативу войны; император Наполеон не потерял, следовательно, времени даром.

Бесспорно, чтобы оплатить уступки России, он предложил ей немало соблазнительных для ее престижа вещей; но этой ценой он откупался от двух войн, из которых одна могла, конечно, быть приятной для его честолюбия, но зато другая – война с Англией – стоила бы ему слишком дорого, а к тому же в данный момент ни одна из них не была в его интересах. В перспективе была также и третья война, если бы Швеция отказалась примкнуть к континентальной системе. Россия оказывалась, таким образом, занятой не меньше, чем мы были заняты в Испании, и притом в такой мере, как мы только могли желать; она испытывала, кроме того, затруднения страны, богатой продуктами, которые она не может экспортировать. Молдавия и Валахия, которых она надеялась оторвать от Турции, должны были занять ее надолго, а продолжение войны против Англии, которая закрывала все рынки сбыта для ее многочисленных продуктов, могло вызвать в России большие внутренние затруднения.

Война против Швеции, ставкой в которой являлась Финляндия, была, однако, действительным возмещением за приносимые Россией жертвы. В самом деле, России не приходилось торговаться насчет цены, уплачиваемой за такое важное приобретение у самых врат ее столицы, так как этот единственный случай осуществить заветные желания предшественников Александра повториться более не мог; но следовало ли в тот момент приносить в жертву этим собственным выгодам общие интересы, которые, казалось, были более насущными и которые при дальнейшем развитии сил и могущества Франции могли оказаться и более важными? Разве нельзя было, разве не нужно было примирить эти интересы с интересами Пруссии и Германии, от которых зависело будущее спокойствие всего мира? Вот в чем главнейший вопрос.

Те, кто не присутствовал при тогдашних спорах, кто не был посвящен в различные соображения, не позволившие достичь лучших результатов, будут обвинять петербургское правительство в том, что оно не сумело лучше использовать обстоятельства. Его упрекнули в том, что оно пожертвовало интересами всего мира ради соображений данного момента. Пусть об этом выносит свой приговор история; моя задача – рассказать, каковы были результаты конгресса и какие соображения побудили Россию подписаться под ними. Перемена ею своей системы после Тильзита оскорбляла общественное мнение и привычные взгляды дворянства. Недостаток рынков сбыта разорял ее. Затруднения, испытывавшиеся ее торговлей, и падение ее валюты создавали внутреннее расстройство, порождавшее оппозицию против политического курса, которого держалось правительство. Все эти мотивы вынуждали импе-

ратора Александра добиваться от эрфуртского свидания результатов, которые могли бы произвести ошеломляющее впечатление на его нацию и привлечь ее на сторону его политического курса. Надо было оправдать в ее глазах не только союз, но также и войну с Англией и даже само эрфуртское свидание. Эта цель была достигнута. Свидание вызвало большую оппозицию в Петербурге. Императорская фамилия, вельможи и даже средний класс – все высказались против этого проекта. То, что было сделано в Байонне с членами испанского царствующего дома, дало повод для целого ряда оскорбительных предположений. Все умоляли императора не покидать Россию. Были пущены в ход все средства – просьбы, убеждения, слезы. Ему указывали, что, подвергая опасности собственную особу, он тем самым подвергает риску также и безопасность своего государства, что император Наполеон, приглашая его на свидание туда, где сам он и распоряжается и где находятся его войска, захватит его и будет держать в качестве заложника, что если уж необходимо во что бы то ни стало устроить свидание, то оно должно состояться, как это было в Тильзите, на пограничной меже. Император Александр с благородным негодованием отверг все эти предположения и отправился в Эрфурт.

Все германские государи – хотя это было допущено только из снисходительности – прибыли в Эрфурт, чтобы представиться союзникам-властелинам и образовать в некотором роде их двор. Сами властелины казались, однако, мало обрадованными этим вниманием, которое заставляло их терять много времени и мешало им обсуждать свои дела после обеда, за которым они встречались почти каждый день. Германские государи, даже короли, держали себя так скромненько, на такой равной ноге со всеми нами (если бы только мы могли забыть свой долг почтительности по отношению к ним), что положение часто становилось затруднительным. Если не считать тех моментов, когда они надеялись, что их преклонение перед властелином мира будет принято благосклонно, то можно было сказать, что они боялись быть замеченными. Русский император оказывал весьма большое внимание своей невестке принцессе Стефании Баденской³². Ее изящество, ее остроумие, изысканность ее манер – все это очаровывало его. Он часто с удовольствием рассыпался перед нею в комплиментах. Впоследствии он делал то же самое и в Петербурге.

На конгрессе всеми приемами распоряжался император Наполеон, как государь, который находился у себя дома. Все прошло как нельзя лучше. Я сомневаюсь все же, что германские государи, приехавшие сюда расточать свои любезности, уехали, удовлетворенными прежде всего потому, что их присутствие, хотя оно и было, конечно, лестным, часто было в сущности стеснительным. Им давали порою заметить это. А кроме того, эти короли увидели, что с ними обращаются приблизительно так, как Австрия обращалась когда-то с германскими курфюрстами. Они могли, следовательно, убедиться, что если их новый титул избавил их от старинных функций, то, по существу, он ничего не изменил в их положении по отношению к их протектору.

Так как император вызвал из Парижа лучшие силы драматического театра, то почти ежедневно давался спектакль. Оба императора присутствовали на спектакле вместе. При этом были использованы все те возможности которые давало это единение высочайших особ. Император Александр воспользовался стихом: «Дружба великого человека – милость богов», – чтобы в самой изысканной форме публично воздать честь своему союзнику³³.

Императоры расстались, достаточно удовлетворенные своими соглашениями, но в глубине души недовольные друг другом. Тильзитские иллюзии полностью испарились, но так как и русский император и его министр открыто подчеркнули наряду с крайним недоверием

³² Стефания Богарнэ – племянница первого мужа Жозефины (первой жены Наполеона), удочеренная Наполеоном; в 1806 г. она вышла замуж за наследного принца Баденского, брата императрицы Елизаветы Алексеевны, жены Александра I.

³³ Это было на представлении «Эдипа» Вольтера.

желание сохранить союз как средство побудить Англию к миру и упрочить мир в Европе, то оба союзника продолжали идти к этой цели. Новые интересы России и преимущества, которые она рассчитывала извлечь из только что заключенных соглашений, превратили для нее эту цель в долг и в потребность.

Свою подлинную окраску дела приняли лишь в последние три дня. До тех пор даже сам министр³⁴ не знал всех мыслей императора Наполеона. Свое последнее слово Наполеон сказал лишь в момент подписания соглашения. Каждый день приносил перемену. Его величество жил, можно сказать, текущим днем, приспособляя свою политику и даже свои притязания к тем возможностям или препятствиям, которые встречались на его пути. В результате каждая сторона определила в точности свою позицию лишь в последний момент. Торопились кончить дело, потому что желание избежать новых инцидентов было не меньше желания поскорее уехать, и каждый закрывал глаза, чтобы не видеть того, что, может быть, потом будет справедливо поставлено ему в упрек.

Император Александр, которого в эту эпоху многие обвиняли в слепоте и слабости, проявил большой характер, что засвидетельствовал сам император Наполеон, часто жаловавшийся на это. Если бы Австрия – повторяю еще раз – объяснилась тогда, как она это сделала позже через посредство князя Шварценберга, который неуклюже изложил свои доводы лишь вместе со своим манифестом³⁵, то весьма вероятно, что мы избежали бы событий 1809 г., которые окончательно потрясли Европу.

Это был один из самых благоприятных моментов для того, чтобы прийти к подлинному умиротворению, так как при том положении, которое было создано событиями в Испании, император Наполеон был готов идти на жертвы. Ему очень не хотелось отправляться в Испанию, и тем не менее он чувствовал, что только его присутствие могло ликвидировать или хотя бы сдвинуть с мертвой точки испанские дела. Немного больше согласия между великими державами, а со стороны Англии немного больше желания возратить миру спокойствие при сохранении всех тех преимуществ, на которые она имела право, – и соглашение было бы достигнуто. Франция возвратилась бы к системе, определенной теми рамками, которые начертала для нее природа, и на которую ей давало право ее могущество и ее слава. Судя по тому, что я мог тогда подметить, император прежде всего стремился к миру. Несомненно, он хотел иметь возможность располагать своими войсками, чтобы отправить их в Испанию, но у него не было другого средства с честью выйти из этого неприятного дела, поскольку Англия отказывалась вступать в переговоры. Что касается строгого проведения континентальной системы, то в тот момент это являлось лишь выводом из основной идеи.

Заключить мир еще до того, как Россия могла извлечь все выгоды, предоставляемые ей последними соглашениями, соответствовало его политике и казалось ему действительным возмещением за принесенные им жертвы. Он, конечно, очень беспокоился о контрибуции, причитавшейся с Пруссии, но Россия считала эту претензию справедливой и ограничивалась в этом вопросе ролью ходатая.

Трудность представлял лишь вопрос о сроке и характере залога, гарантирующего контрибуцию, но по тому вопросу было достигнуто соглашение. Император, по-видимому, действительно готов был идти на большие уступки, чтобы добиться общего мира. Существенная задача заключалась в том, чтобы использовать то настроение. При переговорах неминуемо было бы учтено все, так как каждый был вынужден считаться со своим соседом. Не подлежит сомнению, что всякое честолюбие сдерживалось бы великой целью – создать лучшие условия для спокойствия всего мира.

---

³⁴ Министр иностранных дел Шампаньи, герцог Кадорский (1756–1834).

³⁵ Это было сделано Шварценбергом во время его миссии в Петербург в феврале 1809 г.

Угрозы Австрии, вместо того чтобы придать вес тем политическим взглядам, защита которых соответствовала как интересам России, так и ее проектам, затруднили и расстроили все ее комбинации и послужили только в нашу пользу.

– Могу ли я эвакуировать крепости на Одере, отказаться от моих позиций в Пруссии, словом, ослабить себя в Германии, – с полным основанием говорил император Наполеон императору Александру, – в тот момент, когда, пользуясь моими затруднениями в Испании, Австрия угрожает мне? Разве интересы союза в тот момент, когда мы намерены предпринять демарш большого значения, чтобы побудить Англию к миру, не требуют, чтобы мы казались объединенными, а я казался сильным нашему общему врагу, а также и Австрии, тоже намеренной сделаться моим врагом? Англия выскажет желание о прекращении оккупации в Пруссии, а также и в Испании, и можно будет сделать ей эту лишнюю уступку, а следовательно, будет лишнее средство для достижения мира. Может ли мой союзник, мой друг предлагать мне отказаться от единственной позиции, которая дает мне возможность угрожать Австрии с фланга, если она нападет на меня в тот момент, когда мои войска находятся на юге Европы в расстоянии 400 лье от своего отечества? То, что я готов был сделать четыре месяца назад, сегодня я уже не могу исполнить. То, что тогда служило бы интересам Пруссии, следовательно, и интересам союза, было бы теперь противоположно той цели, которую мы хотим осуществить. Дальнейшее оставление кое-каких войск в Пруссии не может беспокоить Россию, когда я удаляю все мои военные силы из Германии, чтобы перебросить их на Пиренейский полуостров. Эти меры доказывают мое доверие к вам. Имейте же и вы доверие ко мне и не разрушайте необоснованными опасениями добрый результат нашего согласия, результат, созданный моей военной политикой в тот момент, когда мы более чем когда-либо должны проявить свое единение и свою силу. Если бы вы этого потребовали, то я должен был бы на это согласиться, но тогда я предпочел бы пренебречь моими делами в Испании и незамедлительно ликвидировать мою ссору с Австрией. Если бы я эвакуировал крепости на Одере, то вы должны были бы эвакуировать крепости на Дунае. В ваших интересах остаться там, так как вы уверены, что тогда вы добьетесь уступки вам Молдавии и Валахии. Турция, видя, что она не может надеяться на какое-либо вмешательство с моей стороны, будет принуждена подписать те условия, которые вы ей продиктуете. Оккупация, которую я считаю нужной, служит, таким образом, гораздо больше вашим интересам, чем моим. Вы извлечете из нее впоследствии выгоды, тогда как мне на какие-либо выгоды надеяться не приходится.

Таковы были рассуждения, вызванные поведением Австрии и появлением ее представителя в Эрфурте. Что же касается результата, то французские войска остались в Пруссии, а русские – в Валахии. Австрия только испортила дело во всех тех случаях, когда она, по общему мнению, должна была содействовать урегулированию соответствующих вопросов.

Возвращаясь к переговорам монархов в Эрфурте. Как я уже сказал, беседы между ними были порою более чем оживленными. Однажды император Наполеон, который никак не мог добиться желаемого от императора Александра (речь шла об Австрии), попытался вспылить и, увлекшись, бросил свою шляпу или какую-то другую вещь на пол и стал топтать ее ногами; но император Александр остановился (надо заметить, что монархи почти всегда разговаривали, прохаживаясь по кабинету императора Наполеона), пристально посмотрел на него, улыбаясь, и, как только заметил, что он немного успокоился, что было делом одного мгновения, сказал ему:

– Вы вспыльчивы, а я упрям. Со мною ничего нельзя поделаться при помощи гнева. Будем говорить и рассуждать или же я уйду.

При этих словах он взялся за ручку двери и сдержал бы свое слово, если бы император Наполеон не бросился вперед, чтобы его остановить. Беседа возобновилась в спокойном тоне, и император Наполеон уступил. Подобный инцидент повторился еще раз в связи с

прусскими делами, но в менее острой форме, ибо, как мне говорил много раз император Наполеон, император Александр день ото дня становился все более тверд в своих решениях.

Эти подробности рассказывал мне сам император Наполеон, сказав при этом:

– Ваш император Александр упрям, как мул. Он притворяется глухим, когда речь идет о вещах, о которых он не хочет слышать. Дорого же мне обходятся эти проклятые испанские дела!

Император, который в этот день проявлял большое доверие и даже благосклонность ко мне, заговорил со мной затем о том указании, которое он хотел получить от императора Александра в качестве дружеского совета и знака внимания, а именно об указании на то, что ему подобает заключить новый брак и необходимо иметь детей, чтобы упрочить свое дело и основать свою династию. Император хотел, чтобы Талейран³⁶ или я повели об этом предварительный разговор с императором Александром как о деле, которого мы лично желаем и которое соответствует и общим нашим интересам, ибо оно упрочит наше будущее, а кроме того, будет способствовать успокоению воинственного пыла императора и внушит ему любовь к пребыванию у себя дома. Эти намеки должны были быть сделаны со всеми приличествующими деликатностями. Талейран тоже говорил со мной об этом и взял с меня слово, что я первый поставлю этот вопрос.

Заметив, по-видимому, произведенное на меня тягостное впечатление, император Наполеон прибавил:

– Это для того, чтобы проверить, действительно ли Александр является моим другом, действительно ли он чувствует себя заинтересованным в счастье Франции, ибо ведь я люблю Жозефину³⁷. Я уже никогда больше не буду счастлив. Но таким образом будет выяснено мнение государей об этом акте, который был бы для меня жертвой. Моя семья, Талейран, Фуше³⁸, все государственные деятели требуют этого от меня во имя Франции. В самом деле, на любого мальчика больше можно положиться, чем на моих братьев; их не любят, и они не отличаются способностями. Вы укажете, быть может, на Евгения³⁹? Некоторые хотели бы этого, потому что он – вполне сложившийся человек, женат на баварской принцессе и

---

³⁶ Талейран-Перигор Шарль Морис, князь Беневентский, герцог Дино (1754–1838), происходил из старого дворянского рода, сперва был епископом Отенским; избранный депутатом в Генеральные штаты, поддерживал в Национальном собрании интересы крупной буржуазии. Сумел под благовидным предлогом уехать за границу, где пробыл все время якобинской диктатуры; вернувшись во Францию, был министром иностранных дел Директории, министром иностранных дел и обер-камергером императора Наполеона. Постепенно отходит от Наполеона и входит в тайные сношения с его врагами и Бурбонами. После поражения Наполеона в 1813 г. окончательно перешел на сторону Бурбонов, блестяще защищал их интересы на Венском конгрессе. Совершенно аморальный, подкупный мастер закулисной интриги, хитрый, беззастенчивый, ловко игравший на человеческих слабостях. Сумел без труда войти в доверие к Коленкуру своим участием к его личной драме (любовь к г-же Канизи) и сделал его одним из своих осведомителей. Изворотливость и хитрость его как дипломата вошли в поговорку.

³⁷ Жозефина (1763–1814) – императрица Франции, креолка из дворянской семьи Таше де ла Пажери острова Мартиники, сперва замужем за генералом Александром Богарнэ; после его казни, оставшись с двумя детьми, Евгением и Гортензией, делается фавориткой всесильного члена Директории Барраса; выходит замуж за генерала Наполеона Бонапарта в 1796 г.; императрица Франции с 1804 г.; получила развод в 1809 г.

³⁸ Фуше Жозеф, герцог Отрантский (1759–1820), происходил из зажиточной буржуазной семьи, сперва был священником и преподавателем, потом примкнул к революции, сложил священнический сан, был членом Конвента и комиссаром его, выказывал себя атеистом и проводил политику революционного террора в центральных и западных департаментах, потом участник контрреволюционного переворота 9 термидора. В эпоху Директории сближается с крупными спекулянтами и закладывает основу своего богатства. При Наполеоне – министр полиции и министр внутренних дел. Холодный, цинично расчетливый, организатор гигантской системы политического шпионажа. После сдачи Парижа перешел на сторону Бурбонов, вновь перешел на сторону Наполеона, вернувшегося с Эльбы, и был его министром полиции. После Ватерлоо вновь переходит на сторону Бурбонов, прокладывая дорогу для второй реставрации. Изгнанный из Франции в числе голосовавших за казнь короля Людовика XVI, умер в Триесте под надзором австрийской полиции. Оставил многомиллионное состояние.

³⁹ Евгений Богарнэ – вице-король Италии (1781–1824), сын Жозефины от первого мужа. Талантливый генерал, участвовал во многих наполеоновских походах.

имеет детей, но это не в ваших интересах. Новые династии не основываются посредством усыновления. У меня на него другие виды.

Император задал мне несколько вопросов о великих княжнах и спросил, что я о них думаю.

– Только одна из них, – ответил я, – достигла брачного возраста, но надо вспомнить, что произошло с вопросом о браке с принцем из шведского дома: на перемену религии они не согласятся⁴⁰.

Император возразил, что он не думает о великих княжнах, не принял еще решения и хочет лишь знать, будет ли одобрен его развод, не оскорбит ли такой акт взгляды русских и, наконец, что думает об этом император Александр. Он рассчитывал, – так мне казалось, – что эта идея может понравиться петербургскому правительству, что она окажется, может быть, увлекательной приманкой для России и что он намерен действовать в соответствии с тем, как отнесется к этому Россия.

Император, который очень легко мог бы направить разговор со своим союзником на эту тему, добивался и настаивал, чтобы император Александр первый заговорил с ним об этом. Он бесспорно надеялся, что Александр облечет этот предварительный шаг в достаточно красивые и любезные формы для того, чтобы он мог впоследствии найти в нем хотя бы косвенный намек на его сестру. Не могу умолчать, что мои замечания по поводу вопроса о религии и о Швеции встретили плохой прием. Они явно не понравились императору, который пожатием плеч и выражением лица дал мне понять, что между Тюильри и Стокгольмом не может быть никакого сравнения.

Талейран говорил с императором Александром после меня. Нам нетрудно было добиться от него обещания поговорить с императором Наполеоном о той мере, которая была в наших интересах, а вместе с тем, внося успокоение, в такой же степени соответствовала интересам Европы, как и интересам Франции. Он сделал это со всей той любезностью, которую ему внушала его приязнь к нам, но, как он мне сказал, ограничился лишь общей формулировкой тех соображений, которые политическая мудрость и интересы будущего должны были бы внушить Наполеону⁴¹.

Надо заметить, что еще год тому назад, когда я уезжал в Петербург, вопрос о разводе усиленно обсуждался в Фонтенбло, и полиция распространяла идею брака с француженкой, что не устраивало никого. Эту идею выдвинул герцог Отрантский, чтобы позондировать почву в общественном мнении и выяснить планы императрицы Жозефины, а также для того, чтобы приучить Францию к мысли об этой перемене.

При отъезде императора я выехал вместе с императором Александром через Веймар и Лебикау, чтобы посетить герцогиню Курляндскую. При этом посещении я устроил брак ее дочери с Эдмондом де Перигором⁴² благодаря почетному содействию русского государя. Он был так добр, что вез меня в своем экипаже до Лейпцига, где я пересел в свой и поехал в Петербург, чтобы пробыть там еще один год, если император сдержит слово, которое он мне дал при отъезде.

Я опускаю все те события, которые последовали за эрфуртским свиданием, вплоть до момента, когда разразилась война с Австрией, для предотвращения которой я делал все, что мог. Об этих событиях, как и о последовавших за ними, будет речь в другом месте.

---

⁴⁰ Речь идет о несостоявшемся браке между сестрой Александра I Марией Павловной и шведским королем Густавом IV Адольфом. Мария Павловна в 1804 г. вышла замуж за великого герцога Саксен-Веймарского.

⁴¹ С этого времени начинается переход Талейрана на сторону врагов Наполеона.

⁴² Талейран-Перигор Эдмонд де – племянник знаменитого французского дипломата Шарля Мориса Талейрана; он сопровождал Коленкура в Россию в качестве атташе посольства и во Франкфурте-на-Майне женился на Доротее Бирон, дочери герцога Курляндского.

Так как заключение мира с Австрией⁴³ изменило политический курс императора и пролило яркий свет на эволюцию его взглядов и проектов, касающихся Польши, и так как оккупация Ольденбурга⁴⁴, формы этой оккупации, да и все остальное расходилось с неоднократно возвещенными намерениями императора, то отныне все противоречило и моему тону и моему образу действий, от которых я не хотел отступать; я настойчиво просил поэтому о своем отозвании. Я не мог помогать обманывать того, кто проявил такую лояльность в момент, когда наше положение в Испании было критическим, того, кто был столь искренним в своих отношениях с другими и столь верно соблюдал свое слово, когда принимал на себя какие-либо обязательства. Так как моя настойчивость не помогла мне добиться отозвания, то я притворился больным и объяснился с императором и прямо и косвенно – через моих друзей столь определенным образом, что он вынужден был решиться заменить меня, чтобы избежать взрыва, который привел бы к дурному результату, ибо я решил во что бы то ни стало отказаться от этого посольства.

Так как я не подражал пристрастной политике министерства и не желал подлаживаться к намерениям императора, искавшего предлогов для оправдания своего охлаждения к русскому правительству и своих придирок к нему, то мои донесения не нравились ему. Ими не могли быть довольны, так как уже давно я старался избегать в своих депешах всего того, что могло быть ошибочно понято или содействовать ложным толкованиям. Я излагал факты беспристрастно и откровенно. Когда это было уместно, я воздавал должное образу действий русского правительства. Я сообщал также об его жалобах, не беспокоясь о том, не заденет ли моя откровенность императора. Министры иностранных дел и полиции наводняли Россию особыми агентами, задача которых заключалась в том, чтобы обострять настроения и попытаться собрать материалы для манифестов⁴⁵, они не могли добыть ничего подходящего. Они установили новую незашифрованную переписку по почте с генеральным консулом. От него требовали, чтобы он посылал еженедельно две депеши с сообщениями о политике, торговле и слухах. Мне тоже писали по почте в стиле, предназначенном для того, чтобы злить и раздражать.

Эти средства не имели никакого успеха. Генеральный консул Лессепс, человек добросовестный и честный, ни в каком отношении не изменил своему долгу. Как и я, он не скрывал ничего. Наше министерство не могло найти того, что оно искало в его правдивых и беспристрастных сообщениях, и его депеши, в отличие от депеш большинства его собратьев, не содержали таких новостей и подробностей, которые могли бы заполнить бюллетени в желательном духе; он не раз получал выговоры, и, когда я приехал в Париж, я увидел, что этот доблестный человек находится на таком же плохом счету, как и я. Император собственной рукой вычеркнул ежегодную денежную награду, которую получал Лессепс от морского министерства за свои закупки. Возникал даже вопрос о том, чтобы его сместить. Его 30-летняя служба, его всем известные честность и благородные убеждения – все это было совершенно забыто в тот момент. Несмотря на скромный образ жизни, он не имел состояния, так

---

⁴³ Война с Австрией была закончена перемирием в Цнайме 12 июля 1809 г., за которым последовал Венский (Шенбруннский) мирный договор 14 октября того же года.

⁴⁴ Сенатус-консултом (т. е. постановлением сената) от 13 декабря 1810 г. германское побережье Северного моря до Эльбы было объявлено присоединенным к Франции; Наполеон предложил герцогу Гольштейн-Эйтенскому, дяде Александра I и опекуну великого герцога Ольденбургского (женатого на сестре Александра I, Екатерине Павловне), чтобы герцог либо оставался в Ольденбурге, подчинившись ограничениям, связанным с введением французских таможен, либо покинул Ольденбург, взамен чего он должен был получить в виде компенсации Эрфурт. Правительство великого герцога предпочло оставаться в Ольденбурге, но Наполеон декретом от 22 января 1811 г. приказал французской администрации принять на себя управление Ольденбургом. Это являлось нарушением статьи 12 Тильзитского договора; российское правительство заявило протест перед всеми европейскими монархами; Шампаньи отказался принять ноту протеста.

⁴⁵ Яркое доказательство двойной политики Наполеона (тайная, личная, наряду с официальной) и его обдуманного заранее плана войны с Россией.

как должен был тратиться на представительство и был отцом восьми детей; он мог поэтому с минуты на минуту оказаться без куска хлеба.

Русское правительство не поддалось на происки наших министров и не переменяло ни своего курса, ни даже своего отношения к нам. Император Александр и граф Румянцев бесстрастно относились к этим атакам. Они не изменили даже своего тона.

– Мудрость государей, – не раз говорил мне император Александр, – должна сделать так, чтобы судьба управляемых ими наций не зависела от интриг и тщеславия тех или иных смутьянов. Императора Наполеона подстрекают. Но время разъяснит все это. Если он хочет воевать со мной, то первый пушечный выстрел сделает он.

Все, что мне писали из Парижа, все, что мне становилось известным, не могло оставить во мне ни малейшего сомнения по поводу раздражения, которое император Наполеон питал против меня. Не имея возможности придаться к моему поведению или к моей деятельности, он отомстил мне на моих друзьях и выслал мадам де К...⁴⁶, которую он назначил без всякой с ее стороны просьбы придворной дамой, когда вступил в брак с императрицей Марией-Луизой. В ту пору он ее очень отличал и назначал для участия во всех поездках, желая, очевидно, доставить мне удовольствие, так как тогда я был ему полезен в России. Эта новость, которую я получил за некоторое время до отъезда из Петербурга, окончательно прояснила мне характер политических планов императора и мое собственное положение. Сообщая мне об этом, добавляли, что я должен быть готов ко всему, и если император и не сошлет меня, то наверно даст мне почувствовать свое недовольство как-нибудь иначе. Но так как мне одновременно сообщали о предстоящем выезде Лористона⁴⁷, который должен был меня заменить, то я нашел, что, поскольку речь идет обо мне, в этих известиях есть для меня компенсация: замена меня другим лицом при сложившихся обстоятельствах была мне дороже всего, ибо политическое бремя, возложенное на меня, было тягостным для моих принципов и убеждений.

Лористон действительно приехал через некоторое время⁴⁸. Его путешествие продолжалось долго, потому что император поручил ему проехать через Данциг, чтобы ознакомиться с состоянием войск и военных приготовлений, несомненно, с той целью, чтобы придать его миссии немного враждебный характер; во всяком случае это было замечено в Петербурге и, следовательно, было вдвойне неприятно для Лористона, прямота и лояльность которого подверглись тяжкому испытанию с самого начала.

Я оставался с ним несколько дней, как это мне было приказано, и наконец отправился в путь⁴⁹. Совесть моя была спокойна, так как я добросовестно служил императору и говорил ему правду, и я поспешил в Париж, куда приехал 5 июня в девять часов утра. Один из моих друзей встречал меня около Шалона. Его рассказы о намерениях императора и о его раздражении против меня отнюдь не были приятными или успокоительными. Существовало, однако, мнение, что серьезные интересы, а также и положение дел в Испании, которое, согласно последним сведениям, отнюдь не было удовлетворительным, заставляет императора отложить его враждебные проекты против России, и война, которую месяц тому назад считали неизбежной, будет отсрочена. Эту перемену приписывали сообщениям из Испании и делали отсюда вывод, что император будет на публике относиться ко мне более или менее хорошо, чтобы рассеять мнение о разрыве с Россией, которого ожидали некоторое время тому назад, причем общественное мнение было достаточно встревожено этим.

---

⁴⁶ Г-же де Канизи, разошедшейся с мужем, в конце 1810 г. было предложено проживать в Нормандии у своего отца.

⁴⁷ Лористон (1768–1828) – маркиз, генерал. Наполеон пользовался им для дипломатических поручений.

⁴⁸ Лористон приехал в Петербург 9 мая 1811 г.

⁴⁹ Коленкур вручил свои отзывные грамоты Александру I 11 мая и выехал из Петербурга 19 мая 1811 г.

У меня были, признаюсь, печальные размышления о положении человека, оскорбленного в своих самых дорогих чувствах, спокойствие которого находится под угрозой за то, что он хорошо и добросовестно служил своему государю и отстаивал, как подобает честному человеку, интересы своей страны.

В 11 часов я уже был в Сен-Клу, где находился император⁵⁰. Его величество принял меня сухо, тотчас же с горячностью перечислил мне свои так называемые обиды против императора Александра, не делая никакого упрека лично мне. Он говорил об указе о торговле⁵¹, о допущении в страну граждан нейтральных государств и американцев, которое, по его словам, противоречит континентальной системе. Он прибавил, что император Александр фальшивит, что он вооружается для войны с Францией и что войска, находившиеся в Молдавии, двигаются к Двине. Император повторил мне все сказки и басни, которые фабриковались в Данциге, в Варшавском герцогстве и даже в северной Германии, чтобы доставить ему удовольствие, сказки и басни, лживость которых так часто доказывалась ему сведениями, полученными затем на месте, или даже самими событиями.

Я отвечал на все фактами, уже упоминавшимися в моих депешах, которые он читал, фактами, доказывавшими, что указ явился результатом плохого состояния валюты; получать товары из-за границы в России не хотели, так как они извлекали бы из страны всю валюту, поскольку нельзя было продавать свои продовольственные продукты; внезапное запрещение ввозить даже в Германию товары, которые Россия поставляла прежде и ей и Франции, также в некоторой степени содействовало изданию указа. По вопросу о допущении нейтральных судов я повторил то, что его величество знал так же, как и я, а именно: так как он продавал лицензии⁵² и открыто допускал в течение последних полутора лет в наши порты корабли, которые имели эти лицензии и приходили прямо из Англии, то это открыло глаза всему миру, и нельзя было сделать слепыми правительство и жителей страны, которая страдала от отсутствия вывоза в такой мере, как Россия.

Я ответил, что государственный кредит пострадал от этого до такой степени, что рубль, который в момент моего приезда в Петербург стоил 2 франка 90 сантимов, упал до 1 франка 50 сантимов; трудности, переживаемые торговлей, живо ощущаются в стране, имеющей продукцию, которую она сама не может потребить и размеры которой усложняют ее вывоз; при наличии привычки к потреблению колониальных продуктов, особенно сахара, даже если бы император Александр пожелал, он не мог бы осуществить абсолютный запрет, который довел бы цену на сахар до необычайных размеров и благоприятствовал бы контрабанде; между тем всем прекрасно известно, что мы уже давно не придерживаемся этого запрета, ибо наши лицензии дошли даже до русских портов, словно для издевательства над трудностями, переживаемыми торговлей этой страны. Я напомнил ему дело с судном «Вильям Густав» из Бордо⁵³.

Я обратил его внимание на то, что он не прибегнул ни к одному из возвещенных средств, не осуществил ни одной из мер обещанной помощи, что 15 миллионов, которые должны были пойти на русские морские вооружения и о которых он мне поручил объявить, до сих пор не были отпущены. Я указал ему, что, – как видно из переписки, – все меры,

---

⁵⁰ Коленкур явился к Наполеону 5 июня 1811 г.

⁵¹ Тариф 31 декабря 1810 г. частью запрещал ввоз предметов роскоши, частью повышал пошлины на них и одновременно снижал пошлины на колониальные продукты.

⁵² Продававшиеся французским правительством лицензии давали торговым судам право заходить в Англию при условии перевозки только тех товаров, которые разрешалось завозить в континентальные порты.

⁵³ Корабль «Вильям Густав» принадлежал Гийо, купцу из Бордо, прибыл в Россию в 1810 г. под флагом нейтрального государства. Перед тем заходил в Англию и, естественно, возбудил подозрение, что везет груз от лондонской фирмы Фавенн. Был секвестрирован согласно положению о континентальной блокаде русскими властями. Но так как он представил французские лицензии, то Коленкуру удалось добиться освобождения этого корабля. Яркий пример использования лицензий и флага нейтрального государства для обхода континентальной блокады.

на которые он жаловался, были давно предвидены заранее, а он ничего не сделал для того, чтобы их предупредить; император Александр с самого начала называл монополией производимые нами конфискации всех нейтральных грузов без всякого различия и заявлял, что он не станет разорять своих подданных, чтобы обогатить свою казну. Я отметил также, что нейтральные суда допускали отнюдь не тайком, как говорил его величество; конфисковав более 60 судов, заходивших в Англию, русское правительство заранее объявило, что вследствие перемены, которую мы несколько времени тому назад внесли в нашу систему, принятую по общему соглашению и все еще действующую, оно отныне будет после тщательного обследования принимать суда, которые докажут, что они действительно являются нейтральными и не заходили в Англию. Я перечислил многочисленные грузы, конфискованные только потому, что суда делали остановку в Англии. Я рассказал о впечатлении, произведенном сообщениями наших газет о допущении в наши порты судов из Англии, обладающих лицензиями.

Что касается характера императора Александра, то я напомнил, что Александр признал короля Иосифа в тот момент, когда наши дела в Испании были плохи и он знал, что Иосиф находится под угрозой⁵⁴. Что же касается передвижения войск, находившихся в Молдавии, то я указал на сделанное императором Александром Лористону предложение послать своего адъютанта для объезда всей линии турецкого фронта, начиная хотя бы даже с Киева, чтобы убедиться в том, где находится каждый из полков, о которых говорили, что они посланы на границы герцогства Варшавского. По вопросу же о других передвижениях войск я просил его величество, чтобы он приказал вновь представить на его рассмотрение ту часть моей корреспонденции, которая перечисляла их. Я отметил также, что император Александр, жалуюсь мне на передвижение наших войск, часто сообщал мне о тех передвижениях, которые он в связи с этим производил сам, добавляя: «Я ничего не делаю тайком. Я ничего не устраиваю на моих границах, но я принимаю меры для того, чтобы не быть во время мира захваченным врасплох передвижениями французских войск в районе, находящемся на 300 лье дальше границ их союзников».

Я напомнил императору, что он заключил последний мир с Австрией, мало считаясь с Россией.

– Я ей дал 300 тысяч душ. Это больше, чем она завоевала⁵⁵.

– Несомненно, государь. Но в данном случае форма спасла бы сущность дела. Лучше было бы, если бы ваше величество не дали ничего.

Я указал ему на неизбежные последствия этого дела и напомнил об отказе ратифицировать конвенцию о Польше⁵⁶, хотя она была не чем иным, как результатом сделанного им предложения и тех распоряжений, которые он мне давал. Я говорил об явных отправлениях оружия и пушек в Варшавское герцогство, о которых открыто писали наши газеты, об ольденбургском деле, о встречах императора, о произведенных и возвещенных переменах в Германии, о стиле министерской переписки по почте, обострявшем положение больше, чем пушечные выстрелы, о толпе нескромных агентов, нахлынувших в Россию со всех сторон, чтобы раздражать и ссорить. Я не скрыл, наконец, от императора, что если он хочет войны, то его кабинет сделал все для того, чтобы к ней привести, и даже для того, чтобы надменно

---

⁵⁴ Россия признала Жозефа Бонапарта, брата Наполеона I, испанским королем в июле 1808 г.

⁵⁵ По Венскому (Шенбрунскому) договору 14 октября 1809 г. Австрия обязывалась уступить России восточную часть Галиции; численность населения этой территории определялась договором в 400 тысяч человек.

⁵⁶ Конвенция была подписана Коленкуром и Румянцевым в Петербурге 4 января 1810 г. Статья 1 конвенции гласила: «Королевство Польша никогда не будет восстановлено». Наполеон отказался ратифицировать конвенцию в этой редакции, и по его приказанию 10 февраля Коленкуру был послан другой проект, где этот текст был заменен другим: «Император Наполеон обязывается не благоприятствовать какому бы то ни было предприятию, клонящемуся к восстановлению королевства Польши». Российское правительство не подписало конвенции в новой редакции.

возвестить о ней, но если считают полезным сохранить союз, то я не понимаю, для чего нужны все эти булавоочные уколы.

Император был очень резок со мной и сказал, что император Александр и русские оставили меня в дураках, что я не знаю о происходящих событиях, что маршал Даву лучше осведомлен, чем я, что генерал Рапп лучше, чем я, держит его в курсе дела и т. д.⁵⁷ Я ответил, что пусть другие раздувают огонь, повторяя нелепые сказки каких-либо низших агентов, желающих оправдать свое жалованье; я убежден в точности своих сообщений и тех сведений, которые я имею честь вновь ему доложить; я готов отдаться под арест и положить свою голову на плаху, если донесения Лористона и сами события не подтвердят все, что я сообщал и что я ему говорю.

Не знаю, навела ли императора моя уверенность на какие-либо серьезные размышления, но он хранил молчание по крайней мере в течение четверти часа и расхаживал по своему кабинету, не произнося ни слова. Наконец он промолвил:

– Значит, вы думаете, что Россия не хочет войны, что она останется в союзе и примет меры для поддержки континентальной системы, если я удовлетворю ее в вопросе о Польше?

– Вопрос, – ответил я, – уже не ограничивается Польшей. Тем не менее я несколько не сомневаюсь, государь, что там были бы весьма удовлетворены, если бы ваше величество удалили из Данцига и из Пруссии по крайней мере наибольшую часть тех войск, которые собраны там, как полагают, исключительно против России.

– Значит, русские боятся? – сказал император.

– Нет, государь, но как рассудительные люди откровенно объявленную войну они предпочитают положению, которое не является действительным миром.

– Что же, они хотят предписывать мне законы?

– Нет, государь.

– Однако требовать, чтобы я эвакуировал Данциг для удовольствия Александра, – это значит диктовать мне свою волю.

– Император Александр не требует ничего, очевидно, потому, чтобы не сказали, что он угрожает. Однако он учитывает все, что произошло после Тильзита, и полагает, что если армии вашего величества находятся на русской границе в 300 лье от ваших границ, то это отнюдь не согласуется с желанием сохранить союз. Я мог видеть, что возбуждает беспокойство. Я могу поэтому сказать вашему величеству, что внесло бы успокоение.

– Скоро я должен буду просить у императора Александра разрешения на устройство парада в Майнце!

– Нет, государь, но парад в Данциге задевает его.

– Я предложил ему возмещение за Ольденбург. Он презрительно отверг его. Я предложил соглашение по поводу герцогства Варшавского; но его больше не пожелали.

– Ваше величество изгнал родственника императора герцога Ольденбургского из его владений в тот момент, когда сын герцога женился на сестре императора. Мог ли он сделаться префектом вашего величества в Эрфурте⁵⁸? Не значило ли это оскорблять все приличия и даже создавать новый источник постоянных трений между обоими дворами? От вашего величества не могло укрыться, что благоразумие и приличие побуждали воздержаться от этого.

– Русские очень возгордились.

---

⁵⁷ Маршал Луи Николай Даву, князь Экмюльский (1770–1823) – один из самых талантливых маршалов Наполеона, победитель при Ауэрштедте, был назначен генерал-губернатором Гамбурга 1 декабря 1810 г. Генерал Рапп (1772–1821) был назначен губернатором Данцига 2 июня 1807 г. Впоследствии герцог Данцигский (генерал Рапп действительно начальствовал над Данцигом, но герцогом Данцигским был маршал Лефевр).

⁵⁸ См. ссылку 44.

– На сей раз мой долг возражать вашему величеству. Я не одобряю и не порицаю; я рассказываю. Ваше величество рассудит – должны ли все эти обиды, как бы они ни были обоснованы, привести к решению об отказе от выгод союза.

– Со мной хотят воевать, говорю вам.

– Та деликатность, с которой они представляют объяснения, доказывает, что они не хотят ни воевать против вашего величества, ни предписывать вашему величеству законы, но все доказывает мне также, что там не хотят принять ваше величество у себя.

– Русские хотят заставить меня эвакуировать Данциг. Они думают водить меня за нос, как водили польского короля! Я не Людовик XV⁵⁹; французский народ не потерпел бы такого унижения.

Император повторил несколько раз с горячностью, что французский народ не потерпел бы этого унижения, потому что он не Людовик XV, потом последовало довольно продолжительное молчание, которое он нарушил, обращаясь ко мне со словами:

– Вы, значит, хотели бы унижить меня?

– Ни ваше величество, ни Францию, – ответил я. – Ваше величество спрашивает меня о способах сохранения союза и ваших добрых отношений с Россией; я указываю эти способы.

– Вы советуете мне это унижение?

– Да, государь, я советую возвратиться к тому положению, в котором вы находились после Эрфурта. Я не вижу в этом унижения, если вы, ваше величество, хотите сохранить мир и союз. Если же ваше величество считает, что политическое восстановление Польши более соответствует вашим интересам, то, так как это восстановление несовместимо с союзом с Россией, мои объяснения и мои замечания становятся беспредметными. Тогда надо рассуждать по-иному, и в этом случае мое мнение не может быть полезно вашему величеству.

– Я вам уже сказал, что я не хочу восстанавливать Польшу.

– Тогда я не понимаю, ради чего ваше величество пожертвовали своим союзом с Россией!

– Это Россия разорвала его, потому что ее стесняет континентальная система.

– Это уже другой вопрос. Я не могу здесь высказываться в качестве стороны, но вашему величеству хорошо известно, что в Петербурге мы все еще искренне придерживались континентальной системы и идей Гильзита, тогда как уже в течение шести месяцев французские суда, обладающие лицензиями, возвращались с грузами из Англии.

Император улыбнулся и потянул меня за ухо, говоря:

– Вы значит влюблены в Александра?

– Нет, государь, но я стою за мир!

– И я тоже, – возразил император, – но я не хочу, чтобы русские приказывали мне эвакуировать Данциг.

– Так они и не говорят. Император Александр, когда я расставался с ним, сказал мне: «Император Наполеон знает обо всем, что являлось посягательством против союза, обо всем, что беспокоит Европу, обо всем, что приобрело угрожающий и даже враждебный характер по отношению к его союзнику. Если союз еще полезен для него, то он лучше кого бы то ни было будет знать, что необходимо для его сохранения. Нынешнее положение вещей не может продолжаться, так как нужно, чтобы союз был выгоден для обеих сторон, а с тех пор, как ваши войска стоят на моих границах, в состоянии мира нахожусь лишь я один. Если я еще не потребовал объяснений по поводу всего происшедшего, то потому, что я надеюсь, что император Наполеон, лучше уяснив свои действительные интересы, возвратился к мерам, более соответствующим объединившему нас союзу. Если бы этот союз не должен был побу-

---

⁵⁹ При Людовике XV попытка вернуть его тестя Станислава Лещинского на польский трон благодаря России окончилась неудачей.

дить Англию к миру и тем самым гарантировать успокоение всего мира, то я принял бы уже свое решение».

– Это и есть рассуждения, при помощи которых вас надули, потому что он их пересыпает любезностями. Ну, а я – старая лисица; я знаю византийцев.

– Я, государь, если ваше величество позволит мне сделать последнее замечание...

– Говорите, – живо сказал император. Но я видел, что он порядочно возбужден, и, желая дать ему успокоиться, не спешил объясниться.

– Говорите же, – нетерпеливо сказал император.

– Что касается меня, государь, то я решаюсь повторить вашему величеству, что я вижу выбор лишь между двумя возможностями: восстановить Польшу и провозгласить ее восстановление, чтобы привлечь на свою сторону поляков, что может дать политическую выгоду, или же сохранить союз с Россией, что приведет к миру с Англией и к завершению ваших испанских дел.

– Какое решение приняли бы вы?

– Сохранение союза, государь! Это решение, означающее благоразумие и мир.

– Вы всегда говорите о мире! Мир дает кое-что только тогда, если он является прочным и почетным. Я не хочу такого мира, который разрушил бы мою торговлю, как это сделал Амьенский мир⁶⁰. Для того чтобы мир был возможным и прочным, нужно, чтобы Англия убедилась, что она не найдет больше пособников на континенте. Нужно, следовательно, чтобы русский колосс и его орды не могли больше угрожать югу вторжением.

– Значит, ваше величество склоняется в пользу Польши? В таком случае достоинству вашего величества и этой великой цели соответствовал бы другой язык. Ваше величество имел возможность обсудить этот шаг за то время, что вы готовитесь к нему. Предпринять его во время войн с Испанией и с Англией – великое дело.

– Я не хочу войны, я не хочу Польши, – живо возразил император, как бы испугавшись, что он обнаружил свои затаенные мысли, – но я хочу, чтобы союз был мне полезен, а он не приносит мне пользы с тех пор, как принимают нейтральных; он никогда не был мне выгоден, так как русские почти не выступали во время войны с Австрией.

– Основной вопрос для вашего величества заключался в том, чтобы они выступили и чтобы их ружья стреляли. Они сделали и то и другое, и это было много, так как я требовал от них, чтобы они защищали и охраняли Варшаву и поляков, их врагов. Политически они сделали много и доказательством служит то, что Австрия заключила мир!

– Если император Александр принимает нейтральных, то континентальная система превращается в иллюзию.

– Ваше величество не может рассчитывать навязать русским, подобно гамбургцам, те лишения, которые ваше величество уже не налагает на себя сами. Если ваше величество хочет строго соблюдать принятую систему, то я не сомневаюсь, что Россия последует этому примеру, если же ваше величество допускает послабление для Франции, то положение России требует того же. Приходится это терпеть.

Император вновь перебрал один за другим все те вопросы, которые уже подвергались обсуждению. Не имея возможности опровергнуть факты, он старался смягчить их значение или отрицать их. Некоторые из фактов были им отнесены на счет моей мнимой доверчивости, которая, по его словам, была результатом любезностей императора Александра. Когда я довольно умеренно похвалил характер этого государя, он нетерпеливо сказал мне:

– Если бы парижские дамы слышали вас, они еще больше вздыхали бы по императору Александру. Рассказы о его манерах и галантном поведении в Эрфурте вскружили им головы. Из всего этого можно сочинять прекрасные сказки для парижан.

---

⁶⁰ Амьенский мир с Англией был заключен в 1802 г.

Я не отвечал ни слова.

Хотя император и сдерживал свое раздражение, оно было весьма заметно. Так как мне казалось, что я произвел на него некоторое впечатление, и так как я считал, что настоящий момент является, быть может, единственным, когда на него в состоянии подействовать правильные, на мой взгляд, соображения, то я продолжал говорить с прежней откровенностью.

Император вновь поднял вопрос о конвенции по поводу Польши и сказал:

– Спорили только о словах. Я хотел изменить только редакцию.

Я ответил, что лучше было бы отвергнуть конвенцию, чем предлагать такие изменения, которые слишком явно доказали, что после того, как мы были готовы дать гарантию, мы в промежутке между двумя очередными отправками дипломатической почты переменили политику и остановились на других проектах.

– Александр впал в амбицию. Он уже больше не хотел конвенции; именно от него исходил отказ, – возразил император. – Но если он считает теперь, что конвенция бесполезна, то, следовательно, он уже не думает, что я хочу воевать ради восстановления Польши?

– Он не знает, – ответил я, – будет ли это ради поляков или ради вашего величества, но он не обманывает себя насчет приготовлений вашего величества.

– Он меня боится?

– Нет, государь. Вполне воздавая должное вашим военным талантам, он часто говорил мне, что его страна велика; ваш гений может дать вам много преимуществ над его генералами, но если они не найдут случая дать вам бой при выгодных условиях, то у них имеется достаточно территории, чтобы уступить вам пространство, а удалить вас от Франции и от ваших баз значит уже с успехом сражаться против вас. В России знают, что нельзя направлять удар туда, где находится ваше величество, но так как вы не можете находиться повсюду, то там не скрывают проекта наносить удары лишь там, где вашего величества не будет. «Эта война, – сказал император Александр, – не ограничится одним днем». Ваше величество будет вынуждено возвратиться во Францию, и тогда все преимущества будут на стороне русских; к этому присоединяется зима, жестокий климат и – самое главное – решимость императора Александра, громогласно возвещенная им воля продолжать борьбу и не поддаваться, подобно другим государям, слабости, выражающейся в подписании мира в своей столице... Я передаю вашему величеству слова и мысли императора Александра. В этом вопросе он не скрывает ни своих взглядов, ни своей политики с тех пор, как ваше величество занял более угрожающую позицию, и с тех пор, как дело идет, по-видимому, к последним крайностям.

– Признайте откровенно, – возразил император Наполеон, – что как раз Александр хочет воевать со мною.

– Нет, государь, – ответил я вновь, – ручаюсь вашему величеству головой, что он не выстрелит первым из пушки и не перейдет первым свою границу.

– Значит, между нами существует согласие, – заметил император, – так как я не двинусь к нему; я не хочу ни войны, ни восстановления Польши.

– В таком случае, государь, следует объясниться для того, чтобы они могли отдать себе отчет в целях сосредоточения войск вашего величества в Данциге и на севере Пруссии.

Император ничего не ответил на это. Он заговорил о русских вельможах, которые в случае войны боялись бы за свои дворцы и после крупного сражения принудили бы императора Александра подписать мир.

– Ваше величество ошибается, – сказал я. И я повторил императору поразившие меня слова императора Александра, произнесенные им в частной беседе со мной после приезда Лористона, когда я не имел уже политических функций, – слова, которые более определенно выражали то, что он мне дал уже понять незадолго перед этим. Эти слова настолько меня поразили, что, возвратившись, я их записал, и теперь я передавал их с полной точностью, так как едва ли память мне изменила.

– Если император Наполеон начнет против меня войну, – сказал мне Александр, – то возможно и даже вероятно, что он нас побьет, если мы примем сражение, но это еще не даст ему мира. Испанцы неоднократно были побиты, но они не были ни побеждены, ни покорены. А между тем они не так далеки от Парижа, как мы: у них нет ни нашего климата, ни наших ресурсов. Мы не пойдем на риск. За нас – необъятное пространство, и мы сохраним хорошо организованную армию. Когда обладаешь этим, то, по словам императора Наполеона, несмотря на понесенные вами потери, никто не сможет диктовать вам свою волю. Можно даже принудить своего победителя принять мир. Император Наполеон сам приводил эти соображения Чернышеву⁶¹ в Вене после сражения при Ваграме. Он не пошел бы тогда на мир, если бы Австрия не сохранила армию. Ему нужны результаты столь же быстрые, как его мысль, ибо, находясь часто в отсутствии, он по необходимости торопится поскорее вернуться домой. Его уроки – это уроки учителя. Я не обнажу шпагу первым, но я вложу ее в ножны не иначе, как последним. Пример испанцев доказывает, что именно недостаток упорства погубил все государства, с которыми воевал ваш повелитель. Соображения, приведенные императором Наполеоном Чернышеву во время последней войны с Австрией, достаточно доказывают, что австрийцы добились бы лучших условий, если бы они были более упорными. Люди не умеют терпеть. Если жребий оружия решит дело против меня, то я скорее отступлю на Камчатку, чем уступлю свои губернии и подпишу в своей столице договоры, которые являются только передышкой. Француз храбр, но долгие лишения и плохой климат утомляют и обескураживают его. За нас будут воевать наш климат и наша зима.

Император слушал меня с большим вниманием и даже с удивлением. Он казался очень озабоченным; довольно долго он хранил молчание. Мне казалось, что мои слова произвели на него глубокое впечатление, так как его лицо и осанка все время были очень суровыми, а теперь его черты приняли открытое и благосклонное выражение. Он, казалось, и выражением своего лица и своими вопросами хотел ободрить меня. Он стал говорить об обществе, об армии, об интендантстве и даже об императоре Александре без того раздражения, с которым до сих пор упоминал его имя. Император был даже в этот момент весьма благосклонен ко мне и сказал мне какую-то любезность по поводу моей служебной деятельности. Я, со своей стороны, уверял его, что он ошибается насчет императора Александра и насчет России; не следует судить об этой стране на основании того, что говорят некоторые лица, а об ее армии – на основании того, что он видел при Фридланде; находясь под угрозой уже в течение года, там взвесили все шансы, а следовательно, и шансы нашего успеха.

Внимательно выслушав меня, император перечислил мне, какими он располагает силами и средствами. Как только он взялся за эту тему, я уже больше не сомневался, что нет никакой надежды на мир, так как этот военный подсчет кружил ему голову. И в самом деле, он в заключение сказал мне, что хорошее сражение окажется лучше, чем благие решения моего друга Александра и его укрепления, возведенные на песке; это был намек на фортификационные работы, производившиеся в Риге и на Двине.

Он заговорил затем об испанских делах и при этом с недовольством отозвался о своих генералах и о тех задержках, которые приходилось терпеть в Испании. Он сказал, что эти новые затруднения являются результатом неловких действий короля – его брата – и генералов, но эти затруднения скоро кончатся. Он старался убедить меня в том, что мог бы добиться там конца в любой момент, но тогда англичане напали бы на него в других местах и, может быть, даже в самой Франции. Он делал отсюда вывод, что, пожалуй, лучше, чтобы они это делали в Португалии. Потом он вновь перешел к императору Александру.

---

⁶¹ Гвардейский полковник, впоследствии генерал-от-кавалерии князь Александр Иванович Чернышев (1785–1857) – флигель-адъютант Александра; в бытность свою русским атташе в Париже искусно организовал политический шпионаж. При Николае I с 1827 по 1852 г. Чернышев был военным министром.

– Он человек фальшивый и слабохарактерный, – повторил он.

– Он упрям, – ответил я. – Его склонный к примирению характер приводит к тому, что он легко уступает по некоторым вопросам, которым он не придает большого значения, но в то же время он очерчивает круг, за пределы которого не выходит.

– У него византийский характер, он человек фальшивый, – еще раз сказал император.

– Несомненно, – ответил я, – он не всегда говорил мне все, что думал; но то, что он благоволил мне сказать, всегда подтверждалось, а то, что он обещал через меня вашему величеству, он выполнял.

– Александр честолюбив; у него есть цель, которую он скрывает, ибо желает войны; он желает ее, говорю вам, так как он отказывается от всех предлагаемых мною соглашений. У него есть тайный мотив: неужели вы не смогли распознать этот мотив? Повторяю вам, что у него есть другие мотивы, кроме Польши и Ольденбурга.

– Одних этих мотивов и присутствия вашей армии в Данциге было бы достаточно. Кроме того, он может, бесспорно, разделять те опасения, которые внушают всем кабинетам перемены, произведенные вашим величеством после Тильзита и в частности после Венского мира. Хотя об этом со мной и не говорили определенно, я мог, однако, заметить, что эти опасения заставляли задуматься русское правительство в такой же мере, как и другие.

– Какое дело до этого Александру? Это происходит не у него. Разве я не сказал ему, чтобы он забрал Финляндию, Молдавию и Валахию, которые вполне ему годятся? Разве я не предлагал ему разделить Турцию? Разве я не заплатил ему 300 миллионов за войну с Австрией?

– Да, государь, но эти соблазны не помешали ему, несомненно, видеть, что ваше величество наметил с тех пор веки для других перемен и хочет заводить в Польше свои порядки.

– Вы фантазируете, как он. Еще раз повторяю, я не хочу воевать с ним, но надо, чтобы он выполнял принятые на себя обязательства и закрыл свои прилавки перед англичанами. Какие это перемены так его пугают? Какое дело до них России, находящейся на краю света?

– Об этом он не говорил со мной.

– Я не мешаю ему округлять свои владения в Азии и даже, если он хочет, в Турции, лишь бы он не прикасался к Константинополю.

Он недоволен тем, что я владею Голландией⁶². Это затрудняет ему зай мы, в которых он нуждается.

– Присоединение ганзейских городов, организация великого герцогства Франкфуртского, которая означает, что ваше величество сохранит за собою Италию, передача Ганновера Вестфалии⁶³ – все эти перемены, произведенные во время мира, возмущенные в виде окончательных мероприятий, затрудняют и отдаляют мир с Англией. Они, следовательно, бьют по самым дорогим интересам России, но не заставят ее начать войну.

– Значит, для того чтобы понравиться Александру, я должен терпеть, чтобы англичане и мой брат предписывали мне законы? Румянцев знает, что я сделал все, чтобы побудить Англию к миру. Лабушер несколько раз ездил в Лондон, причем ездил даже в качестве представителя голландцев⁶⁴. Должен ли я позволить наводнять северную Германию английскими товарами?

---

⁶² После отречения голландского короля Людовика Бонапарта (1778–1846) (брата Наполеона) Наполеон декретом от 9 июля 1810 г. присоединил Голландию к Французской империи.

⁶³ Присоединение ганзейских городов было произведено сенатус-консультумом 13 декабря 1810 г. Великим герцогом Франкфуртским был назначен курфюрст Майнца Дальберг. 1 марта 1810 г. Наполеон назначил Евгения Богарнэ наследным великим герцогом Франкфуртским, обеспечивая ему это герцогство по смерти Дальберга. Ганновер, переданный в 1806 г. Пруссии, был 14 января 1810 г. присоединен к Вестфалии.

⁶⁴ Лабушер, крупный французский коммерсант и финансист, зять и компаньон английского банкира Бэринга, ездил в Лондон в феврале 1810 г. и вел переговоры с английским министерством иностранных дел.

– Временный характер этих мер произвел бы впечатление политического шага, но их окончательный характер и продвижение на север целых армий вместо нескольких батальонов для подкрепления таможенной стражи – это вызвало испуг.

– Вы не дальновиднее Александра, который одержим страхом. Именно эти меры, которые вы порицаете, отнимают все надежды у англичан и принудят их к миру.

Этот разговор продолжался еще долго. Император перескакивал с одного вопроса на другой и после длительных перерывов вновь возвращался к тем же темам, – несомненно для того, чтобы проверить, буду ли я давать те же самые ответы. Пожалуй, он никогда еще не предавался более серьезным размышлениям, если судить по его озабоченности и по тем долгим паузам, которые прерывали эту беседу, продолжавшуюся пять часов.

После одной из пауз он сказал мне:

– Нас поссорил австрийский брак. Император Александр рассердился на меня за то, что я не женился на его сестре.

Я должен был напомнить императору, что, как я доносил в свое время, Россия не интересовалась этим браком; император Александр не мог отказать в согласии поддержать эту идею без всяких определенных обещаний, но он никогда не уступил бы по вопросу о религии; надо было бы выждать по крайней мере целый год, если бы императору и удалось добиться согласия своей матери; он никогда не хотел взять на себя определенное обязательство по этому вопросу, и там были скорее довольны, чем рассержены, когда неожиданно узнали о заключении брака с австрийской принцессой; хотя мы не очень деликатно аннулировали сделанные нами предложения, к счастью, еще не получившие положительного ответа, который поставил бы меня в очень затруднительное положение, если бы я его к этому моменту добился.

– Я забыл эти подробности, – сказал император, – но не подлежит сомнению, что там были рассержены сближением с Австрией.

Я ответил ему, – это была правда, и это поразило в свое время всех, – что, как доказывают разговоры императора и Румянцева во время первых предварительных шагов, принятых по этому вопросу, в Петербурге в первый момент почувствовали только удовольствие от исчезновения вопроса, весьма деликатного для взаимоотношений между обоими правительствами и еще более деликатного для императора Александра в области его отношений со своей матерью и со своей семьей.

Император Наполеон еще раз повторил, что он не хотел ни войны, ни восстановления Польши, но что надо прийти к соглашению по вопросу о нейтральных и по другим разногласиям.

– Если ваше величество действительно этого хочет, то это будет нетрудно, – снова ответил я.

– Уверены ли вы в этом? – спросил меня император.

– Вполне, – был мой ответ, – но нужно, чтобы предложения были приемлемы.

– Но что же еще? – возразил император. Он побудил меня вновь перечислить ему возможные предложения.

– Ваше величество уже давно и столь же хорошо, как и я, знает, в чем заключаются причины охлаждения. Ваше величество лучше меня знает, что вы готовы были бы сделать, чтобы исправить дело.

– Но что же? Чего от меня требуют?

– Что касается торговых сношений между обеими странами, то нужны соглашения, построенные на взаимной выгоде; то же самое нужно для всей вообще морской торговли; нужно терпеть допущение нейтральных, если мы хотим, чтобы допускались и продавались грузы, имеющие лицензию. Нужно устроить принца Ольденбургского так, чтобы он не был

поставлен, как в Эрфурте, в абсолютную зависимость от вас; нужно заключить соглашение о Данциге, о прусских делах и т. д., и т. д.

Когда император увидел, что я перешел к политическим вопросам и что при обсуждении их он, несомненно, будет вынужден сказать больше, чем хочет, он заявил, что Лористону даны поручения по этим вопросам и что я, вероятно, нуждаюсь в отдыхе.

Я просил его величество позволить мне сказать еще лишь одно слово.

– Говорите, – сказал император.

– Война и мир в ваших руках, государь. Я умоляю ваше величество подумать о своем собственном счастье и о счастье Франции, когда ваше величество будет выбирать между превратностями войны и хорошими скрытыми выгодами мира.

– Вы говорите, как русский, – ответил император.

– Скорее, как добрый француз, как верный слуга вашего величества.

– Повторяю вам, я не хочу войны; но я не могу помешать полякам желать моего вмешательства. Даву и Рапп доносят мне, что литовцы взбешены против русских; они посылают ежеминутно Даву и Раппу делегатов, чтобы торопить и убеждать нас.

– Вас обманывают, государь, – был мой ответ. Я указал императору, что из всех соучастников раздела Польши именно русское правительство благодаря политическому строю России больше всего подходило польским магнатам, что уже император Павел хорошо относился к ним, а император Александр сделал еще больше для них;

я встречался со многими польскими помещиками, которые, бесспорно, сожалели о своей прежней национальной независимости, но, сомневаясь в возможности восстановить Польшу как большое независимое государство, они были мало склонны вновь поставить свою судьбу на карту; пример герцогства Варшавского, положение которого отнюдь не было счастливым, далеко не так расположил их в нашу пользу, как думал его величество; между знатными польскими фамилиями существует соперничество, которое всегда будет мешать согласованным действиям с их стороны. Я добавил, что император не может скрывать от себя того, что теперь слишком хорошо уже знают в Европе, а именно, что он стремится владеть разными странами скорее для себя, чем в их собственных интересах.

– Вы этому верите, сударь? – спросил меня император.

– Да, государь, – ответил я.

– Ну, вы меня не балуете, – возразил он шутя, – однако пора обедать.

И он удалился.

Так закончилась эта беседа, продолжавшаяся более пяти часов и не оставившая у меня никакой надежды на сохранение спокойствия в Европе.

Я говорил потом с герцогом Бассано⁶⁵, который, подобно императору, уверял меня, что мы не хотим войны, что в Петербурге напрасно тревожатся и что император не может теперь ничего изменить в тех мерах, которые он считал раньше необходимым принять.

Я мало надеялся теперь на то, что император склонится к другим идеям; тем не менее я не падал духом. Испанские дела шли довольно плохо и могли привести к тем или иным инцидентам, которые повлекли бы за собой переход к другим политическим идеям. В течение двух месяцев поляков подстрекали меньше и советовали больше сдержанности нашим генералам и агентам в Германии. Взгляды императора оставались, я думаю, все теми же, но, вероятно, испанские дела и те или иные размышления о последствиях решения, которое он готовился принять, по грандиозности задуманного предприятия внушали ему некоторую нерешительность. Проводимый нашим правительством курс был по внешности менее враждебным; хотели оставить себе возможность сохранить мир, если бы события сделали это

---

⁶⁵ Маре, герцог Бассано (1763–1839) – один из преданнейших Наполеону министров его империи. Был тогда министром иностранных дел.

необходимым или если бы благое вдохновение привело к этому мудрому решению. Тем временем продолжали, однако, пополнять вооружения и не делали ничего, что могло бы действительно помешать этой войне.

После описанной беседы я долго не имел частных разговоров с императором. Положение мое было неопределенным. В течение некоторого времени он на людях обращался со мной довольно хорошо.

Я не переставал добиваться отмены высылки мадам де К...

Император, которого я осаждал и письмами и прошениями, избегал частных разговоров со мной. Наконец, он дал мне аудиенцию и обещал вернуть мадам де К..., но без официального разрешения. Под влиянием моих новых настояний и после того, как он выслушал Дюрока, которого я просил передать императору, что я выйду в отставку, если он не сдержит данного мне слова, его величество обещал мне, наконец, возратить мадам де К... и любезно сказал даже, что она вернется к исполнению своих обязанностей; это было больше того, что я просил. Но на завтра же мне нетрудно было заметить, что император молчаливо назначил цену за этот знак своей милости, ибо после того, как я отказался сказать князю Куракину⁶⁶ и подтвердить от своего собственного имени, что император не думает восстанавливать Польшу, что он не хочет этого, что он сторонник союза и вооружается только потому, что Россия производит передвижение войск, – обещанное разрешение не было отправлено, хотя его величество дважды приглашал меня к обеду и относился ко мне в течение недели как к человеку, находящемуся в большой милости. В течение этого времени его величество несколько раз долго беседовал со мной в Сен-Клу и один раз после обеда в Багателле – всякий раз о России.

Император все время повторял мне, что он не хочет войны, что в глубине души ему нет дела до поляков, которые, как он говорил, представляют собою «легкомысленную нацию и государство, которое трудно перестроить так, чтобы оно выполняло какую-нибудь полезную роль».

– Если, – говорил он, – король, которого я им дам, не понравится им, все будет идти плохо, а сделать хороший выбор трудно. Моя семья – мне не помощники; у моих родных безумное честолюбие, расточительные вкусы и никаких талантов.

И он и я, говоря о русских делах, повторяли приблизительно то же, что мы говорили во время аудиенции, данной мне императором при моем прибытии.

Император хотел, чтобы я убедил князя Куракина, что происходит ошибка, что отношения с обеих сторон обострились неизвестно почему, что император не думает воевать с Россией и хочет лишь сохранить континентальную систему, направленную против Англии; нужно, следовательно, разобраться в средствах поддержания этой системы и прийти к соглашению по поводу существующих разногласий. Но когда я касался самой сути этих вопросов и перечислял взаимные уступки, которые можно было бы сделать друг другу, чтобы добиться этой цели, то император менял тему разговора. После этого я не мог сомневаться, что намерения его оставались прежними, что его проекты в лучшем случае только откладывались и он хотел воспользоваться мною лишь для того, чтобы успокоить другую сторону и выиграть время; я избегал поэтому брать на себя посредничество в этом деле и просил императора поручить эти объяснения Лористону. Это, как я тотчас же мог заметить, очень ему не понравилось и привело к резкому прекращению нашей беседы.

С тех пор к строгостям, принятым против моих друзей, император прибавил все те неприятности, которые он мог причинить находящемуся на государственной службе лицу, не

---

⁶⁶ Князь Александр Борисович Куракин был российским послом в Париже с 1808 по 1812 г., старый екатерининский вельможа, «парадный» посол. Нити событий были в руках советника посольства Нессельроде и военного атташе Чернышева.

останавливаясь перед нарушением прав, присвоенных его званию. Он не упускал ни одного случая, чтобы не дать мне почувствовать свое недовольство, а на мои жалобы по поводу фактов, означавших ущемление прав моего звания, он отвечал, что не подумал об этом. Что же касается моих новых настояний перед императором по вопросу о возвращении мадам де К..., то они оставались безрезультатными, делал ли я их лично, письменно или через посредство Дюрока. Я вновь заговорил тогда с обер-гофмаршалом о проекте моей отставки.

– Нынешний момент меньше всего подходит для этого, – сказал он мне, – вы погубите ваших друзей и самого себя. Потерпите, и все устроится. Император долго не сердится. Вы вызвали его недовольство, но он чувствует к вам уважение и даже питает к вам привязанность. Он относится с большим вниманием к мадам де К... Все следовательно, уладится, если вы не испортите дело какой-нибудь выходкой, при которой будете неправы. С вашей стороны весьма безрассудно принимать так близко к сердцу русские дела; мы ничего не можем тут поделаться; вы не измените проектов императора. Так зачем же его раздражать? У него есть свои взгляды и цель, которой мы не знаем. Будьте уверены, что он в своей политике более дальновиден, чем мы с вами. В конечном счете я вас по-дружески убедительно прошу отложить свои проекты насчет отставки.

Он долго еще просвещал меня на эту тему и снова подчеркнул, что если я буду слишком настаивать, то погублю своих друзей и самого себя, ничего при этом не добившись. Однако, когда он вновь затронул через несколько дней вопрос о мадам де К..., император подал ему надежду на скорую и окончательную перемену. Вестник этой доброй новости Дюрок снова убеждал меня запастись терпением, указывая, что как военный я не могу покинуть службы до заключения мира. Он вновь сказал, что император пересмотрит со временем свое решение и что он сердит на меня, но все время говорит обо мне с уважением.

Видя, что я ничего не достигну этим путем, я официально обратился к министру полиции⁶⁷. Министр откровенно поставил вопрос перед императором, указав ему, что нет никаких мотивов для оставления в силе этого акта строгости, произведшего дурное впечатление даже с политической точки зрения; но и он пока не добился ничего.

Думаю, что именно в этот период император вызвал однажды утром в Сен-Клу одного из своих министров. После длившейся несколько минут общей деловой беседы он сказал ему:

– Пойдем, пройдемся.

Когда они дошли до террасы, где нельзя было приблизиться к ним незаметно и где никто не мог их слышать, он сказал:

– Вы нужны мне для одного дела, о котором я не говорил никому, ни одному из моих министров; впрочем, оно их не касается. Я решил на большую экспедицию. Мне нужны в значительном количестве фургоны и транспортные средства. Людей я раздобуду без труда, но приготовить транспорт трудно. Мне нужен громадный транспорт, потому что моим отправным пунктом будет Неман и я буду действовать на больших расстояниях и в различных направлениях. Именно для этого я нуждаюсь в вас и в тайне.

Министр заметил, что это потребует больших расходов и что он будет соблюдать невозможнейший порядок и секретность, но он не сможет помешать разговорам о том, что он заказывает фургоны и т. д., и т. д.

Отвечая на его первое замечание, император с живостью сказал ему:

– Приезжайте в Тюильри, как только я отправлюсь туда в ближайшее время. Я покажу вам 400 миллионов золотом⁶⁸. Не останавливайтесь же перед расходами, мы справимся со всем, что окажется необходимым.

---

⁶⁷ См. ссылку 3.

⁶⁸ В подвалах Тюильри хранилось в это время около 380 миллионов франков золотом. Министр, с которым, по словам

Продолжая беседу, император развил перед ним свой политический план, согласно которому необходимо нанести удар Англии в лице единственной решающей державы, еще остающейся на континенте и могущей причинить ему беспокойство, присоединившись к Англии. Он говорил, что будет полезно отстранить русских от европейских дел и создать в центре государство, которое было бы барьером против нашествий северной державы; он прибавил, что теперь для этого удобный момент, а потом будет уже поздно, и нужно нанести этот последний удар, чтобы завоевать всеобщий мир и годы отдыха и благоденствия для нас и наших детей после стольких лет лишений и затруднений, хотя и полных славы.

ГЛАВА II

Накануне русского похода

Поездка императора в Голландию и Бельгию. – Зима 1811–1812 гг. в Париже. Разговоры с императором о войне с Россией. – Недовольство Коленкура. Позиция Наполеона. – Разговоры с императором: Англия и мир, снова о русских делах. – Талейран и посольство в Вене. – Отъезд в Майнц. – Разговоры с императором о герцоге Бассано и о турках. – Прибытие в Дрезден. – Г-н де Нарбонн.

Поездка в Булонь, на побережье и в Голландию, последовавшая за поездками императора в различные дворцы, удалив нас из Парижа, положила на время конец всем тем неприятностям, которые мне приходилось терпеть. Но она не смягчила раздражения императора против меня, и он проявлял его всякий раз, когда чудеса, которые ежеминутно приходилось проделывать моему ведомству во время этих неожиданных поездок, импровизировавшихся им каждый день, не вынуждали его выражать мне одобрение, что, впрочем, он делал не всегда.

Император выехал в Компьен 16 сентября, приехал в Булонь 19-го, в Остенде 22-го, в Брескене – 23-го и вступил на борт корабля «Карл Великий» 24-го. В шесть часов вечера страшная буря разбросала все корабли эскадры, и пришлось оставаться па борту до восьми часов утра 27 сентября, когда император высадился в Флиссингене. 28-го он ездил в Миддельбург и возвратился в Флиссинген, а на следующий день в четыре часа утра выехал оттуда на катере, чтобы осмотреть авангардные суда и посетить Тернейцен. Оттуда он поднялся вверх по Шельде и прибыл в Антверпен, где его ожидала императрица, приехавшая сюда через Лэкен.

4 октября император посетил Виллемстад и Хеллевуцслейс, переночевал на катере на рейде Хогплата, посетил 5-го Дордрехт, осмотрел большие плоты и отправился в Утрехт 6-го. 7 и 8-го он произвел смотр пехоты и кавалерии в Ла-Брюйере, в трех лье от Утрехта, и ездил в Амерсфорт.

9-го в два часа пополудни состоялся его въезд в Амстердам. 15-го он поехал в Гельдер, сделав часть пути в экипаже, а часть верхом. 16-го он осмотрел новые форты и эскадру, а также посетил Тексель.

17-го он осмотрел канал, земляные укрепления и в полдень выехал из города; посетив Алькмар и Харлем, он в девять часов вечера возвратился в Амстердам.

21-го он посетил Мейден и Наарден. 24-го он ездил в Харлем, завтракал в Катвейке, принял представителей власти в Лейдене, побывал в Шевенингене и ночевал в Гааге.

25-го он осмотрел литейный завод⁶⁹, завтракал в Дельфте и в 11 часов прибыл в Роттердам, 27-го – смотр в Утрехте; ночевал его величество в замке Лоо.

28-го он прибыл в Цволле через Девентер, произвел смотр и ночевал в Лоо.

29-го он приехал в Нимвеген, 30-го – в Везель через Грав; 1 ноября был в Дюссельдорфе, 5-го – в Кельне, 6-го – в Бонне, 7-го днем – в Жюлье, а ночевал в Льеже, 8-го – в Живе. Половодье разрушило мост через Маас, и только 9-го вечером можно было возобновить сообщение по мосту. 10-го ночевали в Мезьере, оттуда поехали в Компьен, а 11-го были в Сен-Клу.

Поездка и различные связанные с ней заботы сделали меня необходимым императору. Слишком справедливый для того, чтобы не похвалить меня за исполнение моих служебных обязанностей, он, однако, сохранял всю прежнюю резкость при сношениях со мной. По воз-

---

⁶⁹ Речь идет о Гаагском оружейном заводе.

вращении в Париж все вновь пошло привычным путем. Императора ничто уже не отвлекало от его недовольства своим обершталмейстером, а ходатайства обершталмейстера за своих друзей напоминали ему, что он может причинить ему неприятность и наказать его самым чувствительным для него образом: он не был поэтому расположен изменить к лучшему свое обращение со мной.

Речь шла о моей чести, ибо вопрос касался интереса моей страны, и о моей щепетильности, ибо я не хотел быть проводником той политики, которую осуждал; мое положение было поэтому затруднительно; но меня спасло то, что в обществе я хранил молчание по всем этим вопросам.

Уважая даже несправедливую строгость государя, который не может пойти на уступки своему подданному, я не позволял себе ни малейшей жалобы, поскольку дело интересовало меня лично, но я возражал и непосредственно и через Дюрока или герцога Ровиго против той несправедливости, которая постигла моих друзей, бывших совершенно чуждыми моим политическим взглядам. Император заметил мое молчание в обществе и мою сдержанность. Судя по тому, что мне говорил Дюрок, он одобрял мой образ действий, но пока что ни в малейшей степени не менял своего поведения.

Зимой было много празднеств, балов и маскарадов. На большом костюмированном балу я был единственным сановником, который вопреки этикету не был назначен для участия в контрдансе с императрицей и принцессами. Желая меня уколоть, император назначил графа де Нансути, который отнюдь не имел большого придворного сана. Меня также исключили из числа приглашенных, или, вернее, я был единственным сановником, не приглашенным на ужин у императрицы. Я спокойно отнесся к неприглашению меня на ужины, ибо участие в них являлось отличием, которое можно было рассматривать как интимное. Что же касается контрданса, то участие в нем было правом, присвоенным моему званию, и так как дело происходило публично, то я счел своим долгом сделать по этому поводу представление. Император велел мне ответить, что это была ошибка, но я знал от Дюрока, которому император продиктовал список участников контрданса, что эта ошибка была весьма преднамеренной.

Дюрок добавил даже с характерным для него участием и любезностью ко мне, что он настоятельно советует мне не возбуждать в настоящий момент вопроса о возвращении моих друзей ко двору; он, Дюрок, не знает, что именно я сделал или сказал, но император сердит на меня более чем когда-либо. Он заметил мне, что я слишком открыто высказывался против планов, относящихся к Польше, и что когда император говорил со мной о делах, то я слишком явно его порицал, и это его рассердило. Дюрок намекал, несомненно, на два разговора, которые у меня были с императором: один – в замке Лоо во время поездки в Голландию и другой – два дня тому назад в Париже⁷⁰. Я ограничусь лишь общим изложением наших бесед, так как за исключением нескольких фраз, которые я сейчас приведу, эти разговоры вращались вокруг тех же самых вопросов, что и предыдущие, и облекались в те же самые слова.

– Теперешняя поездка, – сказал мне император, – и те меры, которые я принимаю против английской торговли, докажут императору Александру, что я твердо держусь системы союза и более озабочен внутренним благополучием империи, чем планами войны, которые мне приписывают.

– Тем временем войска, собранные здесь вашим величеством, направляются на север, что не может внушить веры в сохранение мира.

---

⁷⁰ Разговор в Лоо происходил, по-видимому, 27 или 28 октября, а разговор в Париже – за два дня до описываемой беседы Коленкура с Дюроком.

– Поляки призывают меня, но я не думаю об этой реставрации. Хотя она была бы политически целесообразной и даже соответствовала бы интересам цивилизованной Европы, я не думаю о ней, потому что это было бы слишком сложным делом из-за Австрии.

– Однако, государь, я не думаю, чтобы можно было принести в жертву союз с Россией иначе как за эту цену.

– Я не хочу приносить его в жертву; я оккупирую север Германии лишь для того, чтобы придать силу запретительной системе, чтобы действительно подвергнуть Англию карантину в Европе. Для этого нужно, чтобы я был силен повсюду. Мой брат Александр упрям и видит в этих мерах план нападения. Он ошибается. Лористон непрерывно объясняет ему это, но у страха глаза велики, и в Петербурге видят только марширующие дивизии, армии в боевой готовности, вооруженных поляков. Между тем именно я мог бы предъявлять претензии, так как русские пододвинули дивизии, которые они вызвали недавно из Азии.

Сделав целый ряд замечаний, которые должны были доказать императору, что в Петербурге не могли обманываться насчет его действительных планов, я прибавил, что никакой политический интерес не может оправдать войну, которая удалит его на 800 лье от Парижа, в то время когда против него еще были Испания и вся мощь Англии.

– Именно потому, что Англия занята в Испании и вынуждена оставаться там, она меня не беспокоит. Вы ничего не понимаете в делах. Вы похожи на русских: вы видите только угрозы и только войну там, где нет ничего другого, кроме развертывания сил, необходимого, чтобы заставить Англию вступить в переговоры не позже, чем через шесть месяцев, если Румянцев не потеряет головы.

Император прекратил этот разговор более чем нетерпеливо. Я снова видался с Дюроком, который уговаривал меня совершенно прекратить встречи с Талейраном⁷¹; по его словам, Талейран уже давно в ряде случаев вызвал недовольство императора, в частности теми рассуждениями о войне в Испании, которые он себе позволил, хотя он был один из первых, советовавших императору завладеть испанским тронem. Дюрок прибавил, что мы не знаем великих проектов императора и его политических взглядов, что он рассматривает все с точки зрения необходимости принудить Англию к миру, для того чтобы Европа могла, наконец, вкусить длительное спокойствие. В своих рассуждениях Дюрок проявил ко мне чрезвычайную внимательность и участие.

Зима была в разгаре. Уже начались переговоры с Австрией об оборонительном и наступательном союзе, который предполагалось также навязать и Пруссии⁷². На все лады разыгрывалась прелюдия к соглашениям и мероприятиям, необходимым для великого похода, к которому император готовился больше чем когда-либо к какому-нибудь другому. Мы приближались к развязке, введением к которой должно было служить предположенное свидание в Дрездене. Тем временем Париж и двор развлекались вечерами и празднествами.

В один из больших вечеров при дворе император остановил возле трона князя Куракина⁷³. Между ними завязался продолжительный разговор, настолько громкий, что все, следовавшие за его величеством, сочли необходимым отойти в сторону. В этот момент я разговаривал с кем-то в амбразуре одного из окон. Император находился на противоположной стороне, по левую сторону трона. Во всех дипломатических депешах того времени сообщалось об этом разговоре. Император Наполеон жаловался на то, что император Александр хочет на него напасть и не соблюдает более союза, так как допускает так называемых нейтральных, а в России происходят крупные передвижения войск. Под конец разговора, длив-

---

⁷¹ Наполеон, как видно из предшествующего изложения и примечаний, имел основание подозревать Талейрана в переходе на сторону его врагов. Коленкур был под сильным влиянием Талейрана.

⁷² Результатом переговоров был договор с Пруссией 24 февраля 1812 г. и с Австрией 14 марта 1812 г.

⁷³ Разговор с князем Куракиным имел место 15 августа 1811 г.

шегося около получаса, император сказал настолько громко, что я слышал его со своего места:

– Что бы ни говорил г-н де Коленкур, император Александр хочет на меня напасть.

Император был так уверен и говорил с такой горячностью, речь его лилась с такой быстротой, что князь Куракин хотя и открывал рот для ответа, но долго не мог вставить ни слова. Аудитория, хотя и отодвинувшись немного, напрягала слух, в особенности прислушивались члены дипломатического корпуса, находившиеся в зале.

– Господин де Коленкур, – прибавил еще император, – сделался русским. Его пленили любезности императора Александра.

Покинув князя Куракина, император сделал несколько шагов по направлению к середине зала, стараясь прочесть в глазах слушателей произведенное его словами впечатление. Заметив по пути меня, ибо я, конечно, от него не прятался, император подошел ко мне и с раздражением сказал:

– Разве не правда, что вы сделали русским?

Я ответил очень твердым тоном:

– Я хороший француз, государь, и время докажет, что я говорил вашему величеству правду, как верный слуга!

Видя, что я принимаю дело всерьез, император сделал вид, будто он пошутил, и сказал улыбаясь:

– Я хорошо знаю, что вы честный человек, но любезности императора Александра вскружили вам голову, и вы сделали русским.

А затем он начал разговаривать с другими.

На следующий день, после того как мне не удалось получить частную аудиенцию у императора, я с такой определенностью заявил Дюроку для передачи его величеству, что выхожу в отставку, и в то же время столь определенным образом переговорил с министром полиции, что мадам де К... через 24 часа получила разрешение покинуть место своей ссылки.

Я должен воздать должное герцогу Ровиго; немало других тоже обязаны ему многим. Он откровенно говорил с императором об этом акте строгости, как говорил по поводу многих, не боясь подвергнуться неприятностям. Он говорил и тогда, когда надо было предотвратить подобные меры, и тогда, когда надо было побудить императора отменить уже принятые решения. Он, бесспорно, является тем министром полиции, который более всякого другого говорил правду императору.

Дюрок, с которым я говорил тоном человека, принявшего твердое решение, пришел ко мне на следующее утро. Он заявил, что император не имел намерения сказать мне что-либо неприятное и произнес в разговоре с князем Куракиным слова, которые повторил мне потом только для того, чтобы император Александр знал, что я остался его другом; император, сказал Дюрок, относится ко мне с уважением, но я должен больше считаться с его подозрительностью в некоторых вопросах и не ломать с ним копий, как я имею обыкновение делать, когда он говорит со мной о делах; его легче уговорить при помощи некоторых уступок, чем путем прямого нападения на его взгляды; я без всякой пользы вызываю его недовольство своими рассуждениями по вопросам, которые по существу меня не касаются; таким путем я приношу вред себе, а также и моим друзьям без всякой пользы как для дела, так и для меня самого; безрассудно жертвовать собою ради этих больших проблем, когда ничего нельзя изменить и ничего нельзя противопоставить; это значит бесплодно жертвовать собой. Я тщетно пытался возражать Дюроку. Он острил над тем, что я называл выполнением долга. Однако он достаточно ясно дал мне понять, что по существу он разделяет мои мнения, но надеяться внушить императору другие политические идеи – это значит терять свое время и бесцельно жертвовать собой.

В конце зимы и весной у меня были еще две продолжительные беседы с императором, одна из них вскоре после этого разговора с Дюроком. Обе беседы касались политических вопросов. В первой из них император снова пытался убедить меня, что он не думает о восстановлении Польши, не хочет воевать с Россией и в конечном счете желает лишь принудить Англию отказаться от своих необоснованных претензий и заключить мир; для этого нужно, чтобы Россия по-настоящему закрыла свои порты для английской торговли, а она уже в течение года получает английские товары под американским флагом.

Я возразил ему, что мы также получаем их при помощи лицензий, да еще взимаем двойной налог – с лицензий и с грузов⁷⁴. Император смеясь ответил мне:

– Возможно. Из-за моих приморских городов я этого отменить не могу. Александру остается лишь поступать так же. Я предпочитаю, чтобы этим пользовались его подданные и его казна, а не так называемые нейтральные.

И он снова вернулся к своей старой идее о том, что, конфискуя все эти грузы нейтральных стран, император Александр собрал бы огромные суммы, и т. д., и т. д.

Конец разговора свелся снова к попытке убедить меня повидать князя Куракина и поговорить с ним в этом смысле. Я решительно отказался от этого и откровенно сказал императору, что я, как он знает, не вижусь ни с одним русским и не поддерживаю больше с ними сношений, не желая говорить или делать что-либо, противное моему долгу или же моим взглядам и моей совести: эти мотивы побудили меня прекратить всякие сношения с русскими и вообще с иностранцами, и я не могу возобновлять их для того, чтобы сказать то, во что я не верю. Я прибавил шутя, что его величество сам не пожелает заставить меня играть такую роль. Мой отказ не изменил, казалось, хорошего настроения, в котором в этот момент находился император, и он, по-видимому, был расположен к продолжению разговора и даже поощрял меня к этому, говоря:

– Вы прекрасно понимаете, что я не хочу жертвовать такими крупными интересами ради сомнительного восстановления Польши.

– Бесспорно, ваше величество хочет воевать с Россией не только из-за Польши, – ответил я, – но для того, чтобы не иметь больше конкурентов в Европе и видеть там только васалов.

Я добавил, что это заботит его гораздо больше, чем его континентальная система, которая была бы строжайшим образом осуществлена от Архангельска до Данцига в тот самый день, когда император искренне пожелал бы подвергнуть также и самого себя тем лишениям и затруднениям, которых он требует от других. Я заметил, что это было бы, бесспорно, весьма действенным средством против Англии, но он хочет добиться этой цели лишь путем жертв, налагаемых на других, сам же не хочет, а может быть в известной мере и не в состоянии принять в них участие с ущербом для собственного кошелька; он предпочитает поэтому войну, которая, как он надеется, даст ему в результате возможность требовать в качестве повелителя то, чего в течение некоторого времени он добивался собственным примером и мерами убеждения; я сказал, наконец, что он не собрал бы столько войск на севере в ущерб для своих дел в Испании и не затратил бы столько денег на приготовления всякого рода, если бы предварительно не решил уже использовать все это либо для известной политической цели, либо для того, чтобы удовлетворить свою излюбленную страсть.

– Это какая же страсть? – спросил меня император смеясь.

– Война, государь.

Он потянул меня за ухо, довольно слабо протестуя против моего заявления, а затем предоставил мне полную возможность сказать все, что я хотел. Он слушал самым благо-

---

⁷⁴ На основании декрета от 5 августа 1810 г. колониальные продукты, ввезенные на нейтральных или на имеющих лицензию судах, могли продаваться «свободно» по оплате пошлины в размере 50 % их стоимости.

склонным образом все, что я ему говорил. Когда я касался какого-нибудь чувствительного пункта, он щипал меня за ухо и слегка трепал по затылку, в частности когда ему казалось, что я захожу чересчур далеко.

Я сказал ему, что он стремится если и не ко всемирной монархии, то во всяком случае к господству, которое означает более, чем «первый среди равных», и предоставило бы ему возможность требовать от других всего, не подвергая себя таким же лишениям и не оставляя за другими права жаловаться или хотя бы возражать; на время это может казаться выгодным для Франции, но в результате уже имеются, а в будущем еще больше разрастутся враждебные настроения, враждебные чувства, зависть, и рано или поздно это будет иметь роковые последствия для нас; в нашем веке нельзя навязывать народам такое положение. Император много смеялся над моей филантропией, как он это называл, и над выражением «первый среди равных». Он был в очень хорошем настроении, смеялся по всякому поводу, совершенно не сердился и делал слабые попытки доказать мне, что я ошибаюсь. У него был такой вид, как будто он говорил мне: «Вы правы, вы угадали верно, но не говорите об этом...».

Император лишь старался доказать мне, что он вел всегда только политические войны в интересах Франции, давая мне понять, что и проектируемая им война, на которую он, по его искренним уверениям, все еще не решился, будет политической войной более, чем всякая другая, и будет служить даже интересам всей Европы и т. д., и т. д.

Он прибавил, что Франция не может сохранить положение великой державы и добиться большого коммерческого процветания и влияния, принадлежащего ей по праву, если Англия сохранит свое влияние и по-прежнему будет узурпировать все права на море, – так называл он английские претензии.

Мы долго спорили по поводу этих вопросов, а также по поводу моего утверждения о том, что Франция уже сейчас слишком сильно территориально расширилась и все ее владения по ту сторону Рейна могут лишь быть поводом к войне и к серьезным затруднениям для его сына; его гений и его величие охватывают весь мир, но человеческий здравый смысл, то есть обыкновенный человеческий ум, как и разумные географические очертания государств, имеет свои пределы, которых не должны переступать мудрость и предусмотрительность.

Император шутил над моей умеренностью, или, вернее, высмеивал ее, но тем не менее размышлял над моими словами. По крайней мере я мог это предположить, так как не раз во время этой части разговора он становился задумчивым и молчаливым, как человек, на которого услышанная им правда произвела впечатление. Порою даже во всем его обхождении, в тоне его голоса проявлялось настроение человека, довольного той откровенностью, с которой с ним говорят и к которой так мало привыкли государи.

Император старался убедить меня, что мир с Англией – это крайняя цель его честолюбия и той страсти к войне, в которой его упрекают, но которая является лишь результатом предусмотрительной политики, и что он гораздо более умеренный человек, чем это думают. Я согласился, что он действительно заинтересован в том, чтобы принудить Англию к миру и пойти на те жертвы, которых может потребовать эта великая цель, но сделал оговорку, что, по-моему, ее можно достигнуть путем выдержки и сохранения мира на континенте; я вижу путь к этой цели в большей умеренности и в менее угрожающей позиции по отношению ко всем державам, тогда как император видит его лишь в абсолютном подчинении всех этих держав тем мерам, которых он требует. Чем труднее было императору меня убедить, тем больше искусства и настойчивости он прилагал для достижения этой цели. Судя по его стараниям, по блеску его аргументации и по форме его речи, можно было подумать, что я был державой, а он был чрезвычайно заинтересован в том, чтобы эту державу убедить.

Я часто наблюдал в нем это стремление и эту настойчивость. Я далек от того, чтобы отнести это на мой собственный счет. Он точно так же поступал со всеми, кого хотел убедить, а он всегда хотел этого.

Я говорю обо всех этих подробностях, потому что они рисуют его характер; вот моя единственная цель. Скажу еще, что эта настойчивость объяснялась, на мой взгляд, привычкой, слишком глубоко укоренившейся в нем благодаря его могуществу или благодаря действительному превосходству его гения и тому влиянию, которое давал ему этот гений, – привычкой внушать или навязывать другим свои взгляды. Не подлежит сомнению, что именно его успехам в этом отношении следует приписать любовь к свиданиям с другими монархами и привычку вести непосредственные переговоры о важнейших и деликатнейших делах с министрами и послами иностранных держав. Когда он хотел, то в его голосе и в манерах появлялось нечто убеждающее и соблазняющее, и это давало ему не меньше преимуществ над собеседником, чем превосходство и гибкость его ума. Когда он хотел, то не было более обаятельного человека, чем он, и, чтобы сопротивляться ему, нужно было испытать на деле, как это было со мной, все те политические ошибки, которые скрывались под покровом этого искусства. Хотя я держался настороже и даже в оборонительной позиции, но часто ему почти удавалось перетянуть меня на свою сторону, и я освобождался от его чар лишь потому, что, как все ограниченные и упрямые умы, оставался на избранной мною позиции, откликаясь только на свою идею, а отнюдь не на идею императора. Чтобы не поддаться добродушию, которое он порою подчеркнуто выказывал с целью внушить доверие, или исключительным по своей силе доводам и рассуждениям императора, которые, бесспорно, часто имели специальный характер, но всегда были чрезвычайно остроумны и изобиловали сравнениями, весьма искусно подкрепляющими его идею и прикрывающими его цель, для этого нужно было поступать так, как будто вы не понимаете того, что говорит император, и хорошенько внушить себе заранее: «Вот это справедливо, вот это хорошо, вот это служит интересам Франции, а следовательно, действительным интересам императора». Надо было замкнуться в соответствующие вашим взглядам рамки вопроса и не выходить из начертанного вами для себя круга, а в особенности не следовать за императором в его диверсиях, так как он никогда не упускал случая передвинуть вопрос в другую плоскость, если встречал оппозицию. Горе тому, кто допускал какие-либо отклонения, ибо искусный собеседник вел его тогда от уступки к уступке и приводил к своей цели, противопоставляя его доводам, если он пробовал защищаться, сделанную им первую уступку и извлекая из нее вывод, неотвратимо порождаемый ею, тот вывод, который вы хотели отвергнуть. Ни одна женщина не обладала таким искусством убеждать и добиваться согласия, как он, когда ему было нужно или он просто хотел уговорить кого-нибудь. Эти размышления напоминают мне одно крылатое словечко, которое он произнес в разговоре со мной по аналогичному поводу и которое лучше всякой другой фразы показывает, какую цену он придавал успеху:

– Когда мне кто-нибудь нужен, – сказал он мне, – то я не очень щепетильничаю и готов поцеловать его в...

Когда императору приходила в голову какая-нибудь мысль, которую он считал полезной, он сам создавал себе иллюзии. Он усваивал эту мысль, лелеял ее, проникался ею; он, так сказать, впитывал ее всеми своими порами. Можно ли упрекать его в том, что он старался внушить иллюзии другим? Если он пытался искушать вас, то он сам уже поддавался искушению раньше, чем вы. Ни у одного человека разум и суждение не обманывались до такой степени, не были в такой мере доступны ошибке, не являлись в такой мере жертвой собственного воображения и собственной страсти, как разум и суждения императора, когда речь шла о некоторых вопросах. Он не жалел ни трудов, ни забот, чтобы добиться своей цели, поступая так и в мелочах и в крупных вопросах. Он был всегда, так сказать, всецело поглощен своей идеей. Он сосредоточивал всегда все свои силы, все свои способности и все свое внимание на том, что делал, или на том вопросе, который обсуждал в данный момент. Он все делал со страстью. Отсюда его огромное преимущество над противниками, ибо лишь немногие бывают в тот или иной момент полностью поглощены одною-единственною мыс-

лью или одним-единственным действием. Да простят мне эти размышления... Возвращаюсь к моему разговору с императором.

Старания императора доказать мне, что все его войны имели политический характер, что его единственная цель – мир с Англией, что все его проекты ограничиваются пока рамками этой системы и этой цели, побудили меня снова заговорить о больших политических вопросах в связи с проектами войны, о которых я подозревал.

Казалось, император был слегка раздосадован, и он сказал мне, как это бывало всякий раз, когда затрагивали тему, которая ему не нравилась:

– Я не спрашиваю вашего мнения.

Однако он не оборвал разговора. Он еще раз подробно подверг обсуждению русские дела и перечислил все свои жалобы, как если бы он хотел аннулировать свои шаги по отношению к русскому правительству и найти способы объясниться и договориться с ним. Я вновь повторил его величеству, что для того, чтобы побудить императора Александра к новым коммерческим жертвам и убедить его обождать с удовлетворением принца Ольденбургского, на мой взгляд, нужно официальным образом обязаться восстановить прежнее положение на севере Германии при установлении всеобщего мира, а в данный момент нужно не выдавать лицензий и не делать того, что император Александр называет монополией правительства за счет подданных, если мы непременно желаем, чтобы он совершенно не допускал нейтральных.

Я напомнил, что именно лицензии на право захода в Англию, данные нашим судам, побудили Россию принимать нейтральных; император Александр хотел, чтобы мы подвергали себя тем же лишениям, что и других, и чтобы он мог быть спокоен насчет наших будущих планов.

Так как император, по-видимому, все еще желал, чтобы я повидал князя Куракина, то я сказал ему, что не стану помогать обманывать кого бы то ни было, а тем паче императора Александра, путем дипломатического шага, равносильного плутовству, так как я не имею больше полномочий на ведение деловых переговоров; все то, что сейчас готовится, будет несчастьем для Франции, предметом сожаления и причиной затруднений для императора, и не хочу впоследствии упрекать себя в том, что я этому содействовал. Император повернулся ко мне спиной, сухо ответив мне, что я ничего не понимаю в делах, и удалился.

Я продолжал жить уединенно и соблюдать величайшую сдержанность. Я не видался ни с кем из русских и избегал даже случайных встреч с князем Куракиным. Когда император снова беседовал со мной, незадолго перед своим отъездом, прошло уже больше месяца, как я не встречал никого из них. Император вновь говорил о нанесенных ему якобы обидах. На этот раз его разговоры показались мне как бы его манифестом. Император не мог больше скрывать свои планы отъезда, но он все еще старался убедить меня, что он никоим образом не хочет ни восстановления Польши, ни войны; он надеется, что можно будет объясниться и уладить дело, не прибегая к драке.

Спор между нами происходил в той же плоскости, что и раньше, и каждый из нас приводил те же самые доводы. Я добавил к ним свои соображения о неудобствах и даже об опасностях столь далекого похода, который в течение такого долгого времени мог задержать его вдали от Франции. Его всегда будут упрекать – говорил я – за то, что он подвергается такому риску и ставит на карту такое прекрасное и великое будущее, в то время когда он может осуществлять столь сильное и столь мощное влияние из своего кабинета в Тюильри. Я говорил о том впечатлении, которое произведет во Франции риск, угрожающий молодежи, принадлежащей, вопреки прежним примерам и примерам других стран, не только к низшим классам общества. Я указывал ему, что в связи с этим его уже упрекают за войну в Испании и опасно уезжать до того, как эта война будет окончена. Я подчеркивал, что именно там надо нанести удар прежде всего, если он настойчиво желает этой несчастной войны с Россией.

Я говорил ему о стране, о климате, о том преимуществе, которое получают русские, не принимая сражений и предоставив ему продвигаться и истощать свои силы в походах. Я напомнил ему слова императора Александра, которые я уже приводил. Вместе с тем я напомнил ему о лишениях и о недовольстве войск во время последней кампании в Польше. Он отвечал на все, что я сделался русским и ничего не понимаю в делах.

– Но, государь, если я ничего во всем этом не понимаю, – возразил я ему шутя, – то почему же ваше величество делает мне честь беседовать об этом со мной? Во всем этом я могу полагаться лишь на мою привязанность к своей стране и мою преданность вашей особе. Столь благородные чувства не могут вовлечь меня в ошибку и держать под ее властью так долго. Ваше величество не слишком балует тех, кто не разделяет взглядов вашего величества, чтобы заподозрить кого бы то ни было в том, что он ради развлечения противоречит вашему величеству. Моим друзьям и мне не слишком повезло для того, чтобы поощрить меня к этому. Очевидно, здесь – вопрос совести и убеждения. На ваше величество подействовали ложные донесения. Ваше величество обманывает себя и строит иллюзии, не учитывая опасностей принятого вами решения. Ваше величество думает, что идет к великой политической цели, а я считаю, что ваше величество ошибается.

Император с горячностью ответил мне, что именно русский император хочет воевать с ним; об этом ему сообщает Лористон; все русские войска передвигаются, даже войска, стоящие на границе с Турцией; любезности императора Александра ослепили меня, и он узнал о его враждебных намерениях лишь после того, как послал в Петербург другого посла; посол с каждой почтой доносит ему, что англичане открыто торгуют в Петербурге; там хотели даже похитить у адъютанта де Лонгрю депеши, которые послал с ним Лористон.

Император, очевидно, не знал, что я уже видел молодого де Лонгрю и был осведомлен об его приключении.

Этот молодой офицер ехал в качестве курьера в тяжелом закрытом экипаже, медленно продвигавшемся через пески, и поссорился с русским курьером, легкая почтовая кибитка которого обогнала его. Француз думал, что он имеет право, как и во Франции, запретить русскому обгонять его; русский, пользуясь своим правом правительственного курьера и преимуществами своей легкой повозки, продолжал торопить ямщика и без труда обогнал экипаж де Лонгрю, наполовину застрявший в грязи. Де Лонгрю, окончательно рассердившись, начал стрелять в русского из своих пистолетов, но русский не обратил внимания ни на эту пальбу, ни на угрозы. В Риге в это дело вмешался губернатор, который указал молодому французскому на его неподобающее поведение, и хотя разрешил огорошенному молодому человеку продолжить путь из уважения к его должности дипломатического курьера, но в то же время сделал доклад своему двору. Лористон до такой степени был недоволен поведением слишком пылкого адъютанта, что отчислил его. Вот что император изображал мне в виде нападения на одного из наших курьеров с целью похищения его депеш.

Во время разговора с императором я мог заметить, что он был более задумчив, чем обычно. Некоторые из моих рассуждений, как мне казалось, даже произвели на него большее впечатление, чем он хотел показать. Прибытие герцога Бассано, о котором было доложено, что он явился с депешами из Вены, прервало беседу, которую император, как мне казалось, хотел продолжить. Он отпустил меня и, занявшись разговором с другим, вновь, бесспорно, вступил на путь неотвратимо увлекавшего его рока.

Решение императора в этот период было уже принято, Австрия почти согласилась сделаться его пособником, а Пруссии оставалось лишь заставить нарезать розги для собственной порки.

Через несколько дней после моего последнего разговора с императором он отправил в дорогу часть своего двора. Лошади и экипажи были уже на пути в Дрезден, якобы для подготовки встречи с императором австрийским.

Следует напомнить события начиная с несколько более раннего момента, по крайней мере те, в которых я принимал участие или в которых меня принудили играть известную роль.

К концу зимы император стал лучше обращаться с Талейраном. Он даже несколько раз беседовал с ним. Однажды вечером он задержал его у себя до очень позднего времени, что весьма обеспокоило мадам Бассано, которая видела в Талейране преемника своего мужа. Император, которому было известно ее беспокойство, а также и беспокойство, возбужденное этим у его министра, рассказал ему о предложении, которое он несколько дней назад сделал Талейрану (отправиться в Варшаву для руководства польскими делами во время его похода и для наблюдения за Веной и Германией; Талейран принял это поручение). Император добавил (впоследствии он мне это подтвердил), что Талейран сослужил бы ему прекрасную службу в Польше и даже в Курляндии через посредство матери своей племянницы⁷⁵, если бы кампания имела успех, на который он надеялся.

Я считаю, что Талейран, который был очень рад возвратиться к делам, не говорил никому о проекте, доверенном ему императором в секретном порядке; но он открыл себе кредит на 60 тысяч франков в Вене, потому что, как он потом объяснял, не существует прямых банковских переводов из Парижа в Варшаву, а он не хотел испытывать задержек или затруднений сейчас же по приезде. Император, когда его первый гнев против Талейрана остыл, впоследствии в согласии с общественным мнением объяснял этот шаг желанием Талейрана тайно довести до сведений венской почты, что он возвращается к делам, но в первый момент, когда он через парижскую почту или через полицию узнал о поступке Талейрана, а вдобавок еще оказалось, что об этом назначении говорят в салонах, то сочетание светской болтовни с посылкой извещения в Вену привело его в бешенство против Талейрана, которому он приписывал эту нескромность.

Если бы не герцог Ровиго, Талейран был бы сослан, так как приказ об этом был отдан дважды.

Император рассказывал мне тогда об этой так называемой нескромности Талейрана, не слишком подробно говоря о своих проектах, относящихся к нему. Он говорил мне об истории открытия кредита в Вене и о распространившихся в Париже слухах, как об интриге Талейрана с целью придать себе вес, и сказал мне, что он его сошлет. Эта буря была умиротворена не без труда. Император прибавил затем:

– Талейран поступил безрассудно, покинув министерство, так как он продолжал бы вести дела до сих пор, а теперь его ничтожество убивает его. В глубине души он жалеет, что он больше не министр, и интригует, чтобы заработать деньги. Его окружение всегда нуждается в деньгах, как и он, и готово на все, чтобы добыть их. Он хотел внушить всем, что я не могу обойтись без него, а между тем мои дела шли не хуже с тех пор, как он в них больше не вмешивается. Он слишком скоро позабыл, что договоры, которые он подписывал, были продиктованы битвами, выигранными французами. Никто в Европе не обманывается на этот счет. Мне нравился ум Талейрана. У него есть понимание, он глубокий политик, гораздо лучший, чем Маре, но у него такая потребность в интригах и вокруг него вертится такая шваль, что это мне никогда не нравилось.

Я заступался за Талейрана. Я заметил императору, что желание возвратиться к делам, которое он ему приписывает, лучше всего доказывает, что Талейран не совершил той нескромности, в которой его упрекают; он не такой человек, чтобы даже ради соображений, связанных с семейными отношениями его племянницы, заранее хвастать поездкой в Варшаву, так как он слишком хорошо знает императора, чтобы быть нескромным, и слишком умен, чтобы его можно было заподозрить в том, что он сделал глупость или допустил бес-

---

⁷⁵ Наполеон имеет в виду герцогиню Курляндскую. См. ссылку 42.

цельную нескромность. Я добавил, что тут есть, наверное, какая-то интрига, которой император не знает, и что он разберется в ней, если вызовет Талейрана.

– Я не хочу его видеть, – сказал император, – я дам приказ об изгнании его из Парижа. А вам я запрещаю посещать его и говорить ему об этом.

Император спросил меня затем, кем бы можно было его заменить. Так как я не указал никого, то он сам назвал несколько человек и в том числе аббата де Прадта⁷⁶.

Необходимо рассказать, как в действительности обстояло дело, ибо именно этот случай довел Талейрана до крайности, быть может, с некоторым основанием.

Бассано, которому император сообщил о своих видах на Талейрана, не скрывал от себя, что ум и деловые методы Талейрана очень нравятся императору; он не сомневался в том, что не пройдет и трех месяцев, как Талейран будет возвращен на свой прежний пост, если только ему удастся вновь приобрести хотя бы малейшее влияние. Удрученный этими мыслями, он, вернувшись домой, рассказал обо всем своей жене. Она не стала терять времени и попросила одного из общих знакомых разболтать сведения о миссии Талейрана, полученные якобы от близких к нему лиц.

Настроение императора по отношению к Талейрану давало легкую возможность погубить его. Камергер императора Рамбюто пустил сплетню в ход. Император, осведомленный своей полицией о салонных слухах, пришел в бешенство против князя. А новость о кредите в Вене, сообщенная секретным отделом почты, показалась императору лишним доказательством нескромности Талейрана и окончательно его разозлила. Бассано торжествовал, а Талейран, который, можно сказать, лишь чудом избежал ссылки, оказался в большей немилости, чем когда-либо.

Все хорошо знали, что император руководится своими первыми впечатлениями, и если бы Талейрану даже удалось оправдаться, император, раз произнес свое суждение, не скоро откажется от него. А через несколько дней предстоял уже отъезд императора. Таким образом достигалось то, чего хотели. Не довольствуясь этим успехом, в салоне герцога Бассано изобразили Талейрана на сцене. Остряки из будуара прекрасной герцогини старались высмеять его так называемую любовь к миру. На сцене ставили живые карикатуры, и я также имел честь быть изображенным в одной из наиболее веселых. Меня изобразили в виде некоего автомата, манекена, который хромой волшебник заставляет повторять по всякому поводу:

«Мир дает счастье народам».

Интимных завсегдатаев салона министра иностранных дел в течение нескольких дней угощали этими фарсами, которые были прекращены лишь потому, что общественное мнение было настроено не в пользу шутников из этого салона, и потому, что до императора также дошли кое-какие сведения о них через полицию. Именно эта интрига была причиной того, что Талейран перестал стесняться; она же привела к тому, что выбор окончательно остановился на де Прадте, и так как этот выбор не остался без влияния на наши дела, то я и счел необходимым разъяснить все эти подробности.

Император покинул Париж 9 мая, приехал 11-го в Майнц и провел там два дня. Однажды вечером он вызвал меня и долго разговаривал со мной на ту же тему, что и раньше. Как и в Париже, он все еще с особенным старанием пытался убедить меня, что не хочет войны, что напрасно бьют тревогу и что все уладится. Я давал такие же ответы, как и раньше, а император без гнева слушал рассуждения, которые больше всего могли вызвать его недовольство. Ему недостаточно было могущества власти и могущества силы. Он хотел еще обладать могуществом убеждения.

Поговорив о России, он, по обыкновению, вновь повторил, «что не хочет войны, что можно прийти к соглашению и договориться, если император Александр желает этого».

---

⁷⁶ Аббат де Прадт (1759–1837) – архиепископ Малинский, был назначен послом в Варшаву 24 мая 1812 г.

Потом он начал разговор о турках и о шведах. Он очень жаловался на герцога Бассано. Он обвинял его в отсутствии предусмотрительности. Он говорил, что ему не служат и министерство иностранных дел действует лишь постольку, поскольку он сам его толкает; Бассано не думает ни о чем; нужно, чтобы все исходило от него самого; еще три месяца назад Швеция должна была бы мобилизоваться, чтобы воспользоваться случаем отвоевать обратно Финляндию; турки должны были бы держать 200 тысяч человек на Дунае; всякий другой на месте Бассано заставил бы их развернуть знамя Магомета еще два месяца назад, и в настоящий момент из-за этой ошибки Бассано император лишен своевременной помощи с их стороны; Бассано будет нести за это ответственность перед Францией; в настоящем случае его министр иностранных дел должен был бы осуществить половину всей задачи похода, а между тем он еле-еле подумал об этом, да и то потому, что император распек его.

Император был, по-видимому, в очень плохом настроении и очень недоволен герцогом. Я возразил ему, что у нас не привыкли действовать без его приказаний и он не одобрил бы таких действий; так как еще и в настоящий момент он повторяет, что не хочет войны, то шведское и турецкое правительства могли бы бояться скомпрометировать себя, забегая слишком вперед; его министр, очевидно, не осмелился действовать слишком откровенно из страха преждевременно разоблачить проекты, которые он все еще продолжает отрицать; наконец, для наследного принца шведского⁷⁷ ставка в этой игре слишком высока, и поэтому из личных интересов он должен быть чрезвычайно осторожным. Я заметил еще императору, что мир между Россией и турками уже давно зависит лишь от петербургского правительства; я убежден, что Россия подписала бы его, если бы захотела, и она сделает это, когда захочет, а так как еще нет сведений о том, что она это сделала, то – вопреки всему, что ему могли доносить, – я вновь повторяю, что император Александр не хочет воевать с ним и, может быть, даже все еще сомневается насчет того, окончательно ли решил император Наполеон начать враждебные действия. – Эти соображения, – прибавил я, – не могли ускользнуть от вашего величества. Они неопровержимо доказывают, что проекты императора Александра являются оборонительными и никогда не были наступательными, так как если бы он хотел войны, то он не преминул бы начать с заключения мира с турками, хотя бы для того, чтобы иметь возможность свободно располагать своими войсками.

В течение нескольких минут император хранил молчание как человек, который размышляет и находит мои рассуждения справедливыми. А затем он с горячностью сказал мне, что уверен в турках, что они, быть может, и не произведут мощной диверсии, но наверное не подпишут мира, турки вполне в курсе того, что готовится, и как бы ни были они неискусны в политике, они отнюдь не слепы, когда речь идет о вопросах такого огромного значения для них; кроме того, не было недостатка и в соответствующих внушениях.

– Что касается Бернадота, то он вполне способен забыть, что он француз по рождению, но шведы – люди слишком энергичные и неглупые, чтобы упустить этот случай отомстить за обиды, наносившиеся им со времен Петра Великого.

Император несколько раз возвращался к вопросу о том, чего он ждет от турок.

– Андреосси их разбудит, – сказал он, – его прибытие произведет большую сенсацию⁷⁸.

---

⁷⁷ Т. е. Бернадота. Шарль Бернадот (1764–1844) – наполеоновский маршал, в 1810 г. был усыновлен шведским королем и в 1818 г. вступил на шведский престол под именем Карла XIV.

⁷⁸ Генерал Антуан Франсуа, граф Андреосси, был назначен французским послом в Турцию в апреле 1812 г. Наполеон притворился недовольным тем, что отправка графа Андреосси в Константинополь задерживается, так как не хотел преждевременно разоблачить свои намерения перед русским двором; поэтому он распорядился о выполнении последних формальностей для Андреосси лишь в момент своего собственного отъезда, причем предписал Андреосси остановиться в Лайбахе, куда сам приехал 8 июня. Император считал, что он дал намек Порте и достаточно показал ей свои намерения в той статье договора с Австрией, которая касалась Турции. Русско-турецкий мирный договор был подписан 28 мая 1812 г. в Бухаресте. (См. примеч. 136). Россия ратифицировала его 23 июня, а Порта – только 14 июля. Андреосси получил распоряжение продолжать путь только в конце июня. Он спешил, но не мог приехать в Константинополь раньше 25 июля. Русский кабинет

Я возразил ему, что Андреосси только сейчас отправился в путь.

– Это ошибка Маре, – сказал он, – не могу же я делать все.

Он снова повторил то, что говорил мне о герцоге Бассано, добавив, что герцог будет отвечать перед Францией за все то зло, которое может явиться результатом его непредусмотрительности.

В Дрезден приехали через Бамберг, чтобы избежать, как говорили, встречи с мелкими германскими владетельными особами. В действительности император хотел избежать посещения Веймара⁷⁹. Он продолжал повторять – и двор повторял вслед за ним, – что войны не начнут. Распространяли слухи о предстоящем свидании с императором Александром, а чтобы сделать эти слухи правдоподобными, указывали на миссию де Нарбонна, который был послан к Александру.

Приехали в Дрезден 16-го. Ночевали 13-го в Вюрцбурге, 14-го – в Байрейте и 15-го – в Плауэне. Император и все лица, принадлежавшие к правительственным кругам, старались придать нашему поведению, нашим намерениям и нашим демаршам оттенок умеренности, который внешним образом говорил бы в нашу пользу и мог бы произвести впечатление на Австрию. С этой целью особые заботы прилагались к тому, чтобы показать свою умеренность и уступчивость; таким путем старались внушить ложное чувство безопасности и усыпить тех, на кого собирались напасть.

Император путешествовал с императрицей. Всю страну заставили работать в течение шести недель, чтобы починить ту дорогу, по которой мы ехали. Саксонская королевская чета выехала навстречу их величествам в Плауэн. Въезд в Дрезден совершился при свете факелов. Австрийский двор прибыл туда через два дня. Не принимая никакого участия в делах, я не был осведомлен достаточно определенным образом о том, что происходило при этом свидании, и не могу поэтому говорить о нем со всеми подробностями.

Император пустил в ход все средства, чтобы обойти Меттерниха⁸⁰, в частности он хотел создать слух о своей умеренности и о своем желании получить через де Нарбонна те объяснения, в которых русский император отказал Австрии, дабы примирить всех, не прибегая к враждебным действиям. Император тогда в первый и, пожалуй, в последний раз – отзывался очень хорошо о Меттернихе. Я жил очень замкнуто и тщательно избегал всяких разговоров о делах, так как я не мог вести эти разговоры в желательном для императора духе. Я встречался с австрийцами только на вечерах. Как и все придворные сановники, я имел честь обедать с их величествами. После обеда австрийский император обходил обычно салон и разговаривал с каждым из присутствующих по несколько секунд. Однажды до меня дошла очередь, когда я стоял в амбразуре окна с герцогом Истрийским⁸¹. Император Франц заговорил об императоре Александре и сказал мне: «Этот государь напрасно не дал объяснений; таким путем можно было бы избежать разрыва. Я сделал все, что мог, чтобы объясниться по поводу существующих разногласий, но русские не захотели. Судя по тому, что мне сказал император Наполеон, он готов прийти к соглашению и даже склоняется к тому, чтобы примирить все разногласия. На предложение венского правительства о посредничестве Россия не ответила, точно так же, как она не ответила Франции. Это молчание производит дурное впечатление; из него можно сделать вывод, что в Петербурге склонны подвергнуться всем

стал действовать решительно: 20 июля он заключил в Великих Луках оборонительный и наступательный союзный договор с испанскими кортесами, которые возглавили восстание испанского народа против французской оккупации.

⁷⁹ Великий герцог Саксен-Веймарский был шурином Александра.

⁸⁰ Меттерних Климентий Венцеслав (1773–1859) – князь, крупнейший австрийский дипломат. С 1809 г. стоял бессменно в течение 38 лет во главе министерства иностранных дел. Канцлер. Играл большую роль в переговорах коалиции с Наполеоном в 1813–1814 гг. Душа «Священного союза» и один из столпов европейской реакции после Венского конгресса. После революции 1848 г. принужден был бежать в Англию. После возвращения в Австрию не играл политической роли.

⁸¹ Бессьер, герцог Истрийский (1768–1813) – маршал Франции, убит в сражении при Люцене.

опасностям войны и даже хотят ее. Именно таким путем государства вовлекаются в войну, тогда как ее можно было бы избежать». Он добавил, что я «должен хорошо знать императора Александра, которого характеризовали ему как нерешительного, подозрительного и поддающегося влияниям государя; между тем в вопросах, которые могут повлечь за собою такие огромные последствия, надо полагаться только на себя и в особенности не приступать к войне прежде, чем будут исчерпаны все средства сохранения мира». В Дрезден приехал де Нарбонн⁸², который был послан в Вильно к императору Александру. Император поручил ему посетить Меттерниха, а также рассказать австрийскому императору то, что ему следовало знать о поездке де Нарбонна.

Император считал, что роль, которую играл де Нарбонн в его браке с эрцгерцогиней Марией-Луизой, его репутация умного человека и его связи с князем Шварценбергом⁸³ обеспечивают ему благосклонность австрийского двора, и он нарочно выбрал его для этой миссии, думая, что все, что скажет де Нарбонн, произведет большое впечатление на его тестя. Де Нарбонн посетил меня и рассказал о том, что говорил ему император Александр и что он заметил сам. По его словам, он добросовестно доложил это императору Наполеону, который поручил ему частично повторить свой рассказ австрийскому императору и Меттерниху.

Я передаю рассказ де Нарбонна почти его собственными словами, потому что немедленно записал его; так как он много раз повторял мне свой рассказ, то я мог проверить точность моих записей. Император Александр принял его хорошо. Он встретил хороший прием у всех. В Петербурге занимали позицию, подобающую данному случаю: достойную и без чванства. Он присутствовал на двух смотрах. Войска, как ему показалось, находятся в прекрасном состоянии. Румянцева не было в Петербурге во время его приезда. Император Александр с самого начала откровенно сказал ему: – Я не обнажу шпаги первым. Я не хочу, чтобы Европа возлагала на меня ответственность за кровь, которая прольется в эту войну. В течение 18 месяцев мне угрожают. Французские войска находятся на моих границах в 300 лье от своей страны. Я нахожусь пока у себя. Укрепляют и вооружают крепости, которые почти соприкасаются с моими границами; отправляют войска; подстрекают поляков; поднимают крик и жалуются, что я принимаю нейтральных, что я допускаю американцев; в то же время император продает лицензии во Франции и принимает суда, которые пользуются лицензиями, чтобы грузиться в Англии. Император обогащает свою казну и разоряет отдельных несчастных подданных. Я заявил, что принципиально не хочу действовать таким же образом. Я не хочу таскать деньги из кармана моих подданных, чтобы переложить их в свой карман. Император Наполеон и его агенты утверждают, что я покровительствую англичанам, что я не стремлюсь выполнять правила континентальной системы. Если бы это было так, то разве мы конфисковали бы 60 или 80 судов за нарушение этой системы? Что же вы думаете, что англичане не стучались в мою дверь на всяческий лад? У меня было бы здесь вдесятеро больше английских агентов, если бы я только захотел; но я до сих пор ничего не хотел слышать. 300 тысяч французов готовятся перейти мои границы, а я все еще соблюдаю союз и храню верность всем принятым на себя обязательствам. Когда я переменю курс, я сделаю это открыто. Спросите у Коленкура, что я говорил ему, после того как император Наполеон отклонился от линии союза, и что я сказал ему, когда он уезжал. Он честный человек, не способный лицемерить. Таким я был тогда, таким я остаюсь и сейчас, что бы ни делал с тех пор император Наполеон для того, чтобы порвать все добрые отношения. Он только что призвал Австрию, Пруссию и всю Европу к оружию против России, а я все еще верен союзу, – до такой степени мой рассудок отказывается верить, что он хочет принести реальные выгоды в

⁸² Нарбонн Луи (1755–1813) – граф, бывший министр Людовика XVI, генерал-адъютант Наполеона.

⁸³ Шварценберг Карл Филипп (1771–1820) – князь, австрийский фельдмаршал. Командовал австрийским вспомогательным корпусом в 1812 г. Как главнокомандующий коалиции против Наполеона в 1813–1814 гг. действовал вяло и нерешительно; занял Париж после капитуляции Мармона. Видный представитель австрийской придворной камарильи.

жертву шансам этой войны. Я не строю себе иллюзий. Я слишком высоко ставлю его военные таланты, чтобы не учитывать всего того риска, которому может нас подвергнуть жребий войны; но если и сделал все для сохранения почетного мира и политической системы, которая может привести ко всеобщему миру, то я не сделаю ничего, несовместимого с честью той нации, которой я правлю. Русский народ не из тех, которые отступают перед опасностью. Если на моих границах соберутся все штыки Европы, то они не заставят меня заговорить другим языком. Если я был терпеливым и сдержанным, то не вследствие слабости, а потому, что долг государя не слушать голоса недовольства и иметь в виду только спокойствие и интересы своего народа, когда речь идет о таких крупных вопросах и когда он надеется избежать борьбы, которая может стоить стольких жертв. Может ли император Наполеон добросовестно требовать объяснений, когда именно он во время полного мира захватил весь север Германии и именно он нарушил обязательства союза и принципы своей собственной континентальной системы? Не он ли должен объяснять свои мотивы? Я передал через князя Куракина откровенную ноту⁸⁴. Мои обиды известны всей Европе. Желать внушить веру в существование тайных обид – значит насмеяться над всем миром. Я все еще готов договориться обо всем в целях сохранения мира, но нужно, чтобы это было сделано письменно и в той форме, которая установит, на чьей стороне добросовестность и справедливость.

Император Александр сказал де Нарбонну, что в настоящий момент он не принял еще на себя никакого обязательства, противоречащего союзу, что он уверен в своей правоте и в справедливости своего дела и будет защищаться, если на него нападут. В заключение он раскрыл перед ним карту России и сказал, указывая на далекие окраины:

– Если император Наполеон решился на войну и судьба не будет благосклонной к нашему справедливому делу, то ему придется идти до самого конца, чтобы добиваться мира.

Потом он еще раз повторил, что он не обнажит шпаги первым, но зато последним вложит ее в ножны.

Де Нарбонн сказал мне еще, что император Александр говорил с ним в этом духе всякий раз без возбуждения и без раздражения; даже лично об императоре Наполеоне во время своего пребывания в Вильно он говорил без горечи; обо мне он говорил ему с большим уважением и благосклонно. Как мне казалось, де Нарбонн был очень доволен всем, что ему сказал государь, и был убежден в правдивости всего того, что он подчеркивал. Он добавил, что император Наполеон был по-видимому, поражен его докладом, хотя по-прежнему распространялся о так называемом лицемерии императора Александра и по-прежнему перечислял свои обиды против него.

В Дрезден приехали король и кронпринц прусские, которых император хотел принять здесь, чтобы скрепить в глазах публики нечто вроде примирения, гарантирующего ему к тому же добросовестное и искреннее сотрудничество прусского корпуса. Некоторые думали, что император не очень хорошо будет обращаться с королем, так как он не любил его и всегда говорил о нем: «Он фельдфебель и дурак». Но император распределял свою благосклонность сообразно своим интересам, а в данный момент он был реально заинтересован в том, чтобы убедить прусского короля, что он искренне включает его в рамки французской политической системы и ничего больше не замышляет против него. Король и кронпринц уехали из Дрездена очень довольные оказанным им приемом.

---

⁸⁴ Речь идет о декларации, которую князь Куракин передал французскому правительству 30 апреля; в ней министр иностранных дел Румянцев подчеркивал правоту России и указывал, что требовать от русского правительства объяснений было бы насмешкой.

ГЛАВА III На Москву

Отъезд из Дрездена. – Данциг. – Неаполитанский король. – Переход через Неман. – Разговоры с императором: его мысли о новой кампании. – Ковно. Вильно. – Балашев. – Бурная сцена с императором. – Витебск. – Раздражение императора. – Смоленск. – Валутинская гора. – Москва. – На подступах к Москве.

Император выехал из Дрездена 29 мая; императрица была в Праге, где она хотела провести некоторое время с австрийским двором. Император Наполеон остановился в Глогау только на одну ночь. До 1 июня он оставался в Позене, от 2 до 6-го – в Торне, от 7 до 10-го – в Данциге, 11-го – в Мариенбурге, от 12 до 16-го – в Кенигсберге, 17-го – в Инстербурге, от 18 до 21-го – в Гумбиннене, 21-го – в Вильковишках, 22-го – в Новогрудках, 23-го – в палатке на берегу Немана.

Остановлюсь на пребывании императора в Данциге, так как там была крупная база войскового снабжения, – тот пункт, где в течение двух лет все организовывалось и готовилось, пункт, которому император уделял наибольшее внимание, так как эта надежная крепость должна была снабжать его всем необходимым. Неаполитанский король⁸⁵, которому не было разрешено приехать в Дрезден – якобы из внимания к австрийскому императору, – ожидал там императора Наполеона; Наполеон, считая, что Италия все еще была предана его тестю, не хотел портить ему радость встречи со своей дочерью видом государя, который вызовет у него тягостные воспоминания. На самом деле этот мотив был только деликатным предлогом, и император, как он говорил это в частных беседах, просто не хотел, чтобы между Мюратом и австрийцами завязались связи, слишком тесно завязанные уже королевой и Меттернихом⁸⁶. «Если австрийский император, – говорил он, – отнесется к нему хорошо, то у Мюрата закружится голова, и он наверняка наговорит много глупостей и т. п.»

Отношения между императором и Неаполитанским королем были более чем холодные, и отказ в разрешении приехать в Дрезден мог лишь усилить недовольство Мюрата. Император справедливо упрекал его в том, что он часто нарушал континентальную систему на побережье Неаполитанского королевства, и метал по этому поводу громы и молнии и в письмах и на словах. Но так как он нуждался теперь в короле для своего похода, то надо было поправить отношения. Король был обижен, но он был человеком слабохарактерным. Он любил императора, который знал свою власть над ним. При первом же разговоре была восстановлена полная гармония, хотя император всего лишь утром повторял то, что он говорил перед выездом из Парижа, а именно, будто король забыл, что он француз по рождению и что император сделал его королем. Со своей стороны, король громко жаловался на то, что он является государем только по имени и должен жертвовать тем, что считает интересами своих народов, ради того, что император называет интересами континента и Франции (когда императору были доложены эти выражения короля, они рассердили его еще больше, чем контрабанда).

Первыми словами, с которыми император Наполеон обратился к губернатору Данцига генералу Раппу, были:

– Что делают ваши купцы со своими деньгами? Начинается вой на. Я теперь займусь ими.

---

⁸⁵ Т. е. маршал Мюрат.

⁸⁶ Коленкур намекает на интимные отношения между Меттернихом и женой Мюрата Каролиной Бонапарт (сестрой Наполеона).

Во время послеобеденного разговора он сказал Раппу, Неаполитанскому королю и еще нескольким другим лицам, что пруссаки и даже австрийцы действуют с нами заодно, что Александр не ожидал этого и очень озадачен; в конце концов он сам этого хотел, а если он все же не хочет войны во что бы то ни стало, то он еще может ее избежать; это выяснится через несколько дней. Легко догадаться, что это говорилось для того, чтобы политические слухи разнесли повсюду слова императора. А его действительная воля была выражена в первых словах, с которыми он при мне и нескольких других лицах обратился к Раппу.

Вечером и на следующий день император очень жаловался мне на Неаполитанского короля, говоря, что он более не француз и забыл все то, чем он обязан своей родине и своему благодетелю. Король, со своей стороны, жаловался Бертье⁸⁷, Дюроку и мне на то, что император сделал из него всего лишь вице-короля и орудие для того, чтобы выжимать соки из его народа, и т. д., и т. д. При приеме местных гражданских властей, которые жаловались на чрезмерные налоги, император сказал им, что он сохранит Данциг за собой и присоединит его к великой империи, думая, что он этим их утешит, или, скорее, для того, чтобы его слова были повторены в Берлине и в Петербурге.

Император на людях встретил короля довольно хорошо, но затем, отведя его в сторону – бесспорно для того, чтобы помешать ему жаловаться, – начал его бранить и сердиться. Он жаловался на его неблагодарность и под конец «разыграл сцену гнева и чувствительности, так как, – сказал мне император, – с этим итальянским Панталоне⁸⁸ приходится пускать в ход такие средства. У него доброе сердце; в глубине души он любит меня больше, чем своих лаццарони. Когда он меня видит, он мой, но вдали от меня он, как все бесхарактерные люди, поддается тому, кто ему льстит и подлаживается к нему. Если бы он приехал в Дрезден, то его тщеславие и его личные интересы заставили бы его сделать миллион глупостей, чтобы подделаться к австрийцам. Его жена честолюбива и вбила ему в голову тысячу безумных затей: он хочет владеть всей Италией. Это – его мечта, из-за которой у него нет желания сделаться польским королем. Я посажу туда Жерома⁸⁹, создам ему прекрасное королевство, но нужно, чтобы он сделал что-нибудь, так как поляки любят славу. А Жером любит только роскошь, женщин, парады и празднества. Мои братья не помогают мне. Они заимствовали от царствующих династий только глупое тщеславие и не отличаются никакими талантами, не обладают ни малейшей энергией.

Мне приходится править за них. Не будь меня, они разорили бы бедных вестфальцев, чтобы обогатить своих фаворитов и любовниц, чтобы давать празднества и строить дворцы. Мои братья думают только о себе. А между тем я показываю им хороший пример. Я народный монарх, так как я трачу деньги лишь на поощрение искусств, на то, чтобы оставить после себя славное и полезное для нации наследство. Никто не скажет, что я одаряю фаворитов и любовниц. Я вознаграждаю оказанные родине услуги, и больше ничего».

В Торне мы нагнали обоз и главную квартиру; на следующий день после прибытия все это, а также и гвардия, было направлено в Инстербург. Император нагнал гвардию в Инстербурге и следовал за нею в направлении на Ковно по линии Тумбиннен – Сталлупенен – Вильковишки, а затем по лесной дороге, оставляя Мариамполь направо. Войска, охранявшие путь, были великолепны и приветствовали императора с неподдельным энтузиазмом. Войска 1-го корпуса особенно выделялись своей прекрасной выправкой и обученностью. Взятые из хороших гарнизонов и побывавшие в руках полководца, который долго занимался

⁸⁷ Бертье, князь Невшательский (1753–1815) – начальник штаба наполеоновской армии, маршал, точный и неутомимый исполнитель предписаний Наполеона.

⁸⁸ Панталоне – персонаж итальянской комедии масок.

⁸⁹ Жером Бонапарт (1784–1860) – младший брат Наполеона I. После Тильзитского мира до 1813 г. – король Вестфалии.

ими, они могли соперничать с гвардией. Вся эта молодежь была полна здоровья и пыла. Солдаты 1-го корпуса имели в ранцах продовольствие на две недели.

Князь Экмюльский⁹⁰, который находился уже на берегах Немана, построил там пекарни, где заготавливали хлеб по мере прибытия корпусов. К авангарду были прикомандированы печники.

Император прибыл в штаб князя, находившийся в расстоянии одного лье от Немана и Ковно⁹¹. Время близилось к рассвету. Он немедленно приказал произвести рекогносцировку на берегах реки и во всех окрестностях. Возвратился он только вечером, в течение двух часов отдавал приказы и снова сел на лошадь, чтобы при свете луны подробнее обследовать берег реки и определить место переправы. Все без исключения должны были оставаться на некотором расстоянии отсюда, чтобы не привлекать внимания русских конных дозоров, которые могли находиться на другом берегу. Император объехал берег в сопровождении саперного генерала Аксо. Утром ему пришлось накинуть на себя шинель одного из польских солдат, чтобы не привлекать внимания.

По окончании рекогносцировки он подъехал к группе чинов штаба, чтобы снова обсудить вопрос о различных пунктах, где войска могли бы занять позиции. Когда император скакал галопом по полю, из-под ног его лошади выпрыгнул заяц, и она слегка отскочила вбок. Император, который очень плохо ездил верхом, упал наземь, но поднялся с такой быстротой, что был на ногах прежде, чем я подоспел, чтобы его поднять. Он вновь сел на лошадь, не произнеся ни слова. Почва была очень рыхлая, и он лишь слегка ушиб нижнюю часть бедра. Я тогда же подумал, что это – дурное предзнаменование, и я, конечно, был не единственным, так как князь Невшательский тотчас же коснулся моей руки и сказал:

– Мы сделали бы гораздо лучше, если бы не переходили через Неман. Это падение – дурное предзнаменование.

Император, который в первые моменты хранил глубокое молчание и, очевидно, предавался не более веселым мыслям, чем мы, начал затем нарочно шутить по поводу своего падения с князем Невшательским и со мною, но вопреки его стараниям можно было заметить его дурное настроение и мрачные мысли. При других обстоятельствах он жаловался бы на лошадь, сделавшую глупый скачок, и на обер-шталмейстера. Но на сей раз он старался выказать хорошее настроение и делал все, что мог, чтобы рассеять те мысли, которые – он чувствовал – могли прийти в голову каждому из нас, так как вопреки самим себе люди бывают суеверными при таких решающих обстоятельствах и накануне таких великих событий. Каждый думал об этом падении, и на лицах некоторых чинов штаба можно было прочесть, что римляне, верившие в предзнаменования, не перешли бы через Неман. Император, который обычно был таким веселым и таким оживленным в те моменты, когда его войска осуществляли какие-либо крупные операции, был в течение всего дня очень серьезным и очень озабоченным.

О том, что делается на другом берегу реки, не было никаких сведений: связь была прервана уже в течение нескольких дней.

Князь Экмюльский, генеральный штаб и все остальные жаловались на то, что не удалось до сих пор получить никаких сведений и ни один разведчик еще не вернулся с того берега. Там, на другом берегу, видны были лишь несколько казачьих патрулей. Император произвел днем смотр войск и еще раз занялся рекогносцировкой окрестностей. Корпуса нашего правого фланга знали о передвижениях неприятеля не больше нашего. О позиции русских не было никаких сведений. Все жаловались на то, что ни один из шпионов не возвращается, что очень раздражало императора. Лишь из Мариамполя поступили сведения о

---

⁹⁰ Т. е. Даву.

⁹¹ Наполеон прибыл в штаб командования в ночь с 22 на 23 июня 1812 г.

том, что русская армия отступает и перед нами находятся только казаки. Император решил, что русские сосредоточиваются в Троках, чтобы защищать Вильно.

После обеда император вызвал меня и спросил, как это он упал с лошади; по его словам, он не очень ушибся и поднялся с такой быстротой, что думал, так как дело было ночью, – что никто не заметил происшествия. Он спросил, говорят ли об этом происшествии в ставке. Затем он снова стал задавать мне различные вопросы, касающиеся России: об образе жизни жителей, о запасах, имеющихся в городах и деревнях, о состоянии дорог. Он спросил меня, отличаются ли русские крестьяне энергией, способны ли они взяться за оружие, как испанцы, и организовать партизанские отряды, а также думаю ли я, что русская армия отступила и сдаст ему Вильно без боя. По-видимому, он очень хотел сражения. Он приводил ряд аргументов, чтобы доказать мне, что русская армия вопреки сообщениям из Мариамполя не могла отступить и тем самым сдать столицу Литвы, а следовательно, и русскую Польшу без боя: она не могла этого сделать хотя бы потому, чтобы не обесчестить себя в глазах поляков. Он добивался, чтобы я высказал свое мнение об этом отступлении.

Я ответил ему, что не верю в правильные сражения и думаю, как я ему всегда говорил, что у русских не так уж мало территории, чтобы они не могли уступить ему порядочный кусок хотя бы для того, чтобы удалить его на большее расстояние от Франции и принудить его раздробить свои силы.

– Но в таком случае, – с живостью возразил император, – я получаю Польшу, а Александр в глазах поляков бесповоротно опозорит себя тем, что отдает ее без боя. Уступить мне Вильно – значит потерять Польшу.

Он много говорил об этой оккупации, о развертывании его сил и их быстрых передвижениях и пришел к выводу, что русские корпуса не могут спасти свой обоз и свою артиллерию. Он думал даже, что многие из них придут в расстройство и не смогут уйти от его быстрого наступления. Он подсчитывал, сколько часов понадобится ему, чтобы дойти до Вильно, и забрасывал меня вопросами, как будто я ездил по этой дороге и как будто вопрос заключался в том, чтобы доехать туда на почтовых.

– Меньше чем через два месяца, – сказал император, – Россия запросит мира. Крупные помещики будут перепуганы, а многие из них разорены. Император Александр будет в большом затруднении, так как русским, по существу, весьма мало дела до поляков и они вовсе не хотят терпеть разорение из-за Польши.

Чтобы не встречать противоречий с моей стороны, император быстро задавал вопросы и столь же быстро сам давал желательные для него ответы на них, делая все время вид, что он торопит меня с ответом, и ежеминутно спрашивал меня, неужели я не разделяю его мнения, но не давал мне вставить ни слова. Когда он кончил говорить, я молчал, и это его рассердило. Он хотел получить ответ, который подтверждал бы его взгляды. Я сказал ему, что могу лишь напомнить то, что говорил мне император Александр, а именно, «что он воздаст должное великим военным талантам императора и будет избегать до пределов возможного мериться силами с ним в открытом бою; если русские будут побиты, то они возьмут пример с испанцев, которые часто бывали разбиты, но не были, однако, ни побеждены, ни покорены; недостаток выдержки погубил другие государства; он не будет стрелять первым, но он скорее отступит до Камчатки, чем уступит свои губернии или будет приносить жертвы, которые не приведут ни к чему, кроме передышки». Император выслушал меня и отпустил, ничего не ответив.

Ночью дивизия Морана перешла через Неман⁹². За нею последовали другие, так как понтонные парки заранее были стянуты к реке. Операция была выполнена в несколько часов без всяких помех даже со стороны казаков, которые в небольшом числе находились на дру-

---

⁹² Переход через Неман состоялся в ночь с 23 на 24 июня.

гом берегу и стали отвечать на ружейные выстрелы, направленные против них, лишь тогда, когда наши части вступили в первую деревню по ту сторону Немана, находившуюся в некотором расстоянии от реки.

Император переправился через реку утром⁹³, как только первая дивизия заняла позицию на другом берегу, и, казалось, был очень удивлен, узнав, что русская армия, стоявшая под Вильно, отступила уже три дня тому назад. Нужно было показать ему целый ряд донесений и представить ряд приехавших оттуда лиц, чтобы он поверил этому сообщению. Он следовал за авангардом больше двух лье, ускорил движение всей армии, расспрашивал всех местных жителей, которых можно было встретить, но не извлек из расспросов никаких определенных сведений. По всем направлениям в поисках сведений были разосланы поляки.

Император возвратился в Ковно, посетил город и его окрестности, а потом до вечера был занят организацией спешной переправы нескольких пловцов через Вилию и наводкой моста для перехода армейского корпуса, который должен был оперировать на другом берегу. Через реку во главе 200 добровольно вызвавшихся пловцов переправился де Геенэк⁹⁴. Он оставил свой полк легкой пехоты и кинулся в полном снаряжении в реку, чтобы спасти одного улана, которого увлекло течение. Император нашел, что этот поступок заслуживал бы всяческой похвалы, если бы был совершен обыкновенным человеком, но отнюдь не подобал командиру полка перед лицом неприятеля. Он сказал это де Геенэку.

Ночевал император в русском монастыре, расположенном в четверти лье от Ковно. Он оставался там до 26-го, чтобы сделать все распоряжения и ускорить переправу через Неман и передвижение войск по всем направлениям. Он узнал, что русская армия отступает по всей линии, и считал, что так как она занимает очень растянутый фронт, то левому крылу под командой Багратиона⁹⁵, находящемуся особенно далеко, трудно будет соединиться с главными силами.

– Я воспользуюсь этим, – сказал император, – если русские не будут сражаться до Вильно.

Император хотел, чтобы все летели на крыльях. 27-го он переночевал в Овсянишках, а 28-го в девять часов утра прибыл в Вильно. Это быстрое движение при отсутствии продовольственных складов исчерпало и разорило все запасы и все жилые места, находившиеся по пути. Авангард еще кормился, а остальная часть армии умирала от голода. В результате перенапряжения, лишений и очень холодных дождей по ночам погибло 10 тысяч лошадей. Много солдат из молодой гвардии умерло во время переходов из-за усталости, холода и лишений.

Начальники хотели, чтобы эта молодежь соревновалась со старыми воинскими частями, сумевшими перенести столько трудностей, лишений и опасностей; молодежь пала жертвой этого неуместного пыла. Князь Экмюльский, подкреплявший авангард неаполитанского короля, сообщил, что генерал-лейтенант Балашев – генерал-адъютант русского императора – прибыл в его штаб с миссией к императору⁹⁶. Он получил приказ задерживать его под разными предлогами. Император дозволил ему приехать в Вильно лишь через два или три дня после своего прибытия. Наш авангард имел довольно оживленную стычку в несколь-

---

⁹³ 24 июня.

⁹⁴ Полковник Геенэк командовал 13-м пехотным полком, которому было поручено найти брод через Вилию. Так как поиски брода затянулись, то Геенэк вызвал охотников, которые должны были переплыть реку и произвести разведку на противоположном берегу. Охотников в его полку нашлось много, а за ними последовало еще больше французских и польских кавалеристов. Течение было очень быстрое, и многие начали тонуть. Геенэк бросился тогда в воду верхом на лошади, и ему удалось спасти одного из тонувших. Этот эпизод в несколько измененном виде рассказан в «Войне и мире» Л. Толстого.

⁹⁵ Багратион Петр Иванович (1765–1812) – генерал, участвовал со славой в войнах на Кавказе, с Турцией, с Польшей, в итальянском походе Суворова, в походах 1805, 1806–1807 гг. Один из лучших «птенцов» Суворова. Блестящий стратег, горячий сторонник наступательной войны в 1812 г., возненавидел Барклая за его отступление. Умер от раны, полученной под Бородином.

⁹⁶ Генерал-адъютант Александр Дмитриевич Балашев (1770–1837) прибыл в штаб Даву 28 июня.

ких лье от Вильно, а потом вторую вблизи города. Нашей кавалерии не повезло. Капитан легкой кавалерии де Сегюр попал в плен⁹⁷.

Император проехал по городу без предварительного оповещения. Город казался опустевшим. Несколько евреев и несколько человек из простонародья – вот все, кого можно было встретить в этой так называемой дружественной стране, с которой наши войска, изнуренные и не получающие пайков, обращались хуже, чем с неприятельской. Император не остановился в городе. Он осмотрел мост, окрестности и подожженные неприятелем склады, которые еще горели. Он приказал поскорее починить мост, отдал распоряжение о некоторых оборонительных работах под городом, вернулся обратно и заехал во дворец. Хотя о его возвращении было объявлено, хотя двор, штаб, гвардия и все, что указывало на его присутствие, обосновались там, население ровно ничем не проявляло любопытства, никто не выглядел из окон, не наблюдалось никакого энтузиазма, не видно было даже обычных зевак. Все выглядело угрюмо.

Император был поражен этим и, входя в кабинет, не мог удержаться от слов:

– Здешние поляки не похожи на варшавских.

Это объяснялось некоторыми беспорядками, имевшими место в городе и напугавшими жителей, а также тем, что здешние поляки, довольные русским правительством, были мало расположены к перемене. К тому же русские находились еще очень близко⁹⁸, и никакого решительного сражения до сих пор не было.

Император получил достоверные сведения об отступательном движении русских. Он был удивлен тем, что они сдали Вильно без боя и успели вовремя принять решение и ускользнуть от него.

Потерять надежду на большое сражение перед Вильно было для него все равно, что нож в сердце. Он льстил себя надеждой, что князю Экмюльскому больше повезет в его движении против Багратиона и что корпуса, которые двинутся к Двине, достигнут левый фланг русских. Всех офицеров, прибывающих из разных корпусов, он прежде всего спрашивал: «Сколько взято пленных?» Он хотел трофеев, чтобы поднять дух поляков, но никто их не присылал. Герцог Бассано и князь Сапега⁹⁹ старались организовать страну и вдохнуть в нее польский дух. Но жители были, по-видимому, не очень склонны откликнуться на призыв к их патриотизму. Грабежи и беспорядки всякого рода, производимые армией, разогнали все деревенское население. В городе видные лица сидели по домам. Приходилось вызывать их от имени императора, так как никто не представлялся, не стремился выдвинуться вперед, как ни старались об этом поляки, прибывшие вместе с армией.

Беспорядки, производимые армией, немало увеличивали всеобщее недовольство. В Вильно ощущался недостаток во всем, и через четыре дня необходимое продовольствие надо было искать уже очень далеко. Число отставших от своих корпусов было уже довольно

---

⁹⁷ Речь идет о капитане Октаве Габриеле Анри, графе де Сегюр. Его двоюродный брат, граф Филипп Поль де Сегюр, был в свите Наполеона во время похода 1812 г. и написал известную историю этого похода.

⁹⁸ В начале кампании русские силы состояли из трех армий. Первая армия под начальством Баркляя-де-Толли была расположена от Россиен до Лиды; штаб находился в Вильно. Вторая армия под начальством Багратиона располагалась между Неманом и Бугом; штаб ее был в Волковыске. Резервная наблюдательная армия под начальством Торماسова была расположена за Вольнскими болотами со штабом в Луцке. Против этих армий стоял центр наполеоновской армии, делившийся на две части. Одна из них, состоявшая из корпусов Даву, Удино, Нея, Евгения Богарнэ, Сен-Сира, гвардии под начальством Мортье (маршалов Лефевра, Мортье и Бессьера) и кавалерии Мюрата, находилась под непосредственным командованием Наполеона. Другая часть, состоявшая из корпусов Понятовского, Рейнье, Вандамма и кавалерии Латур-Мобура, была подчинена Жерому Бонапарту (Вестфальскому королю). Левое крыло (под начальством Макдональда) должно было действовать против Риги; правое крыло (под начальством Шварценберга) стояло на Буге. 26 июня первая русская армия начала отступление по направлению от Вильно на Дриссу и далее к Смоленску. Второй армии был дан приказ отступить к Смоленску для соединения с первой. Тотчас же после перехода через Неман Наполеон поручил Удино и Нею преследовать Баркляя-де-Толли, а Даву – двигаться по направлению на Минск, чтобы отрезать Багратиона от Баркляя.

⁹⁹ Князь Сапега-Коденский (1773–1812) – член литовской правительственной комиссии, назначенной Наполеоном.

значительно. Военные суды и несколько случаев примерного наказания запугали их и побудили часть из них возвратиться, но пока продолжалась переправа, порядок был восстановлен слабо.

Император решил вызвать Балашева в Вильно. Его величество, говоря о миссии Балашева, превращал его поездку в свой трофей и для поощрения поляков демонстрировал этот трофей как доказательство затруднительного положения русского правительства. О приезде Балашева я узнал только тогда, когда мне сообщил об этом князь Невшательский. Он рассказал мне все, что знал об этой миссии, и с тех пор мы не ждали уже от нее ничего благоприятного для дела мира. Император Наполеон говорил:

– Мой брат Александр, который так надменно держал себя с Нарбонном, хотел бы уже уладить дело. Он боится. Мои маневры сбили русских с толку. Не пройдет и месяца, как они будут у моих ног.

Он был слишком доволен тем, что находится в Вильно, ему слишком хотелось поздравить себя с желанным успехом, на который он, быть может, уже не надеялся чтобы он мог пойти на соглашение. Но в то же время он был серьезен, озабочен, можно даже сказать мрачен. Несколько вырвавшихся у него слов доказывали, что отступление без боя, продолжавшееся после переправы через Неман, потери во время перехода до Вильно и еще больше – облик страны навели его на размышления, мало похожие на те иллюзии, которые он так долго лелеял. Но император не был человеком, способным отступить перед трудностями; они лишь возбуждали, а не обескураживали этого великого человека. Он говорил во всеуслышание, – очевидно для того, чтобы объяснить любопытствующим глупцам тот прием, который он приготовлял для Балашева и который был весьма неожиданным после его шуток насчет предполагаемой цели миссии Балашева, – что он ведет против России политическую войну и, не имея личных обид против императора Александра, хорошо примет его адъютанта.

Балашев привез письмо от императора Александра, и ему было поручено сделать на словах заявления, соответствующие содержанию письма, а именно запросить о мотивах этого нашествия среди полного мира, без всякого объявления войны и предложить, – так как России неизвестен ни один обоснованный повод к недоразумению между двумя странами, – объясниться и предотвратить войну, если император Наполеон согласен в ожидании исхода переговоров возвратиться на свои позиции за Неман. Некоторым, посвященным в тайну этого предложения, показалось, что быстрота нашего движения сразу привела в замешательство и расстройство военные планы русских, что, попав в затруднительное положение и сомневаясь в возможности соединиться до Двины с корпусом Багратиона, император Александр решил испробовать это средство, чтобы попытаться остановить наше наступательное движение при помощи каких-нибудь переговоров. Я повторяю то, что говорилось, так как у меня в то время не было никакого ясного представления об этом. Я знал только, что император Наполеон открыто сказал при мне, при князе Невшательском, герцоге Истрийском и, кажется, Дюроке:

– Александр насмехается надо мной. Не думает ли он, что я вступил в Вильно, чтобы вести переговоры о торговых договорах? Я пришел, чтобы раз навсегда покончить с колоссом северных варваров. Шпага вынута из ножен. Надо отбросить их в их льды, чтобы в течение 25 лет они не вмешивались в дела цивилизованной Европы. Даже при Екатерине русские не значили ровно ничего или очень мало в политических делах Европы. В соприкосновение с цивилизацией их привел раздел Польши. Теперь нужно, чтобы Польша в свою очередь отбросила их на свое место. Уж не сражения ли при Аустерлице и Фридрихсвальде или Тильзитский мир освящают претензии моего брата Александра? Надо воспользоваться случаем и отбить у русских охоту требовать отчета в том, что происходит в Германии. Пусть они пускают англичан в Архангельск, на это я согласен, но Балтийское море должно быть для них

закрыто. Почему Александр не объяснился с Нарбонном или с Лористоном, который был в Петербурге и которого царь не пожелал принять в Вильно¹⁰⁰? Румянцев до последнего дня не хотел верить в войну. Он убеждал Александра, что наши передвижения – только угрозы и что я слишком заинтересован в сохранении союза с Россией, чтобы решиться на войну. Он считал, что разгадал меня и что он более проницательный политик, чем я. Теперь Александр видит, что дело серьезно, что его армия разрезана; он испуган и хочет помириться, но мир я подпишу в Москве. Я не хочу, чтобы петербургское правительство считало себя вправе сердиться на то, что я делаю в Германии, и чтобы русский посол осмеливался угрожать мне, если я не эвакуирую Данциг. Каждому свой черед. Прошло то время, когда Екатерина делила Польшу, заставляла дрожать слабохарактерного Людовика XV в Версале и в то же время устраивала так, что ее превозносили все парижские болтуны. После Эрфурта Александр слишком возгордился. Приобретение Финляндии вскружило ему голову. Если ему нужны победы, пусть он бьет персов, но пусть он не вмешивается в дела Европы. Цивилизация отвергает этих обитателей севера. Европа должна устраиваться без них.

Балашев был хорошо принят императором, который пригласил его на обед вместе с князем Невшательским, герцогом Истрийским и мною¹⁰¹. Я был более чем удивлен этой милостью, которая, впрочем, не могла относиться лично ко мне, так как император давно уже отучил меня от всех милостей. Император прекрасно отнесся к Балашеву и много разговаривал с ним. Во время послеобеденной беседы его величество сказал, обращаясь ко мне:

– Император Александр хорошо обращается с послами. Он думает, что своими любезностями делает политику. Из Коленкура он сделал русского.

Это был обычный упрек. Так как он не мог меня задеть перед моими соотечественниками, которые достаточно хорошо знали меня, чтобы разделить мое отношение к мотивам этих упреков, то я обычно не обращал на него внимания.

Но на сей раз он был намеренно повторен как титул, под которым меня хотели рекомендовать императору Александру. Я обиделся и не мог удержаться от ответа императору, которому я с оскорбленным видом сказал:

– Именно потому, конечно, что моя откровенность слишком хорошо доказала вашему величеству, что я – прекрасный француз, ваше величество хочет сделать вид, что сомневается в этом. Знаки благоволения, которыми императору Александру часто угодно было меня почтить, были направлены по адресу вашего величества. Будучи вашим верным слугой, государь, я никогда их не забуду.

Император, заметив, что я был возбужден, заговорил на другие темы и вскоре отпустил Балашева.

Перед обедом император поручил мне повидать этого генерала и сообщить, что он даст ему своих лошадей для возвращения в расположение русской армии; он приказал мне также согласовать с начальником штаба маршрут и вопрос о его эскорте. Я говорил с Балашевым не больше минуты и просил повергнуть мое почтение к стопам его повелителя.

Когда Балашев вышел от императора, его величество шутя сказал мне, что я напрасно рассердился на его слова о том, что я сделался русским; с его стороны это была лишь любезность с целью доказать императору Александру, что я не забыл знаки его благосклонности.

– Вы огорчаетесь, – прибавил император, – тою неприятностью, которую я намерен причинить вашему другу. Его армии не смеют дожидаться нас; они уже не спасают ни чести своего оружия, ни чести правительства.

---

¹⁰⁰ Лористону, находившемуся еще в Петербурге, письмом от 20 мая 1812 г. было приказано отправиться в ставку Александра, чтобы затребовать объяснения. Александр отказался принять его и не позволил приехать в Вильно.

¹⁰¹ Во время этого обеда Балашев, отвечая на вопрос Наполеона о дороге, ведущей в Москву, будто бы сказал свою знаменитую фразу, о которой упоминает в «Войне и мире» Толстой: «Русские, как и французы, говорят, что все дороги ведут в Рим. Можно выбрать любую дорогу на Москву. Карл XII выбрал дорогу через Полтаву».

Не пройдет и двух месяцев, как русские вельможи принудят Александра просить у меня мира.

К своим обычным обвинениям он прибавил еще и другие, чтобы доказать князю Невшательскому, герцогу Истрийскому и, вероятно, двум-трем присутствовавшим адъютантам, что я против этой войны и порицаю его систему. Он несколько раз повторил, что эта война самая политическая из всех, которые он когда-либо предпринимал, что Россия после Тильзита ничего не сделала для союза и очень мало или даже вовсе ему не помогла во время австрийского похода. Он упрекал Россию в том, что она покровительствует английской торговле. Он старался показать, что Австрия довольна этой войной, надеясь, что война вернет ей ее морские провинции взамен Польши, которой она не придает большого значения.

Я был так оскорблен упреком «вы русский», что не мог сдержаться. Я ответил императору, что я в большей мере француз, чем те, кто подстрекал к этой войне, так как я всегда говорил ему правду, между тем как другие сочиняли сказки, чтобы его подстрекать, надеясь угодить ему этим; я знаю свой долг почтения к моему повелителю и терпел его шутки в присутствии моих соотечественников, уважение которых мне обеспечено, но подвергать сомнению мою верность и мои чувства француз в присутствии иностранца – это значит оскорблять меня; раз уж его величество говорит об этом публично, то я горжусь тем, что я против этой войны и сделал все, чтобы предотвратить ее; я горжусь даже теми неприятностями и огорчениями, которые мне пришлось из-за этого перенести; я вижу уже давно, что мои услуги ему более не угодны, и прошу уволить меня; так как я не могу с честью возвратиться домой, пока продолжается война, то прошу его дать мне какую-нибудь командную должность в Испании и разрешить отправиться туда завтра же.

Император ответил мне очень спокойно:

– Кто же сомневается в вашей верности? Я отлично знаю, что вы честный человек. Я ведь только шучу. Вы слишком щепетильны. Вы хорошо знаете, что я отношусь к вам с уважением. Сейчас вы говорите вздор. Я не стану отвечать на все, что вы мне только что сказали.

Признаюсь, я был до такой степени вне себя, что вместо того чтобы успокоиться, был готов наговорить императору еще более неуместные вещи.

Герцог Истрийский потянул меня за одну руку, князь Невшательский – за другую; оба они уговаривали, умоляли меня не отвечать. Император, по-прежнему сохранявший терпение и говоривший с прежней добротой, видя, что меня не удастся привести в рассудок, удалился в свой кабинет, оставив меня с этими господами, которые тщетно пытались увести и успокоить меня. Я потерял голову. Наконец, я ушел к себе, твердо решившись уехать. Я лег спать лишь после того, как привел все в порядок и приготовился к отъезду. На другой день с самого утра я обратился к Дюроку с просьбой принять на себя исполнение моих обязанностей и испросить соответствующие распоряжения от императора. Он уговаривал меня, но безрезультатно.

Через некоторое время ко мне пришли один за другим князь Невшательский и Дюрок, оба по поручению императора, который, заметив мое отсутствие на выходе, поручил передать мне, что он желает, чтобы о происшедшем не было больше никакой речи. Я по-прежнему настаивал на своем желании уехать. Император, не видя меня, когда он садился на лошадь для прогулки верхом, дважды посылал за мной. Меня не нашли. Я не хотел попасть в неловкое положение и объясняться с людьми, с которыми не подобало входить в рассуждение о мотивах моего отказа.

Видя, что я не появляюсь, император, проехавшись по городу и остановившись у моста, велел отыскать меня и передать его приказание явиться для разговора с ним. Я не мог отказать в повиновении и подъехал к нему, когда он осматривал работы, производившиеся

под Вильно. Как только я явился, он тотчас взял меня за ухо (это был его обычный ласковый жест, выражавший благосклонность) и сказал:

– С ума вы сошли, что хотите меня покинуть? Вы знаете, что я отношусь к вам с уважением и совсем не хотел вас обидеть.

Он поскакал галопом, но вскоре остановился и начал говорить о разных делах. Ни мне, ни Дюроку не оставалось ничего другого, как признать, что я не уеду...

Герцог Бассано и некоторые другие лица, которым было поручено организовать страну, разглагольствовали о ее мнимом энтузиазме. Я жил, по обыкновению, очень замкнуто. Мой спор с императором сделал меня еще более осмотрительным. Должен сказать, однако, что он ничем больше не напоминал мне о случившемся. О том, что происходило, рассказывали мне все. А к тому же достаточно было иметь уши, когда вы находились в служебных помещениях или участвовали в поездках императора, чтобы быть в курсе всех событий. Все ясно видели, что представляют собою литовцы: они очень холодно относились к польскому делу, были мало склонны к жертвам и очень недовольны стеснениями, связанными с войной, и беспорядками, неизбежными при таких быстрых передвижениях войск. Несомненно, они были бы довольны восстановлением Польши, но они сомневались в том, что это – единственная цель императора, а в особенности в том, что они получают такую форму правления, которая соответствовала бы их притязаниям, интересам и обычаям. Тем не менее удалось организовать правительственную комиссию.

Варшавский сейм, собравшийся 24 июня в качестве генеральной конфедерации¹⁰², призвал всех поляков к оружию, убеждая их покинуть знамена угнетателей, которым они служили, и послал в Вильно депутацию, чтобы представить императору свои пожелания и надежды, а также чтобы побудить литовцев к действиям. Ответ императора на речи участников депутации показал, что Галиция не включается в состав Польши, и был настолько уклончивым, что обдал холодом и разочаровал даже самых увлекающихся людей.

Отсюда можно сделать вывод и о впечатлении, которое он произвел на тех, кто не увлекался. Каждый пытался найти в этом ответе то, что ему было желательно. Благоразумные люди нашли в нем признаки нерешительности, а следовательно, доказательство того, что император еще не принял определенного решения по поводу Польши и что при той обстановке, которая может создаться в результате военных действий, восстановление Польши не будет непременно условием и не явится препятствием к заключению мира. Из ответа императора заключали также, что он заметил, как мало воодушевлены литовцы, и не хочет связывать себе руки, ибо те методы, которыми русские начали эту кампанию, могут отдалить разрешение вопроса за пределы того срока, на какой он рассчитывал. Эти взгляды были по душе всем благоразумным людям, можно сказать, очень многим, потому что уже в самом начале этого несчастного похода было много людей, не одобрявших его. Во время своего пребывания в Вильно император проявлял невероятную активность. Ему не хватало не только дней, но и ночей. Адьютанты, офицеры для поручений, штабные офицеры носились по всем дорогам.

По-прежнему он с нетерпением ожидал донесений из корпусов, двинувшихся в поход. Всех приезжающих он прежде всего спрашивал:

– Сколько взято пленных?

К его великому сожалению, стычки оставались безрезультатными. Он вполне основательно надеялся, что у князя Экмюльского дело дойдет до боя с князем Багратионом, и радовался, что этому генералу, правой руке старика Суворова, придется схватиться с самым доблестным из его соратников. Он был очень недоволен стычкой авангарда Неаполитан-

---

¹⁰² Председателем сейма был князь Адам Казимир Чарторыйский, отец Адама Юрия Чарторыйского, бывшего приближенного Александра I.

ского короля с неприятельской кавалерией¹⁰³. Генерал де Сен-Женье и довольно много солдат попали в плен. Тем временем наше левое крыло продвигалось. Маневры императора приняли определенный характер, и 17 июля он выехал из Вильно, чтобы присоединиться к своей гвардии в Свенцянах.

Там император получил донесения Неаполитанского короля, подробно сообщавшего ему о неудаче, постигшей его кавалерию. Одновременно он ему сообщил, что укрепленный Дрисский лагерь¹⁰⁴ был эвакуирован русскими 18 июля и русская армия, оставив все позиции и укрепления, возводившиеся в течение двух лет, начала общее отступление. Багратион был бы отрезан от Баркляя и от южных губерний, если бы он не поторопился начать отступление. Так как император давно предсказывал этот неминуемый успех, то он явился хорошим предзнаменованием. Он вскружил императору голову и воспламенил даже людей, наиболее холодно относившихся к «этому польскому делу», как называли кампанию в ставке.

Император тотчас же решил направиться в Глубокое.

Гвардия немедленно была двинута в этом направлении. Император оставался на месте еще часов двенадцать, рассылая приказы, а затем продолжал наступательное движение в течение всей ночи, надеясь, что быстрота маневра позволит ему настигнуть русскую армию; в Глубокое он приехал утром¹⁰⁵. Это – красивый монастырь в очень плодородном районе. Изумительный марш от Вильно до Глубокого доказал, что при хорошем уходе лошади могут совершать поразительные переходы, так как они, верховые и вьючные, нагруженные большими тюками, выйдя в шесть часов утра из Вильно, пришли в Свенцяны в восемь часов вечера, а на завтра в полдень были в Глубоком, сделав 48 лье. Упряжные лошади сделали переход из пункта, находящегося в шести лье от Свенцяна, в 18 часов, причем ни одна из них не заболела.

Неаполитанский король, командовавший авангардом, стоял на Двине. За неудачной рекогносцировкой, которая стоила нам генерала де Сен-Женье и многих офицеров, следовало несколько кавалерийских стычек с переменным успехом. Так как русской армии удалось скрыть от короля свое отступление, то она осуществляла его без помехи, но маршал князь Экмюльский быстрым движением на Могилев отрезал отступление князю Багратиону, который завязал под Салтановкой оживленный, но безуспешный авангардный бой с целью освободить свою коммуникационную линию¹⁰⁶.

Это ему не удалось, и после бесплодных усилий, стоивших ему 4–5 тысяч человек, выбывших из строя, он должен был решиться на новое отклонение в сторону, чтобы пойти на соединение с главными силами армии, которые он мог догнать лишь в Смоленске. Это сражение было кровопролитным, особенно много потерь несли русские, но пленных мы взяли очень мало.

Одновременно было получено сообщение, что император Александр несколько дней тому назад покинул армию, выехал 18 июля из Полоцка и отправился в Москву, чтобы призвать народ к оружию. Решили, что он покинул армию, не желая, чтобы на него падала ответственность за последующие результаты военных действий, так как первые операции были неблагоприятны для русских: они разрезали армию и заставили эвакуировать укрепленный лагерь, который считался в России непобедимой преградой при наличии достаточно многочисленной армии. Одновременно стали известными указ о рекрутском наборе – по одному

---

¹⁰³ Речь идет о столкновении французских аванпостов с частями корпуса Витгенштейна; французские аванпосты были захвачены врасплох и попали в плен.

¹⁰⁴ Лагерь в Дриссе был устроен по плану прусского стратега генерала Фуля, предлагавшего, чтобы одна русская армия, укрепившись в лагере, задержала Наполеона на Двине, а другая ударила на его коммуникационные линии. План был оставлен вследствие его несостоятельности.

¹⁰⁵ Наполеон приехал в Глубокое 11 июля.

¹⁰⁶ Бой под Салтановкой происходил 23 июля. Там геройски сражался генерал Н. Н. Раевский.

рекруту на каждые 100 человек – и два манифеста императора Александра, один из которых был обращен к русскому народу, а другой – к городу Москве; эти манифесты не оставляли сомнений в том, что он хочет превратить войну в национальную. Печатные листки за подписью Баркляя¹⁰⁷, подброшенные на наши аванпосты, доказывали, что он не очень щепетильно разбирался в применяемых средствах, так как в этих листках французов и немцев призывали покинуть свои знамена, обещая устроить их в России. Император Наполеон был, по-видимому, этим удивлен.

– Мой брат Александр не считается больше ни с чем, – сказал он, – я тоже мог бы объявить освобождение его крестьян; он ошибся в силе своей армии, не умеет руководить ею и не хочет заключать мира; это не очень последовательно. Когда вы не являетесь более сильным, то надо быть лучшим дипломатом, а дипломатия Александра должна заключаться в том, чтобы покончить с войной.

Император был страшно рад, когда узнал об эвакуации Дрисского лагеря, над укреплением которого русские работали в течение двух лет. Отъезд Александра из армии также казался ему успехом. Он с полным основанием приписывал его своим быстрым передвижениям, которые, помешав соединению главных сил русской армии, принудили Александра эвакуировать без боя свой лагерь, чтобы искать в более глубоком тылу тот пункт, где может произойти соединение. По словам императора, он мог теперь выбирать между Москвой и Петербургом, если Россия не запросит мира. Он надеялся своими быстрыми маневрами принудить русскую армию принять сражение, которого он желал, или же деморализовать и изнурить ее непрерывным отступлением без боя. Он говорил также, что корпусу Багратиона не удастся соединиться с главными силами армии, что он будет захвачен или разгромлен, по крайней мере частично, и это произведет большое впечатление в России, так как Багратион был одним из старых соратников Суворова.

Император вскоре решил двинуться на Витебск, надеясь заставить русскую армию принять бой для защиты этого города, а может быть, с целью подстеречь Багратиона, которого продолжал теснить князь Экмюльский. Его величество выехал из Глубокого 21-го и ночевал в Камене 23-го. Русские гвардейские гусары жестоко пострадали в столкновении с нашим авангардом возле Бешенковичей¹⁰⁸. Именно по прибытии в этот городок 24-го числа император впервые обратил внимание на то, что мы наблюдали уже в течение двух дней: все жители бежали из города, дома были абсолютно пустыми, и все доказывало, что эта эмиграция осуществлялась систематически, согласно распоряжениям, недавно изданным правительством.

После Бешенковичей и до того, как мы миновали Витебск, мы останавливались на бивуаках и разбивали палатки.

Император, который так желал сражения, пускал в ход всю свою энергию и весь свой гений, чтобы ускорить движение. Он добивался сражения и тем больше мечтал о нем, что, по слухам, в Витебске находился император Александр. Сражение под Островным, следовавшее за сражением под Бешенковичами, было достаточно кровопролитным и окончилось в нашу пользу, но это был не больше как арьергардный бой, при котором неприятель,

---

¹⁰⁷ Барклай-де-Толли Михаил Богданович (1761–1818) – князь, генерал-фельдмаршал. Блестяще закончил войну с Швецией в 1809 г. переходом по льду через Ботнический залив. В начале войны 1812 г. командовал первой армией, но как военный министр руководил общими действиями обеих армий. Сторонник завлечения Наполеона в глубь страны путем отхода перед его армией. Должен был уступить главное командование Кутузову, вскоре после Бородинского сражения был отставлен и от должности военного министра. В походах 1813–1814 гг. командовал объединенной русской и прусской армией.

¹⁰⁸ Бой у Бешенковичей происходил 25 июля. В этом бою против войск Мюрата сражались русские войска, прикрывавшие правое крыло Баркляя-де-Толли.

по существу, добился желательного для него результата, ибо он задержал наше движение, принудил нас занять позиции и, следовательно, остановил нас на несколько часов¹⁰⁹.

Русских отбросили к Лучесе, маленькой речке, впадающей в Двину, недалеко от Витебска. Ночью было ускорено движение всех корпусов и всех артиллерийских резервов; были пущены в ход все средства в надежде, что завтра или самое позднее послезавтра состоится генеральное сражение – предмет всех желаний и упований императора. Его величество часть ночи оставался на лошади, подгоняя и ускоряя движение воинских частей и ободряя войска, которые были полны воинственного пыла. Неаполитанский король уверял, что все маневры неприятеля указывают на подготовку к сражению. Император и вся армия слишком сильно желали этого сражения и поэтому тешили себя надеждой, что великий результат близок.

Император еще до рассвета был уже в седле; разведка, дошедшая до Лучесы, обнаружила крупный неприятельский кавалерийский отряд, занимавший боевые позиции. Наша пехота подходила; два полка уже перешли мост, но еще ожидали на равнине, выдвинувшись немного вперед и направо, чтобы артиллерия и кавалерия присоединились к ним. Неприятель развернул значительные массы кавалерии, которые напали на слабые полки легких войск нашего авангарда, построившиеся в две линии слева от дороги и впереди оврага. Подоспели наши кавалерийские полки, но они не могли построиться достаточно быстро, чтобы дать отпор неприятельским силам, завязавшим уже бой с нашим слабым авангардом, над которым неприятель сначала одержал некоторую легко доставшуюся ему победу.

Как раз в это время рота вольтижеров, направленная на наш левый фланг, чтобы поддержать нашу малочисленную кавалерию, доказала, что в состоянии создать решимость этих замечательных пехотных частях, даже когда они изолированы. Разместившись вдоль реки, а также в кустарниках и домах перед оврагом, эти храбрецы, окруженные в сто раз более сильной кавалерией, вели с ней перестрелку, чтобы поддержать наши слабые эскадроны; они стреляли без перерыва и все время выводили из строя неприятельских кавалеристов, причиняя противнику такой урон (причем сами они почти не имели потерь), что им удалось удержать его на достаточном расстоянии от фланга наших эскадронов, которые без этой ценной подмоги попали бы в начале боя в большую опасность. Много раз мы видели, как пять-шесть вольтижеров стоят группой в 50 шагах от неприятельских эскадронов под обстрелом целой тучи всадников и держатся против них, прислонившись спиной друг к другу, экономя свои патроны и выжидая неприятеля с таким расчетом, чтобы можно было стрелять в упор. Они привели даже нескольких пленных. Эта рота держалась там значительную часть дня. Многим из них, приводившим к императору пленных и просившим у него за это крест Почетного легиона, он говорил: «Вы все храбрецы, и все заслуживаете этот крест». В самом деле, никогда еще не приходилось наблюдать, чтобы маленький отряд маневрировал с такой находчивостью и такой отвагой. Вся армия восхищалась этими храбрецами. Несколько человек были убиты, многие были ранены, но раненые, если только они не оказывались окончательно лишенными возможности участвовать в бою, не желали покидать своих товарищей. Я не могу выразить, до какой степени сожалею о том, что при отступлении я потерял вместе с другими различными заметками список офицеров и унтер-офицеров, этих храбрецов, с обозначением номера полка.

После боя, который снова сильно задержал наши маневры, армия двинулась вперед, и на другой день мы оказались перед фронтом неприятеля, занимавшего высоты, окаймляющие большую возвышенность перед Витебском. Нас отделяла от него только Лучеса; наши аванпосты стояли у подножия возвышенности. День прошел в маневренных передвижениях, артиллерийской перестрелке и мелких стычках, целью которых было нащупать и выяснить позиции друг друга, а также подготовиться к большому сражению, которого с

¹⁰⁹ Бой под Островным происходил 26 июля.

надеждой ждали назавтра император и очень многие французы. Император был весел и уже сиял лучами славы, – до такой степени он верил в то, что померяется силами со своими врагами и добьется результата, оправдывающего поход, который завел его уже слишком далеко. Он провел весь день на лошади, обследовал территорию во всех направлениях и притом на довольно далеком расстоянии и возвратился к себе в палатку очень поздно, после того как, можно сказать, лично все осмотрел и во всем удостоверился.

Нельзя представить себе всеобщего разочарования и в частности разочарования императора, когда на рассвете стало несомненным, что русская армия скрылась, оставив Витебск. Нельзя было найти ни одного человека, который мог бы указать, по какому направлению ушел неприятель, не проходивший вовсе через город.

В течение нескольких часов пришлось подобно охотникам выслеживать неприятеля по всем направлениям, по которым он мог пойти. Но какое из них было верным? По какому из них пошли его главные силы, его артиллерия? Этого мы не знали, не знали в течение нескольких часов, так как следы имелись повсюду; поэтому в первый момент император бросил вперед только авангарды. Весьма тщательно и по нескольку раз он объехал все закоулки неприятельской позиции, в частности те, где был лагерь и бивуаки неприятеля, чтобы составить точное представление о его численности. Он сам затем участвовал в разведке перед Витебском и вернулся в город в 11 часов, чтобы попытаться получить там какие-нибудь данные о численности, передвижениях и планах неприятеля, но ему не удалось добыть никаких удовлетворительных сведений. Он быстро объехал улицы и окраины города, а затем присоединился к своей гвардии, которая вместе со всеми войсками уже выступила по Смоленской дороге. Император надеялся, что удастся настигнуть русский арьергард, и поэтому торопил все передовые войсковые части, причем приказал передать Неаполитанскому королю, чтобы он во что бы то ни стало захватил нескольких пленных и послал их к нему. Но наш авангард неудачно попал в засаду возле Ложесны; мы потеряли несколько человек, и обе стороны заняли позиции. Войска были изнурены. Многие лошади не в состоянии были выдержать аллюра авангардных атак, и это послужило причиной гибели всадников. Император расположился на бивуаке у Ложесны вместе со всей гвардией и оставался там часть дня, а также и на следующий день, чтобы выждать донесений¹¹⁰.

Местных жителей не был видно; пленных не удавалось взять; отставших по пути не попадалось; шпионов мы не имели. Мы находились среди русских поселений, и тем не менее, если мне позволено будет воспользоваться этим сравнением, мы были подобны кораблю без компаса, затерявшемуся среди безбрежного океана, и не знали, что происходит вокруг нас. Наконец, от двух захваченных нами крестьян мы узнали, что русская армия ушла далеко вперед и что она начала свое движение еще четыре дня тому назад. Император раздумывал больше часа.

– Возможно, – сказал он, – русские хотят дать бой в Смоленске. Багратион еще не присоединился к ним. Надо их атаковать.

Он принял, наконец, решение и счел нужным дать армии необходимый отдых. Часть кавалерии уже изнемогала; артиллерия и пехота были очень истомлены; дороги были полны отставшими, которые разрушали и грабили все. Было необходимо организовать наши тылы, выждать результата операций наших корпусов, оставшихся на Двине. Не сомневаясь более, что русская армия ускользнула от него и что в настоящий момент он не добьется желанного сражения, император был чрезвычайно мрачен. В конце концов он решил возвратиться в Витебск.

Как я уже сказал, наши кавалерия и артиллерия терпели большие лишения. Пало очень много лошадей. Многие лошади еле тащились, отстав от своих частей и блуждая в тылу, дру-

¹¹⁰ 29 июля.

гие тащились за корпусами, для которых они были обузой, не приносящей никакой пользы. Пришлось побросать много артиллерийских зарядных ящиков и обозных телег. Не хватало трети лошадей; в строю оставалось никак не больше половины того числа, которое было налицо в начале кампании.

В Ложесне – вечером, после схватки нашего авангарда с казаками, – я услышал от императора его первые рассуждения о новой манере войны, усвоенной русскими. Он жаловался в особенности на то, что стычки, происходившие ежедневно, не давали никаких пленных, что лишало его возможности получить определенные сведения о русской армии. За исключением иезуитов, все состоятельные жители бежали. Дома были пусты. Немногочисленные жители, оставшиеся в Витебске, ничего не видали, ничего не знали и принадлежали к низшему классу. В тот же вечер на бивуаке командиры корпусов, созданные императором и получившие от него нечто вроде выговора за непринятие мер для захвата нескольких пленных в небольших авангардных стычках, откровенно заявили ему то, что все мы уже знали, о чем князь Невшательский и мы уже говорили императору, но чему он отказывался верить, а именно, что кавалерийские лошади слишком утомлены и не могут идти галопом, а люди вынуждены бросать лошадей и спасаться в пешем порядке, если их эскадронам приходится отступать при атаке.

Неаполитанский король знал это лучше всех и говорил об этом с нами. Он рискнул даже сказать несколько слов в этом смысле императору, но его величество не любил рассуждений, расстраивавших его планы, и пропустил замечание мимо ушей. Император заговорил о других вопросах, и Неаполитанский король сохранил свои благоразумные соображения при себе, так как он больше всего стремился угождать императору (это давало удовлетворение как его привязанности к императору, так и привязанности императора к нему). Он высказывал эти соображения только нам, но, когда он выступал во главе стрелков и красовался под носом у казаков в своем фантастическом костюме с развевающимся султаном, он тотчас же забывал, что довершает развал кавалерии, губит армию и ставит Францию и императора на край бездны. Был, однако, случай, когда генерал Бельяр, начальник штаба короля, сказал в его присутствии, отвечая на вопрос императора:

– Надо сказать правду вашему величеству. Кавалерия сильно тает. Слишком длительные переходы губят ее, и во время атак можно видеть, как храбрые бойцы вынуждены оставаться позади, потому что лошади не в состоянии больше идти ускоренным аллюром.

Император не обратил никакого внимания на это благоразумное замечание; он надеялся настигнуть свою добычу, а эта выгода была, конечно, неоценимой в его глазах, и он жертвовал всем, чтобы добиться ее.

Пока в рядах великой армии происходили эти события, Вестфальский король¹¹¹, назначенный для поддержки корпуса князя Экмюльского, отдал герцогство Варшавское на разграбление своим войскам и вызвал недовольство этой преданной им страны, которой он к тому же мечтал править; считая, как и многие другие, что Польша, которую император хочет возродить, эта буферная держава, которую он хочет создать, предназначена ему, он счел ниже своего достоинства служить под командой победителя при Ауэрштедте и Экмюле и, покинув армию, возвратился со своей гвардией в Кассель. Вот как в трудных обстоятельствах помогали императору его братья, которых он сделал королями! По словам императора, король своими действиями помешал операциям князя Экмюльского и был повинен в том, что Багратион ускользнул от князя и таким образом был потерян результат начального периода кампании. Я передаю то, что неоднократно слышал в то время от императора; это повторил мне и князь Невшательский, а потом подтвердил князь Экмюльский.

---

¹¹¹ Т. е. Жером Бонапарт.

Император оставил маршалу князю Экмюльскому только часть его корпуса; 1, 2 и 3-я дивизии, которыми командовали генералы Моран, Юден и Фриан, после переправы через Неман были отданы под начальство Неаполитанского короля для преследования неприятеля и поддержки кавалерии. У маршала оставались только дивизии Компана и Дезэ, причем половину дивизии Дезэ маршал должен был оставить в качестве обсервационного отряда в Минске. Как только император узнал о передвижениях русских и о том, что корпус Багратиона оторвался от главных сил, он направил маршала против этого корпуса с тем небольшим количеством войск, которые были у него под рукой (полторы дивизии), но предупредил его в то же время, что он предоставляет в его распоряжение и отдает под его команду Вестфальского короля с его корпусом, а также поляков Понятовского¹¹², которые шли следом за ним. Маршал, сознавая всю важность операции, которую ему поручил император, ускорил свои переходы, ибо знал, что Багратиону придется пройти длинные и трудные дефиле между огромными болотами, и решил подойти раньше его к выходу из этих дефиле, хотя бы только с головными частями своей колонны. Он предупредил короля о своем движении, об имеющихся у него сведениях и о своих планах и предписал ему осведомить об этом Понятовского и теснить Багратиона, который потерял три дня в Несвиже, а кроме того и время, требовавшееся на обратный переход; цель заключалась в том, чтобы поставить Багратиона меж двух огней. Но король был недоволен тем, что он оказался под начальством маршала, и не хотел считаться ни с обстоятельствами, ни с достоинствами человека, который был победителем в стольких сражениях и которому он был даже обязан своей короной; раздосадованный, он не исполнил приказа, не заботясь о последствиях неповиновения своему брату и маршалу, и даже не уведомил о полученном приказе Понятовского, который мог бы выполнить его хотя бы частично. Он плохо принял офицера, привезшего приказ, позволил себе даже неуместные замечания и, как я уже сказал, покинул армию вместе со своей гвардией. Маршал, как он и предвидел, настиг обозы и парки, шедшие впереди корпуса Багратиона, захватил значительную их часть, а также несколько человек пленных и продолжал свое движение, не заботясь о захваченных трофеях, чтобы находиться уже на позициях, когда русские выйдут на дефиле.

Не обладая после отъезда короля достаточными силами, чтобы сразиться с русскими в открытом поле, он занял позиции перед Могилевом; к этому пункту направлялся Багратион, которого неповиновение короля спасло, дав ему возможность изменить свой маршрут. Зная, что ему придется иметь дело лишь со слабым корпусом, наспех собранным маршалом, и что никто его не теснит, Багратион послал к князю Экмюльскому адъютанта, чтобы передать ему, что он в течение нескольких дней обманывал Багратиона своими активными маневрами, но теперь Багратион знает, что маршал может противопоставить ему лишь головные части колонны, а потому во избежание бесполезного боя предупреждает его, что будет завтра ночевать в Могилеве. Маршал, не отвечая на эту похвальбу, сделал все возможное для укрепления своей позиции. Вначале бой развивался с переменным успехом. Подвергшись ожесточенному нападению, маршал мужественно оборонялся, вывел у Багратиона из строя 4–5 тысяч человек и принудил его отступить и переменить в течение ночи свое направление¹¹³. Когда подумаешь о том значении, которое имели бы для всего хода дел разгром корпуса Багратиона и достижение такого результата в самом начале кампании благодаря первому же маневру императора и прекрасным распоряжениям маршала, то нельзя не почувствовать горечь при виде того, как великому полководцу изменили его близкие еще до того, как ему изменила судьба.

¹¹² Понятовский Иосиф Антоний, князь (1762–1813). Примкнул к Наполеону, прельщенный его обещанием восстановить политическую независимость Польши; организовал большую вспомогательную армию из поляков. Утонул после сражения под Лейпцигом.

¹¹³ Речь идет о сражении под Салтановкой 23 июля. Коленкур, пристрастный, как всегда, к своим, стремится превознести французов и умалить значение русских.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.